Теряя веру Как я утратил веру, делая репортажи о религиозной жизни

Кто хочет стать искателем истины, тому необходимо хотя бы раз в жизни усомниться, насколько возможно, во всем.

Рене Декарт

Книга потрясает и сердце, и разум, и душу. Автора вдохновляли честные и искренние последователи Иисуса - но иная сторона религии, темная стороиа. полная лицемерия, эгоизма, самоублажения и самых отвратительных грехов, опустошила его и убила его веру: педофильские скандалы в церкви, истинное лицо телепроповедников и целителей, шокирующие принципы работы духовенства. Эта книга-проверка ка прочность для самой прочной веры.

Моей жене Грир, четверым сыновьям: Тейлору, Тристану, Мэтью и Оливеру, и всем, кто ранен церковью.

1 Дырка в форме Бога

Паршивая жизнь Хорошие друзья Встреча с Богом

«Ибо только Я знаю намерения, какие имею о вас, — говорит Господь, — намерения во благо, а не на зло, чтобы дать вам будущность и надежду».

(Иер 29:11)

Мне было двадцать семь, и жизнь моя катилась под откос.

Пятью годами раньше я женился на ветреной школьной подружке — просто потому, что жениться казалось проще, чем с ней порвать. Потом бросил ее, но разводиться не стал. Идти в суд, спорить из-за денег — все это было противно, так что я просто смылся. И с головой окунулся в новообретенную холостяцкую свободу. В ранней юности я был примерным мальчиком, хранил верность своей первой любимой девушке — зато теперь добрал свое! Не прошло и нескольких месяцев, как моя новая подруга забеременела.

Холостяцкая жизнь еще не успела мне наскучить; от перспективы снова стать мужем, да еще и отцом я пришел в ужас (не говоря уже о том, что с первой женой мне никак не удалось бы развестись раньше, чем через полгода).

Осталось каких-то несколько месяцев свободы, думал я. Родится ребенок — и все. Прощай, жизнь, здравствуйте, суровые будни. Пока я еще на свободе — надо успеть как можно больше! Так я рассуждал и кутил с приятелями, и пил ночи напролет, и — с каким стыдом вспоминаю об этом теперь! — изменял своей беременной подруге.

В других областях жизнь моя складывалась немногим лучше. Журналистская карьера привела меня во второсортный местный журнальчик, где я с утра до вечера писал за гроши о деловом стиле жизни — теме совершенно мне чужой и неинтересной. Что ни день, желудок объявлял мне войну. Снова высыпали угри — а ведь я давно вышел из подросткового возраста! По утрам, причесываясь перед зеркалом, я старался не смотреть себе в глаза. Свой двадцать восьмой день рождения отмечать не стал — не понимал, что тут праздновать. Человек, в которого я превратился, был мне отвратителен, а жизнь — просто невыносима.

Но вот появился на свет наш сын Тейлор. Теперь я часто засиживался допоздна у его кроватки: держал сына на руках, вглядывался в его невинное личико, чувствовал, как он держит меня за палец неловкими младенческими пальчиками. И думал о том, что благополучие этого крохи — в моих руках, а значит, мне самому пора наконец повзрослеть.

Через месяц после рождения Тейлора мы с Грир обвенчались в Лас-Вегасе, в часовенке на Стрипе. Подвыпивший пастор и его усталая жена были нашими единственными свидетелями. Первую половину брачной ночи мы провели на мемориальном концерте Тони Орландо в «Доуне», в полупустом зале при казино. Пожилое трио, чьи лучшие дни остались далеко позади, наводило меня на невеселые мысли о судьбе нашего брака. Грир молчала, но я чувствовал, что и ее гложат сомнения. Сомнения во мне. Однако она очень хотела дать сыну то, чего не было у нее самой, — отца. И дала мне шанс — из великодушия или, быть может, от безысходности.

Вскоре после свадьбы в один особенно мерзкий денек я обедал с другом по имени Уилл Суэйм. Уилл — одних со мной лет, журналист, как и я, тощий парень с красивым и жестким, словно высеченным из камня лицом. Энергии в нем столько, словно он хлещет кофе литрами. Живой, неуемный ум не дает Уиллу спокойно сидеть на месте. Еще не дожив до тридцати, он успел несколько раз кардинально поменять мировоззрение и планы на жизнь: от

католического священника (в последний момент решил не идти в семинарию) до звезды панк-рока (пел в группе под названием «Лающие пауки»), от вдохновенного борца за свободу (совсем было отправился в Никарагуа воевать с сандинистами, уже и билет купил — остановило его лишь известие о беременности жены) до столь же яростного борца за мир (три года выступал за запрет ядерного оружия). Наконец он остановился на журналистике — и со временем получил известность на всю страну как талантливый издатель и редактор альтернативных еженедельных изданий.

Итак, сидим мы в Аэропорту Джона Уэйна в округе Оранж, Калифорния, прямо под взлетной полосой, в отдельном кабинетике стильной кофейни, и он начинает разговор своим обычным:

— Ну, Билли, как жизнь?

О том, как мне паршиво, я до сих пор никому не рассказывал. Со стороны все выглядело не так уж плохо. В конце концов, жена у меня — умница и красавица, сын здоров, я владелец местного издания. А о том, что я умираю от отвращения к жизни и презрения к себе, никому знать не обязательно. Но Уилл — слишком близкий друг. Ему я не мог соврать, что все прекрасно. Я решил наконец-то сказать правду. Сделал глубокий вдох и описал ему свою жизнь во всех унизительных подробностях. Быть может, я ожидал катарсиса; но никакого просветления не случилось — чем дальше я рассказывал, тем большее отвращение чувствовал к самому себе.

Реакция Уилла была неожиданной. Казалось, его все это совершенно не удивило. Я не видел на его лице ни осуждения, не брезгливости. Он отреагировал так, как будто все это — самое обычное дело. Прежде всего спросил, нет ли у меня мысли покончить с собой. Нет, такого не было — хоть я и подозревал, что, если умру, без меня всем только легче станет. А затем, с такой непререкаемой уверенностью, словно речь шла о законе тяготения, Уилл объявил:

— Тебе нужен Бог. Вот чего тебе не хватает.

Бог? С семнадцати лет — с тех пор, как бросил ходить в церковь, — я о Нем и не вспоминал!

— У каждого из нас, — продолжал Уилл, — в душе есть дырка в форме Бога. Мы пытаемся ее заполнить чем попало — выпивкой, наркотой, работой, сексом — ничего не помогает. И так, пока не наткнемся на Бога. Только Он может заполнить эту пустоту. Я был таким же, как ты, пока не вручил свою жизнь Богу. Попробуй, это не страшно. До сих пор ты руководил своей жизнью сам — и вот результат. Сходи-ка в церковь, Билли.

Его слова звучали вполне резонно. И, что еще важнее, предлагали выход. Скажи Уилл таким же непререкаемым тоном: «Тебе нужен кокаин. Вот чего тебе не хватает», — быть может, я бы поверил и этому. Я готов был хвататься за что угодно — лишь бы спастись от отчаяния, затягивающего меня, как зыбучий песок.

— Ладно, — тупо проговорил я. — В воскресенье пойду в церковь. Только скажи мне, куда идти.

2 Возрожденный в вере

Церковь, Святая Троица и грешные дети. Знакомство с Библией Жизнь с Иисусом начинается

> *Ибо если устами твоими будешь исповедовать Иисуса Господом и сердцем твоим веровать, что Бог воскресил его из мертвых, то спасешься, потому что сердцем веруют к праведности, а устами исповедуют ко спасению.*
>
> *(Рим 10:9-10)*

Когда я был маленьким, каждое воскресенье вся наша семья — папа, мама, сестра, два брата и я — загружалась в фургон и отправлялась в центр городка Лонг-Бич, Калифорния, на службу в Епископальную церковь Святого Луки. Для родителей хождение в церковь было чем-то вроде утренней чистки зубов: так надо просто потому, что надо. Мне это скорее напоминало зубодерню. Полуторачасовая служба представлялась мне настоящим испытанием на терпение и выдержку. Никакого священного трепета от встречи с Создателем вселенной я там не ощущал. Мы сидели и слушали ветхозаветные гимны с корявыми текстами («Светильник наших ног, куда б ни влек нас путь...»), бесконечную череду молитв и библейских чтений. На протяжении года служба почти не менялась. Правда, проповеди порой бывали хороши — настоятель Рой Янг обладал ораторским даром. Но больше ничего хорошего там не было.

У нас с братишкой Джимом сложилась своего рода традиция. Всякий раз, когда в конце службы отец Янг обращался к прихожанам со словами: «Идите же в мире, любите Господа и служите Ему!», а народ хором отвечал: «Благодарим Бога!» — мы поворачивались друг к другу и шепотом

заканчивали: «...что служба кончилась!»

Я с завистью смотрел на то, как сестра, а затем и старший брат, окончив школу, перестали ходить в церковь, и нетерпеливо ждал, когда же придет мой черед. В холодной церкви, под расписными сводами, меня не раз осаждали сомнения в том, что я здесь слышал. Ребенком я считал, что сомневаться в вере нельзя, и держал эти еретические мысли при себе. Однако они не давали мне покоя, и мой детский ум работал, пытаясь разрешить эти противоречия.

Например, я не понимал, что такое Святая Троица. Как это возможно, что Отец, Сын и Святой Дух — все один и тот же Бог? Непонятно мне было и то, почему Бог не нашел лучшего способа примириться со своими грешными детьми, чем принести в жертву Своего Сына. В детстве я увлекался ацтеками, и когда в церкви говорили, что Господь послал Иисуса на крест за наши грехи, мне часто представлялся ацтекский вождь, ради умилостивления богов вырывающий из девичьей груди живое, еще бьющееся сердце. Если Господь и вправду Господь — почему Он не нашел никакого другого способа вернуть нас на путь спасения?

Иногда я разглядывал прихожан и удивлялся про себя тому, что в церкви, расположенной в одном из самых бедных районов Южной Калифорнии, прихожане в основном белые и явно принадлежат к высшим классам. В Евангелиях последователи Иисуса описаны совсем иначе. Где же нищие, где больные, где алчущие и жаждущие? А ведь найти их несложно — достаточно отойти от церкви на несколько шагов. Но на службе их почему-то не видно. Странным казалось мне и то, что местному епископу, когда он приезжал к нам в церковь, устраивали прямо-таки царский прием. Иисус омывал ноги своим ученикам и учил, что первыми станут последние, а священники вели себя с епископом словно с царем. Как будто к ним Иисус так и не пришел.

Сомнения мои усиливались после службы — когда, еще даже не выехав с парковки, отец принимался кричать на жену и детей. Только что больше часа мы старались приблизиться к Богу, просили у Него помощи и руководства, пели Ему хвалы, слушали

Его слова, запечатленные в Писании — о смирении, о любви к ближним и даже врагам как к самим себе. Хотя в церкви я отчаянно скучал, служба оказывала на меня свое действие — выходя из тяжелых деревянных дверей, я часто испытывал душевный подъем, ощущал близость святости и чистоты. Но папа явно ничего подобного не чувствовал. Его гневные тирады по дороге домой поражали меня, как богохульство. Как же он может, еще не доехав до дома, с такой легкостью выкидывать из головы все, что только что слышал?

Вслед за сестрой и старшим братом в семнадцать лет я бросил ходить в церковь. На последней службе я чувствовал себя, как в последний день школьных занятий. Отныне по воскресеньям я свободен: можно спать допоздна, можно смотреть бейсбол, можно кататься на серфе — что за блаженство! Свобода! Раньше мне ее так не хватало. О том, чтобы вернуться в церковь, я и не помышлял — точнее, сама эта мысль наполняла меня ужасом. Дело в том, что к этому времени образ Бога в моем сознании прочно слился с образом отца. На мой взгляд, Господь вел себя в точности как мой папаша: такой же раздражительный, непредсказуемый в гневе, так же вечно всем недоволен, и, как ни старайся, ему не угодишь. Именно так выглядел Бог, знакомый мне из ветхозаветных Писаний: Бог, который в приступах ярости уничтожал целые народы, не исключая и детей. Этого Бога я попросту боялся и старался держаться от него подальше — так же, как от отца.

Мой отец вырос во времена Великой депрессии. Семья его была очень бедной: он рассказывал, что выжили они благодаря сумкам с продуктами, которые привозила им каждое воскресенье щедрая бабушка. Он был суров и к себе, и к другим и от детей своих требовал очень многого. Дед, которого я никогда не видел, был известным в городе пьяницей, вечно пропадал в кабаках. Как многие дети алкоголиков, папа поклялся, что его судьба будет иной, — и это обещание сдержал: тяжким трудом и лишениями он сколотил миллионное состояние. Задача отца представлялась ему простой и ясной: его дети должны быть лучшими во всем! В их жизни нет места слабостям или ошибкам. Что бы мы ни делали — он оставался недоволен. Даже если достигали несомненного успеха, отец лишь советовал «не почивать на лаврах» и в следующий раз добиться еще большего. Своими успехами мы должны были ежедневно заслуживать его любовь. В каком-то смысле ею система воспитания принесла хорошие плоды (и к его чести замечу, что к старости он смягчился и подобрел). Мой младший брат и сестра получили степени в Стэнфорде, причем сестра окончила юридический факультет с отличием. Старший брат и я таких блистательных успехов в учебе не достигли, но тоже хорошо учились в школе, а в колледже играли в водное поло. Все мы стали трудоголиками и, не щадя сил, добиваемся успеха каждый в своем деле. Но за это всем четверым пришлось заплатить высокую цену: алкоголизм, депрессии, повышенная тревожность, физические заболевания, связанные с постоянным стрессом.

Еще в школе я решил, что не хочу молиться злобному, мстительному, непредсказуемому Богу. И не молился ему лет двенадцать — до разговора с Уиллом. Он посоветовал мне церковь Моряков в Ньюпорт-Бич, принимающую

прихожан разных конфессий и деноминаций. И в следующее воскресенье я отправился на разведку.

Едва ступив на ухоженную прицерковную территорию, я понял: здешняя церковь — совсем другого сорта, чем та, куда я ходил в детстве. Прежде всего, она была огромной. В ней шли одновременно четыре воскресные службы, и со всех сторон на них стекались тысячи прихожан. В церковном дворике волонтеры угощали посетителей кофе — из кофемашин, а не из термосов. Вместо складных столиков со скудным благочестивым ассортиментом по периметру дворика сияли элегантные киоски, предлагающие пастве билеты на всевозможные церковные мероприятия и пропуска во всевозможные церковные клубы: для молодых и неженатых, для неженатых среднего возраста, для престарелых и неженатых, для молодых семейных пар, для молодых семей с детьми, для пожилых семейных пар, для домохозяек, для школьников, для старшеклассников, для студентов.

У дверей церкви улыбающийся привратник протянул мне программку: не пару измятых листков на скрепке, а многостраничную брошюру с профессиональным авангардным дизайном. Я сел в задний ряд большой аудитории. Зал как зал: из «церковных штучек» — лишь простой деревянный крест на заднике сцены. Все вместе — ряды мягких кресел, подсветка, просторная сцена, динамики — напоминает скорее фешенебельный театр. Люди вокруг выглядят вполне симпатично: одеты просто, но аккуратно и со вкусом, сердечно здороваются с друзьями — пожимают друг другу руки, хлопают по спине, болтают и смеются. Еще до начала службы я ощутил, что хочу войти в их дружеский круг. Хочу, чтобы они поделились со мной тем, что я в них увидел, — простым, незамутненным счастьем.

Заиграла музыка. На большом экране над сценой высветились слова, и прихожане, поднявшись, запели хором. Большой зал мгновенно наполнился энергией. Музыканты — электрогитарист, пианист, басист, ударник — и несколько певцов вместо традиционных гимнов исполняли так называемую «религиозную музыку»: современные песни с простыми текстами, полными повторений и рефренов. «Кто поет, тот дважды молится», — говорил святой Августин и был прав. Снова и снова выпевая одни и те же слова на легкую, запоминающуюся мелодию, мы входим в своего рода транс — состояние, в котором можно встретиться с Богом. Однако, чтобы понять и полюбить эту музыку, мне потребовалось больше года.

Поначалу я просто не хотел петь. Голос у меня не слишком хорош, к тому же я смущался, чувствуя себя новичком. Во время пения некоторые прихожане

вздымали руки к небесам, другие прикрывали глаза и раскачивались в такт музыке. В первый год своего воцер-ковления я просто приходил на двадцать минут позже, чтобы во всем этом не участвовать. Но со временем музыка оказала свое действие, и я начал понимать их чувства. В такие минуты кажется, что ты ведешь задушевный разговор с Богом и купаешься в Его любви.

Главный номер программы в церкви Моряков — проповедь Кентона Бешора, старшего и самого популярного пастора. Сын проповедника, в 30 лет Кентон унаследовал от отца дряхлую, рассыпающуюся на глазах церковь. Первым делом он выкинул орган, а с ним — и прочие традиционные аксессуары. Главной своей задачей он счел вернуть в церковь людей, которые по тем или иным причинам от нее отвернулись. Число прихожан росло день ото дня: всем нравился молодой красивый пастор с мальчишеским лицом, густыми каштановыми волосами, которые он постоянно отбрасывал со лба, быстрым умом и остроумной речью. Но больше всего волновали и привлекали людей его необычные проповеди, так называемые «послания», сочетающие Писание и библейскую историю с юмором и неподдельной чувствительностью. Проповеди, в которых христианство становилось живым и обретало связь с современным миром»

Проповеди Кентона напомнили мне один случай из детства — единственный раз, когда я увидел в церкви что-то привлекательное. На подготовительных занятиях перед конфирмацией отец Янг читал нам, двенадцатилетним мальчишкам и девчонкам, отрывки из «Библейских рассказов» Дика Грегори — собрания библейских историй, которые афроамериканский общественный активист переложил на язык тогдашней улицы. В одной главе Грегори пересказывает притчу из главы 25 Евангелия от Матфея — рассказ Иисуса ученикам о том, как Бог будет судить людей на небесах. Вот как Грегори завершает эту историю:

> Тогда плохие парни скажут: «Да что Ты, Господи! С Тобой мы никогда ничего такого не делали! Мы так поступали только с нищебродами, которые вечно ноют и просят денег, или со стариками, которые даром едят наш хлеб. Или с грязными хиппи, нигерами, жидами, педерастами, коммуняками. Или с бомжами, алкашами, наркольгами, бандитами - но не с Тобой, Господи!»
>
> И Судья ответит: «Вот вы сами себя и уличили. Ведь то, что вы делаете с людьми - пусть даже с самым последним из людей, - вы делаете и со Мной. Так что жарьтесь в аду, а эти ребята

пойдут со Мной на небеса.

О «Библейских рассказах» я не вспоминал, пока в свое первое воскресенье в церкви Моряков не услышал проповедь Кентона. Кентон, прирожденный оратор, заставлял слушателей смеяться вместе с ним в начале проповеди и утирать слезы — к ее концу. В первые месяцы своего воцерковления я с восторгом слушал циклы его «посланий», связанные определенными темами: «Десять главных чудес в жизни Иисуса», «Скорая помощь Бога: ветхозаветные рассказы», «Надежда в жизненных бурях», «Плоды духа — лучшее, что случается с нами в жизни».

Приведу типичное для Кентона начало проповеди:

> Все течет, все меняется. Наш мир несется вскачь асе быстрее и быстрее: постоянно происходит что-то новое. Что творится с рынком? С нашими инвестициями? С бизнесом? С политикой? А как насчет нашей личной жизни? Все кружится, как в калейдоскопе. Где же искать незыблемые истины, которых нам так не хватает в этом постоянно меняющемся мире?
>
> За истиной мы обращаемся к Слову Божьему, потому что Библия - не просто книга. Это книга, которую отредактировал и издал для нас сам Бог. В ней Он собрал истины и принципы, с которыми мы можем сверять свою жизнь в этом изменчивом и непостоянном мире.
>
> ...Понять Библию непросто. Для начала необходимо понять того человека, который написал каждую книгу [Библии], понять его время, культуру, в которой он жил, людей, к которым он обращался. Поняв контекст, в котором написана Библия, мы сможем разглядеть в ней вечные истины, незыблемые принципы, а затем перенести их к нам, в XXI век, и начать применять в нашей жизни.

Для человека, практически ничего не смыслившего в Библии, все это стало откровением. Как будто я открыл для себя чудесного нового писателя: с той лишь разницей, что автором — или, по крайней мере, вдохновителем — этой книги был сам Творец вселенной. Мне казалось: наконец-то я узнал, как вести достойную жизнь! Разгадки всех тайн ждали меня здесь — в «Инструкции по жизни», как иногда называют Библию христиане.

Уроки Писания по большей части совпадают с советами здравого смысла, но при этом они освящены авторитетом Бога. Например: люби Господа всем сердцем, люби ближнего как самого себя. Прощай и даже люби своих врагов. Почитай свою жену. Будь честным и искренним. Заботься о бедных. Не сплетничай. Не влезай в долги. Отличные советы. И Библия — иными словами, Бог — обещает тем, кто им следует, жизнь, полную блаженства.

С самого первого дня в церкви Моряков я начал ощущать любовь к Богу, так не похожему на того, с которым я вырос. Этот Бог любил меня — и любовь Его была совершенной. Что бы я ни делал — я знал, что от этого Он не будет любить меня ни больше, ни меньше. А мне так не хватало безусловной любви! Бог — надежный фундамент, на котором я могу построить свою жизнь. А как мне жить — Он подробно рассказал в своей Священной Книге. Какое облегчение — знать, что теперь за твою жизнь отвечает кто-то другой!

Я делал первые робкие шажки в христианстве. Уже не просто ходил по воскресеньям в церковь, но с нетерпением ждал этого всю неделю. Молился утром и вечером. Поверял Богу свои желания: найти работу получше, вылечить желудок, получить прощение жены за то, как вел себя с ней до свадьбы. Несмотря на свой энтузиазм, я еще не готов был нырнуть в христианство с головой. Мне было неловко называть себя христианином — слишком много всего связано с этим словом. За стенами церкви я старался даже не произносить слово на букву «И». Само слово «Иисус» («И-и-и-сюс!» — так, с сильным южным выговором, всегда звучало оно у меня в уме) так загажено всевозможными телепроповедниками, истрепано фильмами и телешоу, захватано спортсменами, восклицающими у финишной ленточки: «Хочу поблагодарить за свою победу Господа и Спасителя Иисуса!» — что мне казалось стыдно произносить его вслух. Я хранил свою зарождающуюся веру в тайне, не говоря о ней ни с коллегами, ни с друзьями, ни даже с родными.

Я опасался, что, выйдя из евангелического «чулана», окажусь в глазах окружающих чудаком, помешавшимся на религии, или и того хуже. Я понимал, что вера моя еще очень незрела — едва ли я смогу защитить ее в споре. Поэтому, словно хилый мальчуган, мечтающий победить дворовых хулиганов, я втайне от всех упражнялся в христианстве. Начал я с жадного чтения христианской литературы. Для начала купил толковую Библию с картами и подробными примечаниями и прочел Новый Завет почти целиком — не дочитал только книгу Откровение: через чудищ, эпидемии, землетрясения, потопы и кровавые войны, которыми сопровождается конец света в видениях апостола Иоанна, я продраться не смог. Начал читать книги христианских

апологетов — интеллектуалов, защищающих веру научными и другими серьезными аргументами. К. С. Льюис, которого я до тех пор считал детским писателем, открылся мне как один из величайших христианских мыслителей XX столетия: особенно понравились мне «Просто христианство», «Расторжение брака» и «Письма Баламута». Глубоко трогали меня чудесные книги Г. К. Честертона (в том числе «Святой Франциск Ассизский» и «Святой Фома Аквинский»), а также история Чарльза Колсона, советника и подельника Никсона, который обрел Христа незадолго до того, как отправился в тюрьму за преступления, связанные с Уотергейтом. Отсидев свой срок, Колсон основал организацию «Тюремное служение» и с тех пор беззаветно служит заключенным и их семьям по всему миру. Его автобиография «Рожденный заново» — классика евангелической литературы. С жадным интересом читал я и «Случай Христа» Ли Стробела, бывшего репортера «Чикаго Трибьюн», который, решив самостоятельно разобраться в том, истинно ли христианство, пришел к выводу, что Христос — историческая личность и Сын Божий, умерший на кресте и воскресший ради нашего спасения.

Со временем, набравшись храбрости, я начал уговаривать жену пойти в церковь вместе со мной. Сперва Грир там не понравилось — она выросла в католической семье, и огромная церковь Моряков, на ее взгляд, была вовсе не похожа на церковь; но она согласилась посещать службы ради меня. Она начала замечать во мне перемены, и эти перемены ее радовали. Я посвятил себя своей молодой семье и ревностно выполнял обязанности супруга и отца. Обычно мы ходили на субботние вечерние службы: для очень небогатой молодой пары с ребенком это была едва ли не единственная возможность провести субботний вечер вне дома. В церкви Моряков отличная детская комната: Тейлора мы оставляли там, сами шли на службу, а потом ужинали вдвоем в каком-нибудь скромном заведении.

Прошел уже год моего воцерковления, и казалось, все идет отлично. У меня появились новые друзья — убежденные христиане: мы встречались раз в неделю для изучения Библии и разговоров о тех трудностях, с которыми сталкивали нас брак, семья, жизнь. Мой собственный брак, поначалу очень шаткий, укрепился настолько, что Грир начала заговаривать о втором ребенке. Денег у нас по-прежнему было немного, но мы начали жертвовать на церковь и на христианскую благотворительность.

Я молился о новой работе и внезапно получил такое предложение, о каком и мечтать не мог: кресло редактора в местной ежедневной газете! «Ньюпорт-Бич — Коста-Меса Дейли Пайлот» существовала уже 83 года, но

впервые место редактора в ней занял человек, которому не исполнилось еще и тридцати. Издатель предложил мне очень неплохую зарплату (вдвое больше той, что я получал на предыдущем месте работы), полную свободу действий и единственную задачу: спасти газету, дышащую на ладан, и дать ей новую жизнь. О таком повороте в карьере я и не мечтал!

Здоровье мое тоже пошло на лад. Угри исчезли; нашелся хороший врач, готовый применять к моим желудочным проблемам новейшие медицинские средства. Я верил: все это сделал для меня Бог, потому что я начал слушать Его и исполнять Его Слово. Писание гласит, что каждый из нас может преобразиться в нового человека во Христе — и я потихоньку становился новым человеком, лучше прежнего.

У меня появился духовный наставник — Хью Хьюитт, скоро ставший моим лучшим другом. Мы познакомились в конце 1980-х: я искал консервативного автора для колонки в журнале о деловом стиле жизни, который тогда редактировал. Хью — юрист и ведущий радиопередачи, работавший на Никсона и Рейгана, — идеально мне подходил. Умный, образованный, неординарно мыслящий, с чувством юмора, абсолютно уверенный в себе (даже когда ошибался), он оказался прекрасным колумнистом.

Хью был евангелическим христианином, и когда я признался ему, что обрел Бога, он пришел в восторг. Он познакомил меня со своими друзьями-христианами, терпеливо отвечал на мои бесконечные вопросы, постоянно побуждал не останавливаться на достигнутом. Наше деловое знакомство быстро переросло в дружбу. Казалось бы, мы с ним совсем не похожи. Хью — хоть когда-то он и пробежал марафон за три часа двенадцать минут — выглядит как типичный кабинетный эксперт: совершенно седой, в очках с железной оправой, постоянно борется с лишним весом. Он — пламенный консерватор и терпеть не может мейнстримовые СМИ. Меня же никто не примет за интеллектуала, политические взгляды у меня умеренные, а мейнстримовые СМИ — это моя работа. Люди, знакомые с каждым из нас по отдельности, с удивлением узнают, что мы друзья.

В 1992 году исполнилось два года моего воцерковления, но я по-прежнему не чувствовал себя настоящим христианином. Вера оставалась для меня чем-то странным и немного неудобным — вроде новых, еще не разношенных ботинок. Христианин из меня, откровенно говоря, получился не ахти. На занятиях по изучению Библии, когда доходила очередь до моего выступления, я чувствовал себя безнадежным идиотом. Мне не удавалось выполнять простейшие требования Писания — например, не сплетничать о своих

знакомых. А уж о том, чтобы отправиться проповедовать Христа — даже в Тихуану в двух часах езды к югу от нашего дома, — я и помыслить не мог. Хью постоянно повторял мне, что легкой жизни христианам никто не обещал, и побуждал не успокаиваться на достигнутом.

Классические евангелические свидетельства обычно достигают кульминации в момент «возрождения в вере»: когда герой в экстазе падает на колени, принимает Иисуса Христа как своего Господа и Спасителя и чувствует, как Иисус входит в его сердце. Такого «возрождения в вере» со мной не происходило, да я его и не ожидал. Вера моя была скорее в голове, чем в сердце. Однажды Хью начал звать меня с собой на выходные в христианский лагерь и конференц-центр «Тысяча сосен» в горах Сан-Бернардино, в двух часах езды от Лос-Анджелеса, на какую-то встречу мужчин-христиан. Мне не хотелось ехать. Я — пас, сказал я Хью. В христианстве я еще младенец, мне надо подрасти.

— Ничего не хочу слышать, — решительно ответил Хью (деликатностью он никогда не отличался). — Я за тебя уже заплатил. Все решено. Тебе это нужно, Билли. Нужно стать ближе к Богу. Поверь мне. Заеду за тобой в пятницу после обеда.

По натуре я интроверт, и мысль о выходных в обществе сотни незнакомцев из пресвитерианской церкви, куда я никогда не ходил, привела меня в ужас.

— Нет, Хью, спасибо, — сказал я. — Обещаю, я обязательно съезжу в следующем году.

— Буду у тебя в три, — ответил он. — И больше никаких разговоров!

Вот так, практически силком, он вывез меня в Сан-Бернардино. Добрых два часа мы тащились по запруженному в пятничный вечер шоссе Интерстейт-215, затем свернули и миль двадцать поднимались в горы по узкой извилистой двухколейке. Здесь тоже было на удивление много машин. Коричневый кустарник и чапараль уступили место величественным соснам — и тревога моя усилилась. Я уже знал, что на выходных мне предстоит петь о Боге, восхвалять Бога, беседовать об Иисусе, и все это — в большой и совершенно незнакомой компании. Все это слишком напоминало то христианство, с которым я чаще всего сталкивался в повседневной жизни и которое больше всего ненавидел: преподобного Джерри Фолуэлла, Пэта Робертсона и прочих телепроповедников, болтающих об «И-и-исюсе». Я предпочитал хранить свою веру при себе — без воплей и без жестов.

Войдя в конференц-зал в центре отдыха, прежде всего я заметил, что другие участники встречи — на вид самые обычные люди. Можно было

подумать, они приехали не в христианский лагерь, а на баскетбольный матч. Самого разного возраста — от подростков до семидесятилетних стариков; школьники и студенты, врачи, юристы, подрядчики, слесари, инженеры, пенсионеры. Помимо любви к Господу, объединяла их ненасытная страсть к нездоровой пище. Столы в зале ломились от лакричных конфет «Ред Уайн», шоколадных плиток «Херши», больших коробок «MαM», пакетов с сушками, банок кока-колы и пива.

Распорядок дня был очень прост. С утра группа встречалась в конференц-зале, кресла в котором были выстроены полукруглыми рядами, как в церкви. Здесь самодеятельный оркестр — на удивление неплохой — исполнял религиозные песни, тексты которых высвечивались на экране, по несколько песен за раз. Многие приходили в экстаз и начинали подпевать в полный голос, некоторые даже плакали.

Дальше наступила очередь личных свидетельств. Первым поднялся с места Бад — огромный, толстый, шумный строительный подрядчик, всеобщий друг-приятель, что-то вроде неформального лидера. За шоколадом и кока-колой он шутил и рассказывал анекдоты, но теперь мгновенно посерьезнел. Негромко и искренне он рассказал о том, что жена, с которой он прожил двадцать лет, его больше не любит, бизнес его — на грани разорения. Дожив до пятидесяти лет, он вдруг обнаружил, что жизнь его пошла насмарку.

— Жена сказала, что я больше не тот человек, которого она любила, который был ей нужен, — рассказывал Бад. По лицу его катились слезы, и он утирал их платком. — Она говорит: «Я не могу тебя больше уважать, не могу любить. Не понимаю, как с тобой дальше жить».

Кто-то шумно высморкался, и в зале вновь воцарилась мертвая тишина. Не часто мужчины бывают так откровенны друг с другом. Бад рассказывал дальше: о том, что жена много раз заговаривала с ним о его поведении, просила измениться, но он, считая, что браку двух христиан развод не грозит, пропускал ее слова мимо ушей. Почти никто в зале не знал, что семья Бада на грани распада. Его признание всех потрясло. Понимая это, Бад добавил, что мужчина, когда у него беда, обычно стыдится в этом признаться. И сам он молчал, терпел и надеялся, что все уладится само собой — пока не стало слишком поздно. Но это неправильно. О своих бедах нужно рассказывать другим, нужно просить помощи, когда тебе нужна помощь. Этого хочет от нас Бог.

Бад умолк.

— Помолимся за него, — негромко сказал кто-то.

Несколько друзей Бада, поднявшись, положили руки на его широкие

плечи, и весь зал начал молиться

о нем, о его жене, об их браке, об их трех сыновьях.

Исповедь Бада потрясла меня и странным образом приободрила. Он по собственной глупости испортил себе жизнь, совсем как я. И, как и я, верит, что сможет найти выход, доверившись Богу. Но, глядя на широкую улыбку Бада, слыша его оглушительный хохот, невозможно было догадаться о том, какая боль терзает его изнутри. Я сразу ощутил близость с ним — и с того дня мы стали друзьями.

Далее последовала тематическая беседа о том, как жить христианской жизнью: вел ее приглашенный гость, пастор на пенсии. Скоро я начал понимать: расписание построено так, чтобы снять наши защитные механизмы. Наши занятия были активными (мы не только слушали, но и говорили, и пели), эмоциональными и утомительными. Спев еще несколько песен, мы расселись группами по шесть человек, чтобы откровенно поговорить о себе. Эту часть я еле вытерпел. Люди, которых я видел в первый раз, один за другим принялись делиться со мной и с прочими собеседниками самыми интимными подробностями своей жизни! Я постарался сказать как можно меньше. В заключение — еще несколько молитв.

Тот же цикл — пение, свидетельство, проповедь, беседы о личном, молитвы — повторился в субботу утром, в субботу вечером и в воскресенье утром. В субботу вечером после пения встал с места другой человек, бывший менеджер лет шестидесяти. Он сказал, что пример Бада придал ему смелости, он гоже хочет рассказать свою историю и просит всех за него помолиться. Год назад он потерял высокооплачиваемую работу в инженерной компании, а новое место никак не мог найти из-за возраста. Он прожил все свои сбережения и уже готов был сломаться, но наконец решил смириться и взяться за ту единственную работу, что ему предложили, — продавать автомобили. Слушатели прослезились и вознесли молитвы за этого мужественного человека.

В свободное время участники молились, гуляли в горах, спали или отправлялись в город, в местный ресторан, где на широком экране демонстрировались футбольные матчи местных команд. В субботу после обеда разбились на две команды и поиграли в баскетбол — результатом стали несколько растянутых мускулов и вывихнутых лодыжек. Завтракали и обедали вместе в столовой, живо напомнившей мне наше студенческое общежитие — надо сказать, воспоминание было не из приятных. Помимо нормальной еды, в лагере очень недоставало радио, телевизора и сна. Попробуйте-ка сомкнуть

глаза в тесной комнатушке под раскатистый храп (и прочие телесные звуки) полудюжины взрослых мужчин!

По замыслу организаторов выходные должны были принести участникам что-то вроде катарсиса. Вырванные из обыденной жизни, под напором песен, молитв, откровенных признаний и бессонницы, люди сбрасывали привычные маски и начинали проявлять свои истинные чувства. Я с удивлением видел, что у других жизнь ничуть не лучше, чем у меня. А у многих — и гораздо хуже! В чем только не признавались люди в ходе «свидетельства»: пристрастие к порнографии, супружеские измены, дурное обращение с детьми, неудачи в бизнесе, алкоголь, наркотики... Все они находили утешение и выход в Иисусе. И они совсем не похожи ни на Фолуэлла, ни на Робертсона. Они — такие же, как я.

Уже в воскресенье утром, в часовне при лагере, я ощутил, как зашатались и мои тщательно укрепленные стены. «Пробила» меня не какая-нибудь современная мелодия, а проверенный веками гимн «Чудесная милость». Я вдруг почувствовал, что вверяю себя Богу так, как никогда прежде. Каждое слово гимна находило отклик в моей душе — особенно третья строфа:

> Through many dangers, toils and snares
> I have already come;
> ’Tis Grace that brought me safe thus far
> and Grace will lead me home.

После гимна Майк Баррис, будущий пастор, который вел утреннюю службу, задал людям, собравшимся в часовне, простой вопрос, который я мог бы предвидеть, однако он оказался для меня совершенно неожиданным: «А вы объявляете открыто всему миру, что Иисус Христос — ваш личный Господь и Спаситель?»

Я — нет. И абсолютно не собирался! Я запаниковал. Пульс мой участился, я судорожно оглядывался по сторонам, чувствуя себя словно в ловушке. Я не хочу становиться «рожденным заново»! Мне прекрасно известно, что думаю о таких людях я сам — и что думают о них другие, не столь толерантные мои сограждане! Господи Боже, да я даже слово «Иисус» на людях не произношу! Все было прекрасно, я получил замечательный духовный опыт — неужели же Баррис сейчас все испортит? Мои внутренние стены, едва начав рушиться, немедленно выросли заново. К «возрождению в вере» я был определенно не готов.

Дальше Баррис — атлетического сложения молодой человек, с виду больше похожий на нерадивого студента, чем на пастора, — заговорил о том, как важно для христианина публичное исповедание своей веры. Он попросил нас склонить головы, закрыть глаза и помолиться. Затем негромко, мягко попросил: те, кто чувствует, что готовы принять Христа в свое сердце, пусть поднимут руку. Сердце мое забилось быстрее, но на этот раз — не от страха. Странно сказать, но я чувствовал настоятельное желание поднять руку. Ну нет — становиться единственным я не собираюсь! Украдкой оглянувшись вокруг, я увидел в зале несколько поднятых рук. Что же делать? От этого решения будет зависеть моя судьба в вечности! Но, может быть, и нет, тут же возразил внутренний голос, может быть, все эти разговоры о новом рождении — просто чепуха. Я продолжал молиться с закрытыми глазами — так безопаснее. Но желание поднять руку не исчезало. Может быть, оно от Бога?

Сердце мое угрожало вырваться из груди. Я как будто стоял на краю обрыва и решал, стоит ли прыгать. Я хотел сделать решительный шаг, но не хотел, чтобы на меня смотрели, как на психа. Не знал, как объясню свое обращение друзьям-атеистам. Не хотел даже представлять, как может измениться моя жизнь, когда центром ее станет Иисус. Что, если я нацеплю разноцветный парик, наклею огромные усы, отправлюсь в таком виде на стадион и примусь размахивать перед телекамерами плакатом с надписью: «Ин 3:16»? Или откажусь от всех материальных благ и посвящу жизнь заботе о бедных? Этого я не знал — и совершенно не стремился проверять на практике.

Но Баррис действовал очень умело. Подождав немного, он сказал: он чувствует, что в часовне есть еще люди, которые хотят сегодня стать христианами, но пока не решаются. Он подождет несколько минут, на случай, если еще кто-нибудь захочет поднять руку. Это он обо мне? — думал я. Или, может быть, его устами говорит Бог? Наконец я подчинился: сердце мое забилось спокойнее, и рука, словно по собственной воле, взмыла над головой.

Баррис попросил тех, кто поднял руки, прочесть вместе молитву грешника. В точности я ее не помню, но она звучала примерно так:

> Отче, я грешник и ищу покаяния. Я верю, что Сын Твой Иисус Христос умер за наши грехи и воскрес из мертвых, что ныне Он живет и слышит мою молитву. Я прошу Иисуса сойти в мое сердце, стать моим личным Господом и Спасителем, прошу Его господствовать в моем сердце и направлять его отныне и навеки. Прошу, ниспошли на меня Духа Твоего Святого, чтобы он помог

мне повиноваться Тебе и исполнять волю Твою до конца моих дней. Во имя Иисуса, аминь.

Дойдя до слов «прошу Иисуса сойти в мое сердце», я испытал то, что не могу назвать иначе как видением. Время замедлилось. Внутренним взором я увидел, как сердце мое раскрылось и прямо в него хлынуло теплое сияние. В следующий миг сердце вновь закрылось, но осталось освещено изнутри этим теплым светом. Я сразу почувствовал, что этот свет — Иисус, который теперь живет во мне. В груди ощущалось приятное, чуть покалывающее тепло. Так, значит, это и есть возрождение в вере!

Я открыл полные слез глаза. Со всех сторон окружили меня новообретенные братья во Христе — люди, с которыми я еще сорок восемь часов назад вовсе не был знаком. Они обнимали меня, хлопали по спине, жали мне руку, поздравляли с решением, которое обеспечит мне блаженство не только в этой жизни, но и в вечности. Они были счастливы за меня — но сам я был еще счастливее, ибо ощущал в своем сердце Иисуса.

***

Час спустя мы с Хью ехали домой. Я все еше пытался понять, что со мной произошло.

— Почему ты решился сегодня открыто исповедать Иисуса? — спросил Хью.

— Знаешь, Хью, все это очень странно, — отвечал я, ведя автомобиль по извилистой горной дороге. — Кажется, я пережил мистический опыт.

И я рассказал ему о своем видении. Хью родился и вырос в Огайо: он типичный житель Среднего Запада, трезвомыслящий и прочно стоящий на ногах. У него аналитический ум, а свои чувства он всегда держит под строгим контролем. Пресвитерианскую церковь он выбрал, потому что она строга и застегнута на все пуговицы, как и он сам. Однако мой рассказ он выслушал с живейшим интересом и ни на миг не усомнился, что я говорю правду.

— Ты видел Иисуса?

Я объяснил, что видел свет.

— А чувствовал Его присутствие?

Я рассказал про тепло в груди.

— А теперь как себя чувствуешь? — продолжал расспрашивать он.

— Сам не знаю, — неуверенно отвечал я. — Конечно, я ошарашен. Взволнован. Немного напуган. Не знаю, чем все это обернется.

— Об этом не беспокойся, — ответил он. — Бог укажет тебе путь.

3 Это Бог!
Сила молитвы дивные дела веры Карьера с Богом

Вера же есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом.

(Евр 11:1)

По дороге домой мы с Хью договорились встречаться по утрам каждый понедельник и вместе бегать по берегу Бэк-Бэй — 752-акрового соленого озера на задворках Ньюпорт-Бич, в самом сердце округа Оранж. Это открытое пространство служит городку чем-то вроде Центрального парка: убежища для велосипедистов, бегунов, байдарочников и любителей птиц, которых здесь водится множество, и самых разнообразных: от голубых цапель и бурых пеликанов до легконогих пастушков-трескунов.

Скоро мы выработали что-то вроде расписания для пробежек. Первые полчаса говорили между собой — о делах на работе, о своих семьях, о спорте, о политике, вообще обо всем, что нас сейчас занимало. На обратном пути болтовня сменялась молитвой. Около получаса, прямо на дороге, мы вслух молились Богу, прося у него помощи и наставления. Молиться при посторонних мы стеснялись, поэтому часто замолкали, когда кто-то проходил мимо. Многие наши прошения менялись от недели к неделе, но некоторые оставались неизменными: здоровье для наших родных и друзей, мир во всем мире, успех в делах, утешение для тех, кто в нем нуждается. Поначалу этот ритуал казался мне странноватым, но скоро стал одним из лучших моментов недели. В молитве я как будто общался с Богом один на один. Кроме того, я начал больше думать о других. Молясь, я чувствовал себя так, как будто действительно борюсь с бедами и несправедливостями нашего мира.

Шли месяцы — и я не забывал благодарить Бога за все, что Он для меня делает. А делал Он немало. Наш брак был прочным и любящим. Грир родила второго сына Тристана, здорового и крепкого. Я рос профессионально: концерн «Лос-Анджелес тайме», купивший «Дейли пайлот», сделал меня главой быстро растущей сети местных ежедневных и еженедельных изданий, которые под моим руководством начали выигрывать в национальных конкурсах. Я надеялся, что этот поток благословений не прекратится, и ходил в церковь каждое воскресенье, вместе с женой и детьми. Раз в неделю ходил на занятия по

изучению Библии. Бесплатно отредактировал книгу нашего пастора Кентона Бишора. На Рождество отвозил в сиротский приют в Тихуане праздничные подарки. И неустанно читал все, что могло укрепить и углубить мою веру. Детективы, приключения и жизнеописания замечательных людей на моих книжных полках постепенно уступали место книгам о христианстве.

Однако прекрасные отношения с Богом не избавляли от эгоистичных мыслей. Я начал молиться о том, чтобы Бог послал моей семье много денег. Кентон в одной из своей проповедей советовал молиться о чем-то конкретном, так что я решил просить у Бога пятьдесят тысяч долларов. Трудно сказать, почему я остановился на такой сумме — должно быть, просто потому, что она круглая и выглядела внушительно.

Несколько месяцев я молился о деньгах; и вот однажды вечером, подъезжая к дому, увидел, что у дверей меня ждет мой прежний босс. Что ему здесь понадобилось? Расстались мы с ним не по-дружески: дело в том, что сразу после того, как я ушел из своего журнала в «Дейли Пайлот», он его продал. При нашей последней встрече я сказал ему, что хотя по закону мне придраться не к чему, но по-человечески я чувствую себя одураченным. Ведь это я сделал журнал таким, какой он есть! И даже владел в нем пятью процентами акций, которые, уходя, просто отдал издателю. И вот, всего через несколько месяцев после того, как я перестал быть редактором журнала, он забирает себе всю выгоду от семи лет моего труда! Он ответил, что считает иначе, что по закону он мне ничего не должен, но, так уж и быть, проявит щедрость и выдаст мне чек на пять тысяч долларов. Не помешало бы прибавить еще девять раз по столько же! — подумал я тогда.

И вот теперь, несколько месяцев спустя, на тихой вечерней улочке в жилом квартале Коста-Меса он тепло поздоровался со мной, а затем рассказал, что они с женой недавно стали христианами и неулаженная ссора со мной очень их беспокоила. Они помолились и решили исправить свою ошибку. С этими словами он вручил мне запечатанный конверт и попросил открыть его дома, вместе с Грир.

По дороге к дому я размышлял о том, что ждет меня в конверте. Мелькнула мысль о сорока пяти тысячах, но я ее отбросил. Мой бывший босс обладал некоторыми достоинствами, но щедрость в их число не входила. Должно быть, там письмо с извинениями. Или с объяснениями. В лучшем случае еще пять тысяч. Я позвал Грир в гостиную, рассказал ей об этой встрече и показал конверт.

— Что ж, — проговорила жена без особого энтузиазма, — давай

посмотрим, что внутри.

Я разорвал конверт, достал и развернул письмо. Внутри оказался чек. Руки у меня затряслись, когда я прочел цифру: 45 000 долларов. Не говоря ни слова, я протянул чек Грир. Она уставилась на него, затем на меня.

— Он просто дал тебе вот это? — недоверчиво спросила она.

— Да, — ответил я. — Сказал, что стал христианином и что эта история его тяготила. Можешь себе представить? Прибавь эти деньги к пяти тысячам, которые он дал мне в прошлый раз, — и получится как раз пятьдесят тысяч, о которых я молился!

— Так он теперь христианин? — повторила Грир. Очевидно, ее поразила перемена, произошедшая с моим бывшим боссом.

Вместе мы прочли сердечное письмо, приложенное к чеку. Говоря вкратце, бывший босс писал, что отдать мне эти деньги посоветовал ему Бог. Я почувствовал, как по спине бегут мурашки. Едва ли мне требовались дополнительные свидетельства существования Бога; но, думал я, только что Он дал мне пятьдесят тысяч новых причин в Него верить, да еще и преобразил моего бывшего босса!

Вступив в мир христианства, я часто слышал подобные истории — рассказы о чудесных совпадениях и неожиданных поворотах судьбы, неизменно приписываемых Провидению. В евангелических кругах такие удивительные, необъяснимые события в жизни верующего объясняются просто: «Это Бог». Понятно ведь, что их можно приписать только благости Господа. В совпадения евангелисты не верят. Если с тобой произошло что-то необычное — это Бог. Случаются, разумеется, и дурные совпадения: они объясняются человеческой греховностью, работой дьявола или — если в конце концов оборачиваются к лучшему — неизъяснимой премудростью Господа, умеющего зло обращать в добро.

***

Дела рук Божьих верующие видят повсюду — и я, как журналист, не понимал, почему об этом никто не пишет. Чем больше я слышал о таких встречах с благодатью, был им свидетелем, сам их испытывал, тем острее ощущал разрыв между тем, что происходит в общине верующих, и тем, как описывается церковная жизнь в мейнстримовых СМИ. Почему большинство моих коллег-журналистов по всей стране пишут о религии все, что угодно, только не то, что считают важным сами верующие? Почему, заговаривая о религии, они толкуют о каких-то пустяках или изображают ее в черных красках? Я начат заводить об этом разговоры с Хью во время наших утренних пробежек.

Каждую неделю мы с ним изливали свой гнев на то, как освещается — точнее, затемняется — религия в прессе. Журналисты из года в год пишут па одни и те же темы — например, об отношении к абортам и гомосексуализму, — подробно описывают скучнейшие разборки между разными конфессиями (как правило, тоже связанные с гомосексуализмом), путаются в деталях и попросту неверно отражают то, что происходит в церквях, мечетях, синагогах и храмах нашей страны.

Ярким примером, получившим среди христиан печальную известность, стала в 1994 году новостная заметка в «Вашингтон пост», где, среди прочего, утверждалось, что консервативные евангелические христиане в большинстве своем «бедны, необразованны и легко поддаются внушению». Такая характеристика вызвала шквал протестов, и «Вашингтон пост» пришлось напечатать извинение, звучащее едва ли не хуже самой криминальной фразы: «В нашей вчерашней статье последователи евангелистских телепроповедников Джерри Фолуэлла и Пэта Робертсона были названы «в большинстве своем бедными, необразованными и легко поддающимися внушению». Это утверждение не имеет под собой фактической основы». Можно ли себе представить, чтобы журналист вздумал так отзываться о какой-либо иной большой группе граждан США? Дело ведь не только в репортере, написавшем такую фразу, но и в редакторах, которые ее пропустили, хотя их задача — вычищать некорректные утверждения. Эта история сильно задела христиан, поскольку наглядно показала им, что думают о евангелистах некоторые журналисты. Обычно это все-таки не так заметно.

Скудное и неверное освещение религиозной жизни в СМИ 1990-х годов (в последние годы ситуация изменилась к лучшему) не удивляло никого из тех, кто в те годы работал на новостях. По собственному желанию о религии писали очень немногие; как правило, религиозная тема служила «ссылкой», куда отправляли исписавшихся или некомпетентных журналистов. Эго было еще хуже, чем некрологи — по традиции последняя ступень журналистского падения, за которой следует «вон из профессии» (и это тоже изменилось в последние годы). Многие редакторы — а большинство их, согласно некоторым исследованиям, не являются регулярными посетителями церкви — воспринимали религиозную тему как безнадежно устаревшую дань традиции, продолжающую свое жалкое существование только потому, что на страницах раздела «Вера» в субботнем выпуске можно публиковать церковную рекламу. Надо же чем-то заполнять пустые места между списками молитвенных домов и церковными объявлениями!

Я же видел в религиозной теме неразработанную золотую жилу. Стоило копнуть немного вглубь — и тебе открывались интереснейшие истории, которыми, без сомнения, можно увлечь читателей. Я знал множество примеров (включая и свой собственный) того, как вся жизнь человека резко менялась под влиянием веры.

Однако мейнстримовые журналисты, как правило, копали в других местах и с такими сюжетами не сталкивались.

После нескольких месяцев возмущения и жалоб на дурную работу коллег ко мне вдруг пришло озарение — как мне тогда показалось, прямиком от Бога. «А почему бы, — спросил невидимый голос, — тебе не писать о религии самому? Вот ты и употребишь свой дар во славу Царства Божьего».

Эта мысль привела меня в восторг. Я совмещу работу с религиозным призванием — буду писать о том, как влияет религия на повседневную человеческую жизнь. Что за гениальный замысел (я не сомневался, что это замысел Бога)! Буду использовать свои сильные стороны, на христианском жаргоне — «свой дар». Я стану зачинателем серьезной религиозной журналистики в Америке: исполню задачу, возложенную на меня Богом, а заодно добьюсь профессионального успеха и прославлюсь на всю страну.

О своей идее (точнее, об идее Бога) я немедленно рассказал Хью, однако не умолчал и о том, что вижу на этом пути немало препятствий. На тот момент, будучи главой сети местных новостных изданий «Лос-Анджелес тайме», я очень недурно зарабатывал. Перейти в небольшую газету на меньший оклад? Невозможно: ведь я — единственный добытчик в семье, и семья быстро растет. Искать место в другом концерне такого же масштаба? Тогда придется переезжать, а мне не хотелось срывать семью с места. Кроме того, репортером я не работал уже больше десяти лет. Да и кто меня наймет, пусть и на небольшой оклад, чтобы я писал о религии? Очевидно, воплощать свою мечту придется на месте — в «Лос-Анджелес тайме». Но и здесь мой замысел казался невыполнимым. Я работаю в отделе местных изданий: а между местными изданиями — муниципальные советы, родительский комитет, школьные спортивные состязания — и новостным отделом одной из крупнейших газет в мире — пропасть шириной с Большой Каньон. Рассчитывать перепрыгнуть через эту пропасть — все равно что мальчишке из деревенской бейсбольной команды под патронажем клуба «Янки» надеяться, что его позовут нападающим в одноименный нью-йоркский клуб. Такого просто не бывает.

Вот так я изложил Хью, почему из моей идеи ничего не выйдет, и он ответил:

— Ты ставишь границы Богу. Просто молись о том, чтобы получить такую работу. Если Он действительно этого хочет — Он найдет способ.

И я начал молиться. Я просил Бога, чтобы он помог мне начать писать о религии в «Лос-Анджелес тайме». Молился об этом по утрам, по вечерам и в течение дня. Молился на наших еженедельных пробежках — и вместе со мной молился и Хью. Мы бегали-бегали, молились-молились... и все тщетно. Так продолжалось четыре года. Однако вера моя оставалась крепка, и я даже не думал бросать молитвы. Быть верующим иногда значит быть упрямым и настойчивым. Моисей терпеливо ждал сорок лет в пустыне и в результате даже не вошел в Землю обетованную — но своего добился. Бог лучше знает, когда дать мне эту работу, думал я.

Тем временем мое обращение перестало быть тайной, и в некоторых кругах я оказался весьма востребован. Дело в том, что в Южной Калифорнии не так уж много евангелических христиан, которые одновременно работают в мейнстримовых СМИ. Когда наша церковь организовала суточное молитвенное бдение, именно меня попросили провести часовую молитву за средства массовой информации. Эту задачу я едва не провалил — так мне было неловко. Шестьдесят минут растянулись на целую вечность. Чувствовал я себя совершенно как старшеклассник, произносящий речь без подготовки, с той лишь разницей, что говорил с закрытыми глазами и слушали меня не только христиане, но и Сам Бог. Голос у меня дрожал; несколько раз я терял нить и умолкал, мучительно соображая, чего же нужно просить у Бога для наших СМИ. Должно быть, это была худшая молитва в истории человечества.

Мне предложили присоединиться к международной группе евангелических христиан, работающих в светских новостных изданиях и поддерживающих друг друга. Я отказался, не видя в этом особой необходимости. Верующих в новостных изданиях особо не приветствуют, но и не гонят. Когда доходит до евангелистов, издатели, как правило, придерживаются вежливого неформального правила: «Мы не спрашиваем, ты не говоришь». А беседы в курилке редко касаются таких личных вопросов, как вера.

Меня попросили прочесть в христианском колледже курс лекций о журналистике — точнее, о том, как евангелисту выжить в светском издании. Это предложение я тоже отклонил, почувствовав, что руководство колледжа интересует не то, как христианину «выжить» в светском СМИ, а то, как туда незаметно проникнуть, а затем, укрепившись на новом месте, развернуть там религиозную пропаганду. От такого подхода меня воротило.

Я пришел к мысли, что, если мы хотим привлекать людей к христианству, лучше всего привлекать их ненавязчивым личным примером. Сам я принял веру, потому что видел рядом с собой людей, которыми восхищался, жизнь которых была явно более полной и счастливой, чем моя, и, судя по всему, причиной их благополучия был Иисус. Они не проповедовали, не клеймили грешников, не угрожали адским огнем — они просто жили христианской жизнью, и люди вокруг них тоже становились христианами. Лучше всего сказал об этом святой Франциск Ассизский: «Проповедуй Евангелие непрерывно — если нужно, словами». И вера, и опыт говорили мне, что жизнь неверующих может радикально измениться к лучшему не только Здесь, но и в вечности, если они примут Иисуса, как я. Мне хотелось, чтобы окружающие видели во мне привлекательный пример человека, живущего по-христиански. К этой цели я стремлюсь и сейчас — хотя, по правде сказать, я далеко не образец.

Я начал искать причины того, что Бог не посылает мне работу в «Лос-Анджелес тайме». Может быть, я еще не готов? Может, надо сначала получить национальную известность, а пока мое дело — молиться в пустыне, поститься и готовиться? Но прошло уже четыре года — и никакого продвижения. Наконец я решил поискать другой путь к достижению цели. На Бога надейся, но и сам не плошай, верно? Быть может, подумал я, моя ошибка в том, что я мечтаю о работе на полную ставку. И все это время молился не о том. Может, начать с более скромного запроса? Можно, например, обратиться в отдел местного издания округа Оранж — «Таймс Коммьюнити Ньюс» — и предложить им регулярно вести религиозную колонку. С работы уходить не придется, зарплата останется прежней, а 200 000 подписчиков местного издания «ЛА Таймс» получат возможность ближе познакомиться с религиозным сообществом, составляющим заметную часть трехмиллионного населения округа.

Осенью 1997 года я договорился о встрече с редактором и директором местной газеты: их обоих я знал по совместной работе в отделе местных изданий. Мы расселись вокруг небольшого стола в кабинете директора. Я глубоко вздохнул, мысленно произнес краткую молитву — и забросил пробный шар:

— Что, если я скажу вам, что в округе Оранж действует организация численностью в пятнадцать тысяч человек, о которой ни один из ваших двухсот журналистов уже много лет ничего не пишет?

Мои собеседники покачали головами и ответили, что такого и вообразить себе не могут.

— Такая организация существует. Это — Церковь Сэдлбэк в Лейк-Форест. Вы никогда и ничего о ней не пишете — а ведь это все равно что не упоминать «Ангелов» или «Анахеймских утят»! — Заглянув в блокнот с планом своего выступления, я продолжал: — Кроме того, в округе Оранж расположены: второй по величине католический диоцез к западу от Миссисипи, крупнейшая в Северной Америке мечеть, одна из богатейших в стране иудейских общин. Церкви, синагоге или мечети люди жертвуют больше денег, чем любым другим благотворительным организациям в стране. Будем объективны: перед нами огромная и практически не освещенная тема. Вера важна для людей. Для многих вера — центр их жизни. Но для местного издания округа Оранж это, похоже, тайна за семью печатями. Изредка вы что-то пишете о религии — но лишь изредка. А известно ли вам, например, что тысячи студентов в округе Оранж на этих весенних каникулах, вместо того чтобы пить и буянить в Палм-Спрингс, поедут в Тихуану строить дома для бедняков? Неужели об этом неинтересно было бы прочитать в газете?

Я хотел бы писать колонку о религии, которая будет читаться не хуже колонки о спорте. Потому что ее автор любит религию и понимает, что она значит для людей. Такое дополнение определенно пойдет на пользу местному «Таймс»!

И я протянул через стол список из тридцати возможных тем для колонки. Редактор и директор читали список и кивали. Очень, очень интересная идея, сказали они; хотелось бы поскорее взяться за дело. Они со мной свяжутся и обсудят все детали. Я пожал им руки и поблагодарил за то, что уделили мне время. Мне хотелось плясать от радости. Сработало! Я сделал решительный шаг — а дальше, как обычно, Бог пришел мне на помощь!

Однако прошло три недели, а от моих собеседников не было ни слуху ни духу. Пока наконец, открыв местную «Таймс», я не увидел там анонс новой религиозной колонки. Странно, подумал я: почему же они рекламируют мою колонку, а мне об этом не сообщают? Начал читать — и обнаружил, что вести колонку буду не я, а профессор-религиовед из местного колледжа! У меня упало сердце. Они использовали мою идею и пригласили другого автора — без извинений, без объяснений! Как такое могло случиться? Что они думали — что я об этом не узнаю? Возможно ли, что такая мысль пришла нам обоим одновременно, но они выбрали ученого? Четыре года я молился — и все напрасно! А может быть, я неверно понял волю Бога? Может быть, Он хочет для меня чего-то другого? Я терзался сомнениями в себе, пропущенными через фильтр убеждения, что для каждого из нас у Бога есть особый план. Не было

сил даже звонить в редакцию «Таймс» и выяснять истинную причину происшедшего — это было слишком больно.

Через несколько дней уныния и молитв я пришел к выводу, что не мог ошибиться в истолковании воли Божьей. Ощущение моего предназначения было сильным, ясным и, несомненно, исходило свыше. Бог хочет, чтобы я писал о религии. Я это чувствовал. «Таймс» потеряли возможность обзавестись отличным религиозным колумнистом — что ж, им же хуже! А у меня обязательно будет еще один шанс — и надо быть к этому готовым.

Второй шанс пришел меньше чем через полгода. В местное издание округа Оранж пришел новый редактор — женщина, с которой мы быстро сдружились. Скоро я заговорил с ней о колонке и подсунул свой список из тридцати тем, подчеркнув разницу между своим подходом к религиозной теме и более сухим и научным подходом профессора. Она прочла мой список. Затем подняла на меня взгляд и произнесла чудесные слова:

— Знаешь, а давай попробуем. Например, раз в две недели. Когда напишешь первую?

Мне показалось, что один из последних тумблеров в моей христианской жизни со щелчком занял свое место. Я не сомневался, что все это сделал Бог; я — лишь Его орудие. Меня охватило чувство глубокого удовлетворения и благоговения перед властью Бога. Уж этот шанс я не упущу! В тот же день я сел за работу. Мне хотелось показать, что религиозная тема способна дать газете лучшие сюжеты — такие, какие грех прятать в субботнем религиозном разделе, которые стоит разбросать по всему изданию, может быть, даже вынести на первую страницу!

Через несколько недель, 19 декабря 1998 года, проснувшись от того, что у моего крыльца с шуршанием приземлилась ежедневная газета, я вскочил с постели и бросился на улицу. В сером предутреннем свете я отбросил первую тетрадь и принялся листать вторую. Вот она: колонка, посвященная Джону Мурлаху, финансовому директору округа, несколько лет назад предсказавшему, что округ Оранж потерпит банкротство на полтора миллиарда долларов. В то время ни одна газета не писала о том, что, по словам самого Мурлаха, мудрость финансиста он почерпнул из Библии.

> Об этом Джон М. У. Мурлах не станет кричать с крыши Дома Администрации; но если вы его спросите - ответит. Важнейшая книга, к которой финансовый директор округа Оранж неизменно обращается за советами в денежных делах, - Библия.

«Я не знаю лучшего самоучителя для финансиста, -говорит Мурлах, финансист из Коста-Меса, предсказавший банкротство округа Оранж за полгода до того, как оно произошло. - Однажды я попытался подсчитать, сколько советов по финансовым вопросам дает Библия, - получилось более двух тысяч!» ...Мурлах понимает: некоторые из его избирателей побледнеют при мысли о том, что финансами округа распоряжается убежденный христианин. Однако Мурлах отмечает, что указания Писания служили основой грамотного распоряжения деньгами на протяжении тысячелетий, да и сейчас светское финансовое планирование строится в основном на тех же принципах.

«Библия советует нам быть довольными тем, что имеешь, экономить, не ввязываться в рискованные схемы быстрого обогащения, диверсифицировать активы, быть честными и последовательными, проявлять верность и управлять деньгами разумно, - говорит Мурлах, 43-летний отец троих детей, прихожанин церкви при «Христианском Центре Ньюпорт-Меса» в Коста-Меса. - Библейские принципы будут вам полезны, даже если вы не христианин».

Мне, как верующему, нравилась мысль, что любовь Мурлаха к Библии каким-то образом помогла ему предсказать финансовый крах округа. Но как журналист я понимал, что это очень спорно — и тем лучше! Неверующие, прочтя мою колонку, с ума сойдут: для них это все равно как если бы госслужащий признался, что по вопросам инвестиций государственных денег советуется с астрологом. Сам я придерживался срединной позиции: вполне возможно, что основные финансовые принципы Мурлаха взяты из Библии, но способность предвидеть неминуемое банкротство связана скорее с пониманием того, как делаются дела на Уолл-стрит, чем с мудростью, взятой из Книги Притчей. Успех Мурлаха несомненен, но верующие и скептики смогут без труда объяснить его с совершенно разных точек зрения. Я чувствовал, что такой спор может быть очень увлекательным. А ведь подобных историй в мире религии можно найти множество! Я наконец нашел свою золотую жилу.

4 Услышанные молитвы

Удивительные верующие Требования Бога Мечты сбываются

Если чего попросите во имя Мое, Я то сделаю.
(Ин14:14)

Как я и ожидал, с поиском материала для колонки «Поговорим о религии» не возникло никаких проблем. Со всех сторон на меня сыпались интереснейшие истории о том, как религия меняет человеческую жизнь. Куда бы я ни повернулся — видел вокруг удивительных людей.

***

Взять хотя бы историю Мэдж Родда, пожилой церковной органистки, которая по воскресеньям поднималась в три часа утра и шла за «овсянкой духовной» в ближайший ресторан «Денни». Там семидесятилетняя женщина молилась, читала Библию и завтракала, чтобы к половине восьмого быть на своем месте — за органом в часовне Голгофы в Коста-Месе.

Однажды в воскресенье, после обычного раннего завтрака, Мэдж зашла в туалет. В соседней кабинке сидел бродяга, сезонный рабочий по имени Джеймс Бридл, и листал порножурнал. Бридл, заядлый кокаинист, был под кайфом и жаждал насилия: сжимая в руке нож, он поджидал жертву. Мэдж рассказывала, что вышла из кабинки и увидела его. Заблокировав дверь журналом, Бридл набросился на женщину. Невыносимо долго — в течение, быть может, четверти часа — он душил ее, бил головой об пол, резал ножом и пытался совершить над ней сексуальное насилие.

Удивительно, что хрупкая (ростом всего 1,5 метра и весом 45 килограммов) пожилая женщина сумела так долго противостоять 23-летнему насильнику. Она рассказывала, что отбивалась от него руками и ногами и звала на помощь Бога. «Господи, помоги! Господи, спаси! Дорогой Иисус, никто меня не спасет, только ты!» — кричала она во весь голос, но за двойными дверями туалета никто ее не слышал. Наконец Бридл поднялся. Он повернулся к Мэдж — лицо ее было все в синяках и кровоподтеках, белая блузка залита кровью — и сказал: «Я тоже верю в Бога. Но Сатана отравляет мой разум. Мне нужна помощь. Я знаю, что мне нужна помощь». После этого он бросился бежать — но не успел далеко уйти: менеджер «Денни» догнал его и задержал до прихода полиции.

Казалось бы, вот и конец истории. «Сезонный рабочий напал на престарелую церковную органистку» — тема, достойная пары абзацев в местной газете. Однако, очнувшись в палате Пресвитерианской Мемориальной больницы Хог в Ньюпорт-Бич, Мэдж придала этому сюжету совершенно иной

поворот. Первые слова, которые она сказала своей дочери после нападения, были:

— Этот несчастный... Мы должны передать ему Библию!

Немногие поняли, что произошло. Психологи, работающие с жертвами насилия, сочли, что Мэдж находится на стадии отрицания, и уговаривали ее «выплеснуть свой гнев». Другие решили, что она святая — идея, над которой сама Мэдж только посмеялась. «По натуре я человек злопамятный, — рассказывала она. — Помню истории многолетней давности, которые все вокруг, должно быть, давно позабыли». О том, что произошло, она говорит просто: в ней действовал дух Божий. «Нет, это не природная доброта — это было нечто сверхъестественное».

Мэдж и человек, напавший на нее, встретились вновь в суде. После того как судья приговорил Брид ла к семнадцати годам тюрьмы — этот приговор Мэдж сочла справедливым, — она передала ему Библию, подчеркнув в ней строки, которые, по ее мнению, должны были помочь ему на его духовном пути. Кроме того, она создала сеть поддержки Бридла: группу молодых христиан, которые смогут помогать ему советами и наставлениями по выходе из тюрьмы, когда самой Мэдж, скорее всего, давно уже не будет в живых.

— Бог знал, что этот человек непременно на кого-нибудь нападет, — завершила свой рассказ Мэдж. — Вот и послал ему навстречу чудаковатую старушку-органистку, которой хватило ума прийти в суд с Библией и сказать человеку, который ее чуть не убил: «Слово Божье — вот все, что тебе нужно!»

***

В другой своей колонке я рассказывал о Донне Бод-жесс. Первое и естественное чувство, которое испытывают люди, впервые услышав о ее судьбе, — сострадание. Наступление рассеянного склероза, поразившего ее нервную систему, приковало ее к постели, а затем и обездвижило. Ноги уже давно ей не повинуются, а недавно отказали и руки. Она зависит от окружающих буквально во всем: встать с постели, почистить зубы, причесаться, накраситься, позавтракать — во всем этом ей нужна помощь. И все это — еще до девяти часов утра!

Однако, увидев Донну Боджесс своими глазами, вы забудете о сострадании. Оно уступит место другим чувствам: восхищению, даже благоговению, и приливу оптимизма.

Она сидит в инвалидном кресле, руки ее сведены вечной судорогой, но Донна с улыбкой говорит о том, что Бог дал ей счастливую жизнь. И вот что удивительнее всего: вы ей верите. Все вокруг это подтверждают.

Во-первых, друзья. Друзей у нее множество! В ее квартире в Мишн-Вьехо постоянно звонит телефон; каждый вечер дом полон гостей и звенит смехом. Время от времени одна из подруг сажает Донну в свою красную «Миату» и возит гулять по округу — за день они проезжают больше ста пятидесяти миль.

— Кажется, мир вертится вокруг мамы, — говорит ее дочь Кери, 26 лет, живущая вместе с матерью. — Все, кто с ней знакомится, хотят продолжить знакомство.

Во-вторых, у Донны есть интересное любимое дело. Она проводит мотивирующие беседы о Христе, записала мотивационную кассету («Дорога к радости»), а сейчас, при помощи компьютера с голосовым управлением, пишет книгу.

Все это — в дополнение к работе на полставки в церкви Сэдлбэк: каждый вечер она обзванивает прихожан, напоминая им о встречах церковных групп и предлагая помощь. Кроме того, она ведет группу взаимной поддержки людей, страдающих хроническими недугами. Но больше всего гордится еще одной своей «работой» — двумя чудесными дочерьми.

А в-третьих, она просто счастлива.

— Меня поражает то, как легко она справляется со множеством препятствий, стоящих у нее на пути, — говорит Ян Манчестер, администратор церкви Сэдлбэк. — Донна помогает людям увидеть истинный масштаб их проблем. Удивительно, но она буквально никогда не жалуется!

Возникает очевидный вопрос: как женщина, прикованная к инвалидному креслу, неспособная даже самостоятельно почистить зубы, может жить такой насыщенной и счастливой жизнью?

— Это счастье дал ей Бог, — отвечает Кери. — Должно быть, это Божий дар. Всех поражает этот контраст: жизнь ее сложилась так трагически, и при этом она так счастлива!

Сама Донна думает иначе.

— Проблем у меня не больше, чем у всех остальных, — говорит она. — Разница лишь в том, что мои проблемы всем видны. Многим живется тяжелее, чем мне, просто снаружи этого не видно.

Разговаривая с Донной, нетрудно поверить, что 31 год назад она была ведущей солисткой в хоре школы Тастин. И сейчас, в 49 лет, она очень симпатичная женщина (кстати, ее дочь просит сообщить приличным мужчинам с серьезными намерениями, что мама одинока!), открытая и общительная, нечто среднее между Рози О’Доннел и Матерью Терезой.

Страшный диагноз ей поставили в 19 лет. Тридцать лет Донна ведет

борьбу с прогрессирующей болезнью — и учится с ней жить. От трости — к ходункам, от обычного инвалидного кресла — к креслу с электрическим приводом. Каждый год болезнь лишает ее каких-то возможностей и вынуждает все больше и больше полагаться на Бога.

— Никогда не знаю, в чем откажет мне мое тело сегодня или завтра, — говорит Донна. — Не знаю, как бы я с этим справлялась, будь я одна. Но я не одна — каждую минуту каждого дня со мной Бог. Я научилась складывать все свои тревоги к Его ногам. Когда я так поступаю, небеса раскрываются, и на меня снисходят благословения.

В конце этой встречи я не мог не задать вопроса:

— После того, что с вами произошло, не сомневались ли вы, что Бог есть?

— Да как же Его может не быть? — отвечает Донна. — Что бы я делала, не будь Бога? Бог — моя надежда, моя радость, моя сила. Он — любовь всей моей жизни.

***

А вот еще один пример: сестра Мария ордена Святого Норберта. Привлекательная молодая женщина с острым умом, еще недавно — многообещающий адвокат, младший партнер юридической фирмы в Миннесоте. Теперь она живет жизнью отшельницы в горах Техачапи. Скромный монастырский домик она делит еще с пятью женщинами — насельницами Аббатства Святого Михаила в округе Оранж, недавно открывшего единственный в США монастырь норбертинок.

Святой Норберт жил в Германии в начале XII века. Роскошную жизнь богача он променял на трудное существование бедного священника и установил для своих последователей суровый режим молитвы и покаяния.

— В какой-то миг переживаешь обращение, и все меняется, — рассказывает сестра Мария, вступившая в обитель год назад, после разочарования в своей карьере. — Одной из перемен в моей жизни стала потеря работы. Но, кроме этого, я ощутила зов Бога.

Должно быть, зов был весьма настойчивым. Монашеская жизнь сурова: до конца своих дней сестры должны соблюдать жесткое расписание. Встают они в четыре часа утра, ложатся в десять вечера (а в полночь поднимаются на молитву). Молитвы занимают большую часть их времени; кроме этого, они поют, учатся и занимаются надомной работой (например, создают базы данных для интернет-фирм), которая позволяет им себя обеспечивать. Свободное время — один час в день.

Их жизнь сведена к самому необходимому. Здесь нет ни телевизора, ни

радио, ни газет, редко приходят посетители. Покинуть монастырь сестра имеет право лишь в двух случаях: для визита к врачу или если ее родные в беде и нуждаются в ней.

Сестры добровольно избрали для себя столь суровую жизнь, потому что верят в важность молитвы. Они уверены: если непрестанно молишься о том, чтобы Бог кому-то помог, — это действует! А самый лучший способ молиться — заботиться только о самом необходимом, не позволяя мирским треволнениям и развлечениям вставать между молящимся и Богом.

Разумеется, созерцательная жизнь чужда и непонятна многим, в том числе порой и родным и друзьям монахинь.

— Пока живешь в миру и принимаешь мирской образ жизни, все нормально, — говорит сестра Мария. — Но когда начинаешь что-то менять, зачастую эти перемены пугают людей. Их это смущает, потому что заставляет взглянуть критически и на собственную жизнь.

Я сознательно, по собственному выбору, отдала свою жизнь Богу. Да, это радикальное решение, но Царство Божье не достается без труда. Мы пришли сюда, чтобы спасти свои души.

С сияющими глазами рассказывает сестра Мария о дне, когда стала монахиней:

— Я ощутила такой покой, такую радость! Я была к этому готова. Мне не пришлось делать выбор, от чего-то отказываться. Я чувствовала: отказываться не от чего. Есть Бог, и Он — повсюду.

Скоро я обнаружил, что разработка религиозной темы кое в чем сильно отличается от всех остальных. Одно из первых своих интервью я брал у пастора, который оставил работу преуспевающего брокера по недвижимости и зарплату с пятью нулями, чтобы последовать зову Бога. Когда-то он шил себе костюмы на заказ — теперь же одевался в «Гудвиле», ибо видел свое призвание в том, чтобы служить народу Божьему.

Войдя вместе со мной в свой крохотный кабинетик, он спросил:

— Не возражаете, если сперва мы помолимся о том, чтобы вы успешно выполнили свою работу?

О совместной молитве с интервьюируемым в этическом кодексе «Лос-Анджелес тайме» нет ни слова; однако мне показалось, что это будет неправильно. Что, если у нас возникнет конфликт интересов? Может быть, притвориться, что я молюсь, чтобы его не обидеть? Пастор вопросительно смотрел на меня, видимо, не понимая, над чем я так долго раздумываю.

— Разумеется, — ответил я наконец, не желая раздувать из этого историю.

Он склонил голову и начал молиться. Я тоже наклонил голову, но глаза закрывать не стал — лучший компромисс, который я на тот момент мог придумать.

В дальнейшем при разговорах о вере такое случалось довольно часто, независимо от того, о какой религии я писал.

Очень часто интервьюируемые, прежде чем начать разговор, спрашивали, к какой религии принадлежу я сам. При расспросах на другие темы люди редко задают журналисту личные вопросы (по крайней мере, с первых же слов) и никогда не спрашивают о вере. Теперь же во мне видели либо коварного врага, либо потенциального новообращенного. Это не объясняется одной лишь «паранойей верующих». Когда речь идет о религиозных вопросах или об историях жизни верующих, между восприятием религиозных и нерелигиозных людей порой обнаруживается непреодолимая пропасть, в полном согласии с максимой: «Мы выносим из жизни лишь то, что приносим в нее».

Поначалу я старался не отвечать: мне казалось, ответ предполагал, что личные религиозные воззрения могут оказать влияние на мой репортаж. Однако мне нужно было, чтобы интервьюируемые чувствовали себя свободно и были со мной откровенны; и самое меньшее, что я мог для этого сделать, — дать им прямой ответ на простой вопрос.

— Я христианин, — отвечал я. В детали не вдавался, пока о них не спрашивали; но спрашивали часто.

Верующие — будь то христиане, иудеи или мусульмане — неизменно выражали облегчение, узнав, что писать об их вере будет верующий журналист. Такая реакция полностью противоположна предрассудку, распространенному в самом журналистском сообществе, — предрассудку, который в самой вежливой форме звучит так: «Способен ли евангелический христианин писать о вере объективно?» На мой взгляд, писать о вере способен кто угодно, как убежденный верующий, так и атеист. Важно лишь, чтобы он стремился описывать свой предмет точно, учитывая контекст и все нюансы.

Интересно, что журналистское сообщество крайне редко выражает подобное же недоверие к репортерам, когда речь идет о других темах. Способен ли журналист-демократ объективно описать праймериз кандидата-республиканца? (Вообще-то подавляющее большинство политических журналистов в нашей стране — демократы. Кандидаты от Республиканской партии относятся к ним подозрительно; но, на мой взгляд, хотя в СМИ порой и заметен «либеральный уклон», основные претензии республиканцев связаны с неизбежными законами рынка. О плохих новостях

легче писать — и они лучше продаются. Склоки и скандалы популярны независимо от того, о какой партии идет речь. Серьезный анализ программы по здравоохранению или реформы социального страхования привлечет гораздо меньше читателей.) А как насчет спортивных комментаторов, пишущих о своей любимой команде? Или пламенных защитников окружающей среды, пишущих о тяжелой промышленности? Свои предубеждения есть у любого журналиста. Но для работы важно лишь то, насколько точно и верно он описывает действительность. Если он пишет с какой-то задней мыслью — и читатели, и редактор скоро это заметят, особенно в наши дни, в эпоху Интернета и социальных сетей.

У меня «задняя мысль» была только одна: заворожить своих читателей религией так же, как был заворожен ею я сам. Хоть я и считал себя евангелическим христианином, однако полагал, что проповедовать свою веру мне не следует. Во-первых, это запрещает журналистская этика. Во-вторых, это не в моем стиле. А в-третьих, столь прямолинейный подход не сработает — меня просто перестанут читать.

Колонка «Поговорим о религии» не была для меня основной работой. Я писал ее по вечерам и в выходные, а затем отсылал по электронной почте редакторам. Но думал я о ней днем и ночью. Мне казалось, я подобрал ключ к двери в волшебную страну и теперь намеревался исследовать каждый дюйм ее территории.

Перечитывая свои колонки, я вижу, что они строились по определенной схеме. Если передо мной вставал вопрос, относящийся к вере, в очередной колонке я начинал искать на него ответ. Например, я сомневался в необходимости платить церкви десятину. Мне думалось, что эта мудрость едва ли исходит от Бога — скорее, это ловкий трюк, придуманный религиозными лидерами, чтобы их организации никогда не оставались без денег. И неужели Бог в самом деле хочет, чтобы небогатый журналист, живущий в округе Оранж и обремененный большой семьей, отдавал Ему десять процентов (до вычета налогов — на этом пасторы особенно настаивают!) с каждой своей зарплаты? Я думал, что попросту не могу себе этого позволить. А потом написал о мультимиллионере по имени Джон Крин, который половину своего дохода (в тот год, когда я брал у него интервью, это составляло 50% от 176,8 миллиона долларов) отдавал на благотворительность. Такую жертву он начал приносить полвека назад по совету своего пастора. В то время Крин боролся за выживание своего бизнеса: на его компании висело 250 тысяч долларов долга.

«Проповедник сказал мне: если будешь отдавать, ничего не ожидая

взамен, то Бог воздаст тебе вдесятеро, — рассказывал Крин, фабрикант аттракционов, сейчас уже умерший. — Звучало как выгодная сделка. Я подумал: почему бы и нет?»

Едва он начал отдавать половину, удача повернулась к нему лицом. Крин рассказывал мне, что просто не успевал избавляться от плывущих к нему в руки денег. Они все прибывали и прибывали. Так что я тоже начал платить десятину — и вскоре обнаружил, что прекрасно обхожусь без этих десяти процентов.

Часто я с тревогой задумывался о том, что Бог может потребовать от меня не только части зарплаты, но и чего-то большего. Поэтому писал о людях, которые ради веры шли на гораздо более серьезные жертвы. И никто из них не жалел о том, что совершил. Наоборот, они рассказывали, что теперь их жизнь стала намного полнее. В одной из колонок я размышлял о цене веры на примере одного жителя округа Оранж, бывшего мусульманина, который собирался отправиться на Западный берег реки Иордан проповедовать своим бывшим единоверцам Христа, что было очень рискованно и даже опасно для жизни. (И в самом деле, ему пришлось претерпеть угрозы от террористической группы «Хамас».)

«Я всегда чувствовал призвание стать миссионером среди мусульман, — рассказывал этот человек, попросивший называть его Стивом. Свое настоящее имя он не открывал, поскольку по исламским законам за то, что он делал, ему грозила смертная казнь. — Мусульмане — потрясающие люди, они чище многих христиан. Они готовы умирать за свою веру, а христиане не готовы даже отказаться от любимой телепередачи ради того, чтобы сходить в церковь».

Стив продал все свое имущество: оставил себе лишь смену одежды, несколько книг и гитару, чтобы зарабатывать на свою новую жизнь.

«Я не боюсь, — говорил он. — Я верю, что этого от меня хочет Бог — значит, Он меня защитит».

Писал я и о людях, которые получали от жизни тяжелые удары, но не винили в этом Бога. Они, безусловно, были лучшими христианами, чем я. Так, я рассказал о похоронах Итана Шигеру Сикреста — младенца, который родился недоношенным и первые три месяца жизни провел в больнице. При рождении он весил всего 400 граммов. То, что он выжил, многие считали чудом — об этом даже писали в новостях.

После рождения ребенка Сикресты, убежденные христиане, и их друзья обратились к верующим по всему миру с просьбой молиться за младенца. Один из его врачей, пытаясь объяснить то, что Итан чудесным образом выжил, сказал: «Его вымолили».

Однако в восемь месяцев Итан подхватил респираторный вирус. Организм его не успел выработать зрелую иммунную систему, и за обычной простудой последовали новые и новые болезни, все более тяжелые, которые в конце концов свели его в могилу. Смерть Итана поставила его родителей, их друзей, священников, врачей — всех, кому был небезразличен этот ребенок, — перед вопросом: почему же Бог не вмешался и не спас его снова? Я пришел на похороны, потому что трагическая история Итана глубоко меня тронула, но еще потому, что хотел услышать ответ на этот вопрос.

Пастор Дж. П. Джонс, обратившись к скорбящим, сказал, что эта смерть «открывает наши глубочайшие страхи», связанные с Богом. Вот честный ответ, сказал он: мы не знаем, почему Бог позволил Итану умереть. И не узнаем этого, «пока не перейдем из этой жизни на небеса и не увидим все так, как видит Бог».

Понятно, что так говорит пастор — но что скажут родители? Будь это мой ребенок, я был бы вне себя от гнева на Бога за то, что он позволил этому произойти — особенно после всех молитв за Итана. Это казалось особенно жестоко.

Но Сикресты, уже потерявшие одного сына (их первый ребенок родился мертвым), не сомневались, что в будущем смогут если не понять, то хотя бы увидеть проблески Божьего замысла.

— После смерти нашего первого сына, — говорил Алан Сикрест, — я не мог разглядеть в этом никакого благословения. Но со временем понял, что это не так. Наш брак стал крепче. Мы стали более заботливыми родителями. Однако сразу после его смерти, конечно, мы этого увидеть не могли.

—Все будет хо рошо. Конечно, не сегодня, не завтра и не на будущей неделе. Но у нас все будет хорошо, потому что мы верим Богу.

Мужество и вера Сикрестов поразили меня: до таких высот христианства мне было еще идти и идти. Не раз в трудные минуты воспоминания об этой мужественной семье придавали мне силы.

***

Я все еще чувствовал себя относительным новичком в религии, и вера вызывала у меня много вопросов. Основным их источником было Священное Писание — Библия. Дело в том, что Слово Божье, если вчитаться в него внимательно, обнаруживает перед читателем множество противоречий, странных указаний и историй, в правдивость которых трудно поверить. Для меня Библия стала загадкой. Листая Писание, я то и дело натыкался на алмазы неизреченной мудрости. Вот несколько моих любимых изречений: «Вот, Я

повелеваю тебе: будь тверд и мужествен, не страшись и не ужасайся; ибо с тобою Господь Бог твой везде, куда ни пойдешь» (Ис Нав 1:10). «Не заботьтесь ни о чем, но всегда в молитве и прошении с благодарением открывайте свои желания перед Богом, и мир Божий, который превыше всякого ума, соблюдет сердца ваши и помышления ваши в Иисусе Христе» (Флп 4:6—7). И: «Плод же духа: любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание. На таковых нет закона» (Гал 5:22-23).

Однако, пытаясь прочесть Библию целиком (за что я безуспешно принимался несколько раз), я спотыкался о длиннейшие и скучнейшие родословия (начальные главы Первой книги Царств); некоторые законы Бога, в которых наказание явно не соответствовало преступлению (Книга Левита рекомендует карать смертью за брань в адрес отца или матери, за «вызывание духов», за супружескую измену, инцест, гомосексуальный акт, зоофилию, богохульство), а также на рассказы об Иисусе, куда более суровом и раздражительном, чем я привык (Евангелие от Марка). Разумеется, я не все в Библии понимал буквально, однако даже фигуральное истолкование некоторых пассажей не спасало дела: в самом деле, какую благочестивую мораль можно извлечь из замысла Бога «убить всех первенцев мужского пола в Египте, людей и животных», потому что фараон не хочет освобождать евреев? Разве только ту, что Бог — злобный мстительный тип, с которым лучше не связываться. Однако я не сомневался, что вся Библия вдохновлена Богом, и полагал, что проблема в моей неспособности правильно ее толковать.

В некоторых своих колонках я рассказывал о христианских апологетах, исследующих историческую достоверность религии. Мне хотелось послушать христиан, более разумных и образованных, чем я сам, которые ни на секунду не сомневались в том,

что говорит Библия — даже в самых «неудобных» ее местах, которые большинство верующих предпочитает пропускать или не замечать. И не только не сомневались, но и могли подтвердить свои объяснения вескими аргументами! Вот почему мне нравилось брать интервью у таких людей, как Билл Кризи.

Когда Кризи начал работать над диссертацией в области средневековой литературы, кто-то из друзей предостерег его: «Не трать жизнь на то, чтобы сделаться первоклассным специалистом по какому-нибудь третьестепенному викторианскому поэту. Выбери крупного автора или серьезную работу».

— Поэтому, — рассказывал мне Кризи, — я выбрал Бога и Библию. Бог — определенно поэт мирового уровня!

В наши дни Билл Кризи, пятидесяти двух лет, известный преподаватель английского языка и литературы в Лос-Анджелесском университете. А по вечерам (а также по утрам и по выходным) он без устали учит людей Библии. Его задача — преподать Благую Весть, страница за страницей, стих за стихом, как можно большему числу слушателей.

— Занавес открывается в Книге Бытия и закрывается в Откровении, — говорит Кризи. — Сюжет строго линейный. Вы не сможете понять Книгу Откровения, если не прочитаете шестьдесят пять книг, которые ей предшествуют.

Я несколько раз бывал на библейских занятиях Кризи. Он — отличный лектор, сочетающий энциклопедические знания с ораторским мастерством и чувством юмора. Кризи исповедует популярный в наши дни подход: он преподает Библию как литературное произведение. Его цель, как и у любого преподавателя литературы, ввести студентов «внутрь повествования».

— Библейские герои для меня так же реальны, как вы, — говорит Кризи. — Я хочу, чтобы и мои ученики ощутили их реальность.

Проблема в том, добавляет он, что большинство людей, изучая Библию, читают ее в отрывках, не соблюдая хронологии. Ученики Кризи за два года прочитывают Библию от начала до конца.

— Это все равно что слушать симфонию Бетховена по нескольку нот за раз в случайном порядке, — говорит Кризи. — Многие пытаются прочесть Библию целиком, но, как правило, спотыкаются на Книге Левита. Я — проводник на этом пути. Я здесь уже был и знаю дорогу.

Хотя Библию писали, по меньшей мере, сорок четыре автора на протяжении более полутора тысяч лет, Билл Кризи видит в ней единое литературное произведение — Слово Божье.

— Главный герой — Бог, — говорит он, — конфликт — грех, тема — искупление. Лицо Бога — на каждой странице Писания, голос Его — в каждом слове... [Библия] с каждой секундой подводит нас все ближе и ближе к Богу Живому.

Вузовские преподаватели, изучающие со своими студентами Библию как литературное произведение, по большей части не верят в Бога сами и обращаются не к верующим. Как правило, они просто дают элементарные знания студентам, не имеющим о Библии никакого представления и желающим что-то узнать об этой прославленной книге, не задаваясь при этом никакими серьезными вопросами. Однако, читая Библию целиком, от этих вопросов уйти невозможно: здесь ты неминуемо сталкиваешься со всеми

возможными противоречиями. Апостол Павел писал: «Беспорядка Бог не творит», однако Библия породила тысячи различных истолкований и бесчисленное множество христианских деноминаций. Даже богословы дают различные ответы на самые разные вопросы, как важнейшие (спасаемся ли мы делами или только благодатью?), так и второстепенные (были ли у Иисуса братья?). Как верующему во всем этом разобраться? Знакомя своих учеников с историческим контекстом и научными сведениями, Кризи дает глубокие и содержательные ответы на самые «трудные» вопросы, связанные с Библией.

Например: для обычного читателя Библия превращается в «ужастик», когда Бог испытывает верность Авраама. Господь приказывает ему: «Возьми сына твоего, единственного твоего, которого ты любишь, Исаака [уже взрослого]; и пойди в землю Мориа и там принеси его во всесожжение на одной из гор, о которой Я скажу тебе» (Быт 22:2).

Звучит как садистское издевательство — особенно когда Бог в последний момент останавливает Авраама, уже занесшего нож над сыном. Однако Кризи в 95-минутной лекции, обращаясь к географическим и историческим данным, а также к другим библейским книгам, объясняет: Авраам знал, что Бог либо спасет Исаака, либо его воскресит, ибо Господь уже обещал Аврааму, что у Исаака будет много потомков. Бог всегда выполняет обещанное: и как мог бы сын Авраама иметь детей, если бы умер?

Можно не соглашаться с анализом Кризи; однако меня успокаивало то, что этот блестящий интеллектуал читает Библию целиком, не смущаясь тем, что в ней находит.

***

Шли месяцы — и я не мог нарадоваться тому, как же мне повезло со второй работой! Любой интересовавший меня вопрос, связанный с религией, я мог обсудить с величайшими в стране экспертами: достаточно было снять трубку и набрать номер. Я встречался с людьми, с которыми происходили чудеса. Каждое утро я в нетерпении вскакивал с постели, думая о своей новой колонке. Да и кто бы отказался, например, в пятницу вечером отправиться на самую крутую школьную дискотеку во всем округе Оранж, которую, так уж совпало, проводит Церковь Мормона? Или поехать на выходные в Тихуану и увидеть, как сироты открывают рождественские подарки, присланные им из разных церквей США? Или в субботу утром посмотреть, как ученики субботней синагогальной школы под руководством учительницы строят Ноев Ковчег, сажают в него игрушечных зверушек и отправляют в плавание?

Я был в восторге от своей работы. Свою первую колонку я повесил в рамке

на стену своего кабинета в «Таймс Коммьюнити Ньюс». Я нашел свое призвание и уже размышлял о том, как бы перебраться в местный «Таймс» на полную ставку. Надежды мои возросли, когда редакторы начали спрашивать, как это мне за несколько часов в неделю удается находить более интересны«; сюжеты, чем их штатному религиозному репортеру, работающему на полную ставку? Порой случалось, что мне приходили одновременно две свежие и актуальные идеи для колонки: в таких случаях редакторы давали мне зеленый свет и поручали оформить одну из них как обычную статью. В таких случаях мои материалы публиковались в первой тетради и привлекали больше внимания.

Однако важнее всего то, что благодаря этой работе укреплялась моя вера. В 1999 году исполнилось семь лет со дня моего обращения на вершине горы. Я чувствовал, что у моего христианства «растут мускулы». Я все лучше и лучше понимал Библию, стремился глубже погрузиться в историю христианства и в его традиции. Я больше не стеснялся своей веры, мне не нужно было постоянно бороться с собой — религиозная жизнь стала для меня нормальной частью жизни обыденной. Кроме того, я «вырос» из церкви Моряков. Ее «удобная» атмосфера, благодаря которой я так легко вернулся к христианству, теперь казалась мне слишком уж удобной. Я перерос веселые песенки с попсовыми мелодиями, простенькие «послания», кофе из кофемашин. Меня тянуло к чему-то более торжественному, суровому, требующему усилий — более настоящему. Церкви Моряков я был благодарен, но чувствовал, что она для меня — пройденный этап. В какой-то момент мы просто перестали туда ходить. Никто этого не заметил. В этом благословение и проклятие больших церквей: никто не обращает внимания на новичков и не замечает, что уходят «старики».

Грир мечтала вернуться в Католическую церковь, к которой принадлежала в детстве и юности. Как многие урожденные католики, в других деноминациях она чувствовала себя неуютно. Она тосковала по ритуалам, по торжественности службы, по знакомой атмосфере. Мы попробовали сходить в местный католический приход, но неудачно: там отец Джером Карчер (сын Карла Карчера, основателя «Карла-младшего») с ласковой улыбкой сообщил Грир, что она прелюбодейка, так как ее брак заключен не в церкви.

— Не может быть, чтобы вы в самом деле так думали! — со смехом воскликнула Грир.

— Именно так и я думаю, — заверил ее отец Джером. — Так сказал Иисус.

В эту церковь мы больше не возвращались.

Однако и меня самого все больше привлекала Католическая церковь: ее сложная двухтысячелетняя история, рассказы о святых, глубина и размах ее

богословия, красота ее богослужения, ее всеобъемлющая традиция, в которой ультралибералы и ультраконсерваторы, богатые и бедные, принадлежащие к большинству и к меньшинствам, не смущаясь, молятся в одном приходе. Не так давно — еще на памяти старшего поколения — вековой конфликт между протестантами и католиками в США ощущался живо и остро. В 1928 году, когда на президентские выборы шел от демократов Эл Смит, среди его противников процветала разнузданная антикатолическая риторика. (В одном бестселлере описывалось во всех подробностях, как в монастырях жгут живьем младенцев.) Агенты республиканцев распустили слух, что Смит намерен тайно удлинить Голландский Тоннель на 3500 миль и соединить Америку с Ватиканом. И в наши дни отношения между евангелистами и католиками далеки от идеальных: многие евангелисты считают подчинение папе и молитвы святым доктринами, по меньшей мере, не библейскими. А многие католики со своей стороны попросту не замечают евангелистов, поскольку те не относятся к Единой Истинной Церкви.

Мы с Грир сошлись на компромиссном варианте — начали ходить в пресвитерианскую церковь Святого Андрея в Ньюпорт-Бич. Пастор Джон Хаффман, давно нам знакомый, руководил этой церковью уже несколько десятилетий. Джон — шести футов ростом и 220 фунтов весом, этакий огромный плюшевый мишка, всегда в свитерах и безупречно отглаженных брюках — интеллектуал, любитель политики и гольфа, ученик Нормана Винсента Пила. В свое время, служа в церкви в Бис-кейн-Ки, Флорида, где часто отдыхал Ричард Никсон, Джон был одним из духовных наставников президента. Его проповеди, произносимые звучным басом, полны неожиданных, часто парадоксальных суждений — прекрасная духовная пища для тех, кто хочет верить не только сердцем, но и умом.

В 1999 году мы начали посещать пресвитерианскую церковь и записали наших троих (а вскоре и четверых) сыновей на детские церковные программы, которые им очень понравились. Мы по-прежнему ходили в церковь в субботу вечером, а после службы оставались подкрепиться с друзьями пиццей и салатом. Кроме того, по вечерам в среду в церкви Святого Андрея работал кружок по изучению Библии, тоже с параллельными детскими программами. Теперь два вечера в неделю мы проводили в церкви всей семьей.

***

О том, что возрастаю в вере, я догадывался и по тому, что стал меньше тревожиться. Я не сошел с ума от беспокойства, узнав, что мое основное место работы попало под сокращение. Собственно говоря, под сокращение попал

весь мой отдел. Сменились владельцы, изменилась стратегия, и наше направление начало ежегодно приносить убытки, складывающиеся в миллионы долларов. За прошедшие три года менеджеры «Таймс» поставили на развитие местных новостных изданий — запустили почти две дюжины новых местных ежедневников и еженедельников. Мы наняли около двухсот молодых журналистов и открыли десять новых офисов. Однако рекламные отделы новых изданий за таким ростом не поспевали, и наши усилия не окупались.

К 2000 году, когда «Лос-Анджелес тайме» купила «Трибьюн Компани» и посадила над нами новую управленческую команду, сама концепция местных изданий требовала серьезного пересмотра. Никто нам этого не говорил, но мы чувствовали, что дни наши сочтены. Мы перестали нанимать новых людей. Наиболее талантливых в команде постарались передвинуть на позиции в основном издании «Таймс». Вполголоса советовали нашим репортерам, фотографам и редакторам готовить резюме. Одним словом, жили как приговоренные, не знающие, на какой день назначена казнь.

По натуре я всегда был (да и остаюсь) человеком нервным. Я обгрызаю до мяса ногти, меня часто мучают тревожные сны, а в минуты волнения у меня порой начинает громко урчать в животе. Но в 2000 году, как ни странно, я оставался спокоен. Хотя подвешенная ситуация изрядно выматывала и заставляла понервничать — в глубине души меня не оставляло чувство... благополучия? Уверенности? Даже не знаю, как это назвать. За первые четыре десятилетия своей жизни я такого практически не испытывал.

Ставки были высоки. Именно я нанимал на работу большинство людей, которых сейчас ждало увольнение, и чувствовал за них ответственность. А что буду делать я сам? У меня нет ни сбережений, ни предложений от других работодателей. Детей в нашей семье уже четверо, и откладывать деньги не удается — живем от зарплаты до зарплаты. Мне уже сорок лет, и я специализируюсь на низкооплачиваемых местных репортажах — жанре, переживающем тяжелые времена.

И все же в глубине души я чувствовал: все это неважно. Бог любит меня. На Его любви нет ни пятна, ни порока. Что бы ни случилось — Он позаботится обо мне и о моей семье. Должно быть, подсознательно готовя себя к потере работы, я написал несколько колонок о людях, которые потеряли все, но от этого стали только сильнее, ибо верили в Бога.

Звонок застал меня в отпуске на Кауаи. «Прости, Билл, — проговорил менеджер из «Таймс», — не хотелось тревожить тебя в отпуске, но, наверное, лучше, чтобы ты знал. Мы закрываем большую часть местных изданий.

Объявим об этом на следующей неделе. Тебе лично беспокоиться не о чем: ты — прекрасный работник, и место в основной «Таймс» для тебя уже приготовлено. Подробности обсудим позже».

А через неделю я стоял в большом зале для совещаний перед толпой встревоженных и озабоченных молодых журналистов. Кто-то из «Таймс» слил новости о расформировании и увольнениях другим СМИ — и о том, что им придется искать новую работу, многие услышали по радио по дороге в офис.

Я подтвердил эту дурную весть. Затем сказал: я горжусь тем, что мы делали вместе. В нелегких условиях мы выполнили огромную работу — и этого никто у нас не отнимет. Еще сказал: конечно, сегодня тяжелый день, но я уверен, что для всех присутствующих он станет началом большого пути, стартом к новым достижениям. Все это я говорил искренне, поскольку не сомневался, что Бог позаботится и о моих сотрудниках. Хотя они, кажется, не очень-то мне поверили.

Собственное будущее оставалось для меня загадкой. Менеджер сказал, что у меня будет работа в «Таймс» — но какая? Я всей душой мечтал писать о религии, — но это казалось невозможным. Штат религиозных журналистов в «Таймс» был укомплектован полностью; был свой религиозный репортер

и в округе Оранж. Однако я не тревожился — вместо этого я положился на Бога и рассматривал смену работы как приключение. Посмотрим, думал я, что Он приготовил для меня на этот раз?

Ответ пришел почти немедленно. Вскоре после разговора с коллегами мне позвонила редактор «Лос-Анджелес Таймс-Оранж» и попросила зайти к ней. У нее, сказала она, есть одна безумная идея — и она подумала, что это может быть мне интересно.

— Что скажете, если я предложу вам писать о религии на полную ставку?

Сердце мое гулко забилось. Она что, шутит? Никогда раньше мне не предлагали ничего подобного!

— Я бы с удовольствием, — ответил я. — Но как же ваш нынешний религиозный репортер?

— Переведем ее на другое направление, — ответила она.

Хоть и страшно не хотелось об этом говорить, я признался, что на зарплату репортера мне не прокормить семью.

— Не беспокойтесь, об этом я позабочусь, — ответила она. — Так что же, соглашаетесь или нет?

И широко улыбнулась. Ей очень хотелось заполучить меня на эту работу, но вряд ли она догадывалась, что еще больше этого хочу я сам!

— Почту за честь.

Так две недели спустя я стал сотрудником религиозного отдела «Таймс».

***

В колледже у меня было две страсти (не считая секса и пива) — спорт и новости. Сам я считал себя настоящим прессоманом — обожал читать газеты и журналы.

Интернета в то время не было, и я частенько отправлялся в библиотеку Калифорнийского Университета Ирвайн и сидел там часами, листая подшивки прессы со всей страны. Журналистика — будь то новости, репортажи, аналитические статьи — меня завораживала. Любимой моей книгой в те далекие времена был роман Хантера Томпсона «Страх и ненависть в Лас-Вегасе»: о журналисте, который, накачавшись наркотиками, едет на выходные освещать байк-шоу. Первую фразу этого романа — «Накрыло где-то около Барстоу, у края пустыни»[1] — я и сейчас помню наизусть.

К концу первого года в колледже я все еще не знал, чем собираюсь заниматься в жизни. Специализировался я на политологии, однако, в отличие от большинства однокурсников, не собирался становиться юристом. Мне казалось, адвокатам живется не слишком весело. Не зная, на чем остановиться, я спросил совета у друга своих родителей, мудрого человека. Он ответил: подумай, что тебе нравится, и сделай это своей профессией. Тогда сможешь всю жизнь заниматься тем, что доставляет удовольствие, да еще и получать за это деньги; а любовь к своему делу поможет тебе преуспеть. Я подумал: что, если стать журналистом, как Хантер Томпсон или его коллеги из мейнстрима, Вудворд и Бернстайн?

— Мне нравится журналистика, — ответил я другу родителей. — Может быть, мне стать репортером?

— Отлично. У вас в колледже газета есть? Дуй туда!

На лужайке перед входом в офис «Нью Юниверсити» (еженедельной газеты Университета Ирвайн) я просидел не меньше часа, собираясь с духом. Наконец, с сердцем, бьющимся где-то в горле, поднялся на второй этаж, где располагалась редакция, заглянул в приоткрытую дверь...

Это была любовь с первого взгляда. Трезвон телефонов, стук пишущих машинок, запах объедков пиццы из замасленных коробок на полу, повсюду — кипы старых газет и разных бумаг... Я понял: это мой дом! Вот где я хочу провести всю оставшуюся жизнь!

---

[1] Перевод Т. Копытова. — Прим. пер.

— Прошу прощения, — робко обратился я к человеку за ближайшим к двери столом. — Я... я хотел бы работать в газете. Если можно, писать о спорте.

— Я — редактор спортивного отдела, — ответил он. — Какие у тебя планы на сегодня?

Я пожал плечами. Порывшись в столе, он достал оттуда и протянул мне тощий репортерский блокнот.

— Через десять минут начинается мужской теннисный матч. Иди освещай. К вечеру жду репортажа.

Я вылетел за дверь, потрясенный тем, с какой легкостью получил свое первое задание. А несколько дней спустя, развернув «Нью-Ю», обнаружил там свою статью. Со своим заголовком! Со своей подписью! Я пишу!! Я журналист!!!

И теперь, восемнадцать лет спустя, я снова впервые входил в редакцию — на сей раз в редакцию «Лос-Анджелес таймс», где мне предстояло писать о религии на полную ставку.

Конечно, такой тесноты и беспорядка, как в прежних моих редакциях, здесь не было — все-таки «Лос-Анджелес таймс» входит в десятку ведущих американских изданий. Стильные указатели на стенах направляли посетителей в отделы «Город», «Календарь» и «Спорт». У дверей кабинета редактора стояла вертушка со свежими номерами «Нью-Йорк таймс», «Уоллстрит Джорнал», «Ю-Эс-Эй Тудэй» и «Оранж-Каунти Реджистер». В дальнем конце коридора располагалась библиотека: компьютеры, связанные с базами данных по самым разным вопросам, книжные полки, набитые справочными изданиями, кладбище газетных вырезок многолетней давности, шкаф, полный свежих журналов. И все же, по сути, моя новая редакция не слишком отличалась от редакций поменьше и попроще. Так же трезвонили телефоны, стучали клавиши, так же ломились столы от газет и бумаг. Важное отличие состояло лишь в том, что в редакции «Лос-Анджелес таймс» можно было встретить лучших журналистов мира.

Сбылась моя мечта! И за это я благодарил свою веру и многолетние молитвы. Бог услышал мои молитвы и ответил на них так, как я и вообразить не мог! Теперь я смогу узнавать о религии все, что хочу знать — в рабочее время и за деньги! И это не все: я смогу влиять на то, как освещается религия в одном из крупнейших и влиятельных СМИ нашей страны!

Трудно было поверить такому счастью.

5 Летящая стрела
Святость рядом Такие разные верующие Христианство - лайт

Утешайся Господом, и Он исполнит желания сердца твоего.
(Пс 3 7:4)

Вскоре после того, как я приступил к новой работе, в ноябре 2000 года, ко мне в кабинет заглянула коллега с интересной историей.

— Привет, Билл! — поздоровалась со мной Джин Паско, личность в редакции известная и весьма уважаемая. Мощный голос ее без труда перекрыл редакционный шум. — Слышал когда-нибудь об отце Майкле Харрисе?

Я помотал головой.

Джин, лет сорока с лишним, любительница бега на длинные дистанции, писала о политике и считалась одним из лучших репортеров в «Таймс». Список ее информаторов толщиной не уступал телефонной книге какого-нибудь небольшого городка.

— Был директором католических школ «Матер Деи» и «Санта-Маргарита», — громогласно пояснила Джин. — «Санта-Маргариту» построил сам на пожертвования, собрал около двадцати шести миллионов.

А теперь его обвиняют в сексуальных домогательствах к учащимся. Мне тут кое-кто слил документы. — И она шмякнула мне на стол кипу каких-то юридических бумаг. — Посмотри, интересно. Может, напишем об этом вместе, когда дело дойдет до суда?

Я бегло перелистал пачку. Какие-то заявления, отношения, ходатайства... И конца им нет. Обязательно посмотрю на этой неделе! — сказал я себе. И, конечно, так и не посмотрел. Эта грязная, но, по всей видимости, единичная история не вызвала у меня никакого журналистского интереса. Я и не подозревал, что прямо у меня под носом разворачивается сюжет, который приведет к потрясениям и историческим реформам в католических диоцезах Лос-Анджелеса и округа Оранж; что иск против отца Майкла Харриса — первый из сотни подобных исков к католическим священникам; что по этим искам будет выплачено в общей сложности более миллиарда долларов; что «католический секс-скандал» серьезно подорвет репутацию Католической церкви в США. Четырнадцать месяцев спустя, когда «католический секс-скандал» прогремел от Бостона до Гавайев, стало ослепительно ясно, что

история отца Харриса была его первым звоночком.

Но меня в то время занимали истории куда более увлекательные. В первый год своей новой работы я летел вперед, словно выпущенная из лука стрела. За год я опубликовал 145 материалов. Каждая статья открывала перед мной новые темы — еще более увлекательные, вдохновляющие, возвышающие дух. «Это Бог!» — думал я. Во реем, что со мной происходит, я видел руку Господа. [

Больше всего завораживали меня святые, например, такие, как Мэдж Родда — люди, внезапно прощающие своих насильников или несостоявшихся убийц. Оказалось, что таких много: они встречаются в каждой мало-мальски крупной конфессии и везде вызывают удивление и непонимание. В этом нет ничего нового. Святцы Католической церкви полны людьми, которых их современники считали безумцами, а последующие поколения прославили как святых.

Один из самых известных и почитаемых католических святых — Франциск Ассизский — был сыном богатого купца и поначалу отличался от своих ровесников разве что разгульным образом жизни и безудержным пьянством. Но однажды он услышал проповедь, основывавшуюся на этом отрывке из Евангелия от Матфея:

> Ходя же, проповедуйте, что приблизилось Царство Небесное; больных исцеляйте, прокаженных очищайте, мертвых воскрешайте, бесов изгоняйте; даром получили, даром давайте. Не берите с собою ни золота, ни серебра, ни меди в поясы свои, ни сумы на дорогу, ни двух одежд, ни обуви, ни посоха, ибо трудящийся достоин пропитания (Мф 10:7-10).

Эта проповедь поразила его в самое сердце. Франциск отказался от всего, что имел. Друзья и знакомые насмехались над ним, родные умоляли его опомниться, но он снял с себя даже башмаки, надел грубую рясу, подпоясался веревкой и в таком виде, босиком, отправился ухаживать за прокаженными. Впоследствии его наряд — ряса, подпоясанная веревкой, — стал формой одежды францисканцев, монашеского ордена, основанного на принципах Франциска.

Христиане, излучающие святость, с которыми я знакомился в ходе журналистских расследований, и интриговали меня, и пугали. Я видел, что эти люди просто не могут веровать «постольку-поскольку», как большинство из

нас. Они чувствуют, что Бог требует от них большего. Писание призывает их следовать словам Иисуса — и они принимают Его слова буквально и следуют им всерьез. Часто они отправляются к беднякам, живут среди них, снабжают их едой и всем необходимым. Порой вера приводит их к политической активности: они начинают бороться за запрет абортов, за возвращение христианства в публичное поле или пламенно защищают окружающую среду творение Божье.

После первого года работы, когда необузданный оптимизм мой немного улегся, я начал замечать, какая огромная пропасть зияет между жизнью обычных верующих (к их числу относился я сам, а также большинство известных мне пасторов) и тех, кто живет так, как будто принимает Писание всерьез.

Впервые я заметил эту пропасть и поразился ей, когда брал интервью у одной из богатейших семей мира, Сьюзан и Генри Самуэли. Генри Саму-эли, бывший инженер, в 1980-е годы преподававший в Лос-Анджелесском университете, в 1991 году основал компанию Broadcom Corporation, а семь лет спустя превратил ее в акционерное общество. В июле 2000 года, когда я разговаривал с четой Самуэли, их состояние оценивалось в 5,1 миллиарда долларов; только за последний год они пожертвовали 27 миллионов долларов Калифорнийскому университету в Ирвайне, 25 миллионов — Лос-Анджелесскому университету, 5 миллионов — театру «Опера Пасифик» и много более мелких сумм различным некоммерческим организациям. Я хотел поговорить с ними об их последнем пожертвовании — трех миллионах долларов на строительство постоянного помещения для реформистской синагоги южной части округа Оранж: у этой синагоги не было своего дома, и много лет собрания и чтения Торы проходили в трейлерах.

В особняк Самуэли, высящийся на утесе на берегу океана в Корона-дель-Мар, я прибыл вместе с Марком Болстером, фотографом из «Таймс». Охранники выяснили, кто мы и откуда, и провели нас внутрь. Я немного нервничал — не каждый день приходится разговаривать с миллиардерами! — однако оба Самуэли, особенно Сьюзан, держались так непринужденно и гостеприимно, что в этом дворце с потрясающими видами на океан и на скалистый калифорнийский берег мы скоро почувствовали себя как дома. Генри, стройный подтянутый человек с густыми, коротко стриженными каштановыми волосами и темными усами, выглядел и разговаривал как типичный инженер: спокойный, точный, немногословный. Говорил он скупо и по существу.

Экстравертом в семье явно была Сьюзан — элегантная женщина с лучистой улыбкой и звонким смехом, заражающая своим энтузиазмом. Она выросла в еврейском квартале Лос-Анджелеса; по ее словам, крепкая вера, сохраненная с детства, помогла ей спокойно принять внезапно свалившееся на нее богатство.

Самуэли рассказали, что оба они воспитывались в иудейской традиции, высоко ставящей цедака — еврейское слово, означающее «справедливость», но которое можно перевести и как «благотворительность». Родители Генри чудом выжили во время Холокоста, и, по его словам, ему неприятно было видеть, что его синагога — «Храм Вефильский» в Ализо-Вьехо — ютится в трейлерах: «Как будто для евреев здесь места нет».

В нашем интервью Самуэли впервые сообщили о том, что поддерживают либерально-реформистское движение в Израиле, где доминирует ортодоксальный иудаизм. В то время в Израиле было около 20 реформистских синагог, и лишь четыре из них имели собственные помещения. Самуэли уже пожертвовали два с половиной миллиона долларов реформистской синагоге неподалеку от Тель-Авива.

Генри Самуэли (в то время ему было сорок пять лет) назвал себя «приверженцем умеренности во всех жизненных сферах». О своей вере он говорил спокойно; настоящая страсть зазвучала в его голосе лишь тогда, когда зашла речь о фундаментализме.

— Broadcom, — говорил он, — это, возможно, самая мультикультурная компания на планете Земля! У нас работают люди всех рас, всех вер, всех цветов и религий. И прекрасно! Это-то мне и нравится! В реформистском иудаизме, пожалуй, больше всего привлекает меня проповедь толерантности к другим религиям и культурам. Терпеть не могу ортодоксов всех религий, в том числе и ортодоксальных иудеев. По-моему, у них что-то не в порядке с головой!

Эти слова — единственные резкие слова, произнесенные Генри Самуэли за это утро, — засели у меня в памяти. Он заставил меня задуматься об этом религиозном парадоксе. Кто такие истинно верующие? Заблуждающиеся люди, у которых «не псе в порядке с головой»? Или они просто относятся к религии серьезнее остальных? Евангелисты любят задавать друг другу неожиданный вопрос: допустим, вас арестовали за то, что вы христианин. Найдет ли следствие достаточно улик, чтобы вас осудить? Для многих и многих ответ — «нет». Я любил писать о людях, ставящих свою веру превыше всего — не на словах, а на деле. Они были другими. Когда моя собственная вера колебалась, я припадал к их историям, словно к источнику живой воды. Они напоминали

мне, что святость — не выдумка.

Вот, например, пастор Эд Сейлас. Хотите узнать, действительно ли ваш пастор верит в Бога? Посмотрите, что он скажет и сделает, когда в мозгу его десятилетнего сына обнаружат опухоль. Взгляните, не поколебалась ли его вера после того, как из его ребенка извлекли огромный сгусток окровавленного мяса, после того, как биопсия обнаружила агрессивный рак, после того, как из-за тошноты и неукротимой рвоты его сын похудел больше чем на двадцать фунтов?

На воскресной службе, где предполагалось праздновать вступление его церкви в более крупное религиозное сообщество, Сейлас рассказал собравшимся о страшной болезни своего десятилетнего Тимоти. А затем произнес проповедь о том, как оставаться твердыми в вере. Для проповеди он выбрал текст из Книги пророка Даниила, 3:17—18:

> Бог наш, Которому мы служим, силен спасти нас от печи, раскаленной огнем... Если же и не будет того, то да будет известно тебе, царь, что мы богам , твоим служить не будем...

— Вера, — сказал он своим прихожанам, — не зависит от обстоятельств. Она зависит только от того, кто для нас Бог.

Или Лея и Дуайт Смит. Эта супружеская пара трудилась в сфере продаж: она торговала учебниками, он работал на компанию «3М» — и оба делали прекрасную карьеру. Однако, пройдя свой жизненный путь до половины, они поняли, что не исполняют призыв Христа жить бескорыстно и помогать бедным.

— Мало просто говорить, что Иисус мой Спаситель, — говорит Дуайт. — Надо и вести себя соответственно.

Они ушли с работы и вступили в общество «Католическое рабочее движение» — независимую группу помощи беднякам, имеющую свое отделение в Санта-Ана, Калифорния. Супруги поселились в двухэтажном доме в беднейшей части города (дом этот был пожертвован обществу каким-то благодетелем) и открыли в нем приют для бездомных, в первую очередь для женщин и детей. Вскоре и дом, и даже задний дворик каждый вечер начали заполняться телами всех возможных форм и размеров. В конце каждого месяца — когда иссякают государственные пособия — толпа ищущих приюта достигает 200 человек. В доме три ванные, и в каждую — нескончаемые

очереди. Кухня только одна, и кормление гостей каждый вечер превращается в геркулесов труд. Но Смиты никому не отказывают в прибежище.

— Не могу же я выбирать, которую из немолодых и нездоровых женщин вышвырнуть на улицу, чтобы ее там изнасиловали или ограбили! — говорит Дуайт. — Эти люди никому не нужны, у них один защитник — Иисус Христос.

Дуайт — крупный лысеющий мужчина с громовым голосом, острым умом и грубоватыми манерами, благодаря которым бездомные считают его почти своим. Лея — тихая, но, быть может, посильнее своего шумного мужа: доброта святой сочетается в ней с упорством питбуля — и только благодаря этому ей удается поддерживать в этом хаосе порядок. Сами Смиты вместе с еще несколькими «католическими тружениками» живут на втором этаже. Зарплаты они не получают — только кров, стол и несколько долларов в неделю на карманные расходы.

«Католическое рабочее движение» было создано в 1933 году, во время Великой депрессии, стараниями общественной активистки Дороти Дэй. Один из основных его принципов — предлагать беднякам еду и приют, не унижая их достоинства. В «Католическом рабочем движении» Санта-Аны я провел много часов — среди больных физически и умственно, алкоголиков и наркоманов, безнадежно опустившихся и просто бедолаг, которым не повезло в жизни. Все они живут здесь в тесноте, личного пространства практически нет. Часто возникают проблемы, претензии, конфликты. Дуайт и Лея действуют примерно как врачи «Скорой помощи» — в первую очередь вмешиваются в кризисные ситуации, но в конечном счете служат всем.

Обстановка тяжелая, душераздирающая; но случаются и светлые моменты. Например, некоторые бездомные дети занимаются здесь музыкой — играют в основном на скрипках, прямо посреди всего этого бедлама. Говорят, кто-то из здешних учеников попал в школьный оркестр и выступал вместе с ним в Карнеги-Холле в Нью-Йорке. Другие чудеса в «Католическом рабочем движении» более скромны: отец перестал накачиваться наркотиками на ночь, бездомная мать сумела записать детей в школу, у семьи появилась крыша над головой.

Во время осенних и рождественских каникул единственный телефон в «Католическом рабочем движении» разрывается от звонков людей, желающих поработать в приюте. Такое количество помощников Смитам не требуется, однако каждого волонтера они принимают с распростертыми объятиями. Они понимают: главное — дать человеку почувствовать, что его помощь нужна, ощутить, что значит помогать другим. Если повезет, волонтеры станут

приходить и в другие дни года, когда каждая пара рук на счету.

Порой мне казалось, что Дуайт и Лея — безнадежные идеалисты, мазохисты или просто чокнутые. Но постепенно я понял: они просто христиане — и принимают христианство всерьез. Отдавать себя ближним для них так же естественно, как дышать. Они не могут иначе.

К христианству Рика Уоррена, пастора мегацеркви и автора бестселлеров, я поначалу отнесся скептически. В Лейк-Форест, Калифорния, Уоррен построил церковь Сэдлбэк, постепенно собравшую вокруг себя один из крупнейших приходов в мире. На воскресные службы сюда приходит около 20 ООО прихожан. Десятиакровый церковный парк чем-то напоминает Диснейленд (и это не случайное сходство — в его проектировании участвовали инженеры компании «Дисней»): веселые современные здания и роскошные ландшафты, в том числе ручей, разделяющийся надвое, как Красное море, и огромный камень, который откатывается и открывает зрителям пустую «гробницу».

Пока я не встретился с Уорреном лицом к лицу, мне казалось, что его служение направляется скорее расчетливым маркетингом, чем словом Божьим.

Но вскоре после публикации его книги «Целенаправленная жизнь», вышедшей на первые места в списках продаж, я познакомился с самим Уорреном, с его командой, с другими пасторами, которых он наставлял, и понял, что ошибался. Во-первых, ничего «расчетливого» в нем и в помине нет. Говорит он всегда просто, прямо и по существу. Ходит в гавайских рубашках и штанах цвета хаки, в таком же костюме и служит. Рукопожатиям предпочитает медвежьи объятия. В его манерах и повадках чувствуется деревенский парень с севера Калифорнии, всегда готовый поболтать с любым, кто ему встретится. Он куда больше похож на «классного мужика», с которым вы вместе играете в боулинг, чем на пастора-суперзвезду!

«Рик — самый обычный парень, — сказал мне пастор из одной маленькой церквушки. — Смотришь на него и думаешь: да ведь и я так могу!»

Тысячи пасторов по всему миру, используя уорреновскую идею «целенаправленности», создали процветающие церкви. Главная задача — привлекать ищущих в церковь и затем постепенно, шаг за шагом, вовлекать их в служение. Многие «целенаправленные» пасторы говорили мне, что Уоррен совершает в христианстве вторую Реформацию. И сам Уоррен, хоть он и не склонен к самовосхвалению, описывает свою деятельность теми же словами: «Первая Реформация прояснила, во что верит Церковь -- нашу доктрину, наше учение. Нынешняя Реформация поможет понять, что Церковь делает — каковы

наши задачи и наша деятельность на земле».

В то же время Уоррен, по-видимому, искренне изумлен своим успехом. Он часто упоминает о том, сколько миллионов его книг распродано, с таким видом, словно сам не может в это поверить. Одним и тем же тоном он рассказывает о восторженном письме президента Джорджа У. Буша и о том, что шоферы из Национальной ассоциации гонок серийных автомобилей NASCAR при изучении Библии используют его книгу.

Широкая известность и взятая на себя грандиозная задача заставляют Уоррена тщательно следить за своей репутацией. Он отклонил многочисленные предложения вести регулярные телепрограммы — не хочет, чтобы его ассоциировали с телепроповедниками, и вообще сторонится прессы, предпочитая вести свою работу через пасторов и церкви. Ездит он на трехлетнем «форде», а из доходов от продаж своей книги вернул церкви свою зарплату за все 23 года служения в Сэдлбэк. Теперь он платит «обратную десятину» — 90% доходов от его книг идет на служение.

Чтобы избежать искушений и не давать повода для сплетен, Уоррен дал обет никогда не оставаться наедине ни с одной женщиной, кроме своей жены Кей. Даже если перед ним открываются двери лифта и он видит там женщину, Уоррен ждет следующего лифта или идет пешком.

Находиться рядом с Уорреном в течение нескольких дней крайне утомительно. Он страдает синдромом дефицита внимания, но эту слабость превратил в свою сильную сторону: он ни минуты не сидит на месте и буквально фонтанирует идеями (а вот собраний терпеть не может, что и неудивительно). Глядя на него, нетрудно представить его в школе, где Уоррен — в то время тощий длинноволосый подросток с гитарой и в круглых ленноновских очках — создал в кампусе христианский клуб, после школы организовывал рок-концерты, раздавал Библии, ставил христианские мюзиклы и выпускал самодельную христианскую газету. И сегодня Уоррен спешит завоевывать души новообращенных.

— Бог хочет, чтобы его потерянные дети нашлись, — говорил мне Уоррен. — Много лет назад я решил, что не стану тратить жизнь попусту. Жизнь коротка, а вечность — слишком долгий срок.

После того как вышла моя заметка о нем, Уоррен прислал мне свой личный мейл и мобильный номер, сказав, чтобы я писал или звонил, если вдруг захочу поговорить. Подозреваю, такое предложение он делает всем, с кем общается дольше пяти минут.

Приятно было смотреть на то, как человек Божий, прославленный и

обладающий огромными возможностями, остается доступным и смотрит на других, как на равных себе. Позже, когда я делал другой репортаж, мне пришлось увидеть, как выходил из лимузина католический кардинал: прихожанка спросила, можно ли ей поцеловать епископский перстень «его преосвященства» — и кардинал царственно протянул ей руку. Собирая материалы об известных пасторах, я не раз обнаруживал, что у них по несколько особняков, роскошные дорогие машины, сшитые на заказ костюмы, яхты и самолеты. Случалось мне видеть и христианских лидеров как из больших, так и из маленьких приходов, которые, спокойно оставаясь наедине с женщинами, в результате влипали в сексуальные скандалы. Рик Уоррен сильно отличался от большинства.

Чтобы стать святым, необязательно занимать важное положение. Джен Хаббард ради веры рискнула своей работой и отважилась бросить вызов одному из известнейших людей в евангелическом сообществе. В 27 лет, окончив колледж, молодая евангелическая христианка получила работу, о которой могла только мечтать, — ее взял к себе Хэнк Ханеграаф, известный христианский писатель и богослов, автор нескольких бестселлеров, ведущий радиошоу «Вопросы о Библии? Спросите Хэнка!» Джен устроилась на работу в его некоммерческую организацию, Институт Христианских Исследований, располагавшийся в то время в округе Оранж, Калифорния.

Джен обеспечивала связь с потенциальными жертвователями: призывала людей жертвовать средства на служение Ханеграафа и помогала им почувствовать, что их пожертвования идут на благое дело. В одном кабинете с ней сидели сотрудницы, которые следили за дальнейшей судьбой этих пожертвований и оплачивали чеки Института. Очень скоро Джен стала с тревогой замечать, что деньги благотворителей идут на личные расходы Ханеграафа и его семьи. Институт оплачивал, в числе прочего, его роскошную спортивную машину, членство в загородном клубе, а также платил высокую зарплату его жене, которая в офисе почти не появлялась. Джен и другие служащие поделились своими наблюдениями с непосредственным начальством: то посоветовало им молчать, поскольку «эта проблема — не в нашей сфере влияния».

Вечерами, когда ее коллеги расходились по домам, Джен начала снимать копии со всех «подозрительных» счетов, больших и малых: начиная со спортивного «лексуса» 2003 года и заканчивая ремонтом компьютера детей Ханеграафа, обедами в загородном клубе и цветами на день рождения его матери.

— Нельзя было тратить пожертвования таким образом! — говорила мне Джен. — Я работала с жертвователями: они всегда ждут, что их деньги будут тратиться разумно и осмотрительно, а не швыряться на ветер.

Когда начальство узнало, что Джен снимает копии со счетов, ее уволили. Однако ее действия заставили Евангелический Финансово-Бухгалтерский Совет провести аудит Института, и после проверки Хэнку Ханеграафу и его организации пришлось возместить средства, истраченные нецелевым образом.

— А «братья-христиане» передо мной даже не извинились! — рассказывала Джен. — Я поступила так, как подсказывала мне вера, а «сильные мира сего» в нашей общине просто вышвырнули меня за дверь!

Джен защищала деньги жертвователей, потому что видела в этом свою ответственность перед Богом. В результате она осталась без работы, а ее босс продолжает свое служение. Как такое может быть? Я часто вспоминал Джен, видя христиан, не решавшихся принести жертву ради веры (среди таких христиан, разумеется, часто оказывался и я сам). Если эта молодая девушка решилась бросить вызов одному из известнейших в стране евангелических лидеров — что же останавливает всех нас?

Разумеется, истинно верующие есть не только в христианстве. Занимаясь своим делом, я свел знакомство с раввином Давидом Элиэзри, основателем шабад-любавичской синагоги в Йорба-Линда, Калифорния. Шабад-любавичское движение широкая публика знает по бородатым раввинам в черных костюмах и котелках. Любавичеры — немногочисленное, но быстро растущее направление иудаизма — заинтересовали меня своим резким отличием от остальных иудеев. Страстная убежденность в своей правоте и постоянный поиск новых путей дают им возможность порвать со многими культурными традициями, окружающими их веру, и достучаться до нерелигиозных евреев. Любавичеры не отгораживаются от мира, как ортодоксальные иудеи, а приемлют мир. Например, они — одна из первых религиозных групп, освоивших Интернет: благодаря Интернету они поддерживают связь между общинами по всему миру, привлекают новых сторонников, а также создают справочные сайты и электронные библиотеки, полезные для любого еврея.

Среди стремительно стареющих посетителей синагог и общего застоя в американском иудаизме любавичеры стали островком роста, новизны и успеха. Верования лю-бавичеров казались мне суеверными: я не понимал, например, почему Бог хочет, чтобы мужчины и женщины собирались в синагоге раздельно или почему женщина не может спать с мужем во время

менструации и должна принять очистительное омовение, прежде чем снова лечь с ним в постель. Но меня заинтриговала энергия, с которой они несут свою веру в мир — особенно нерелигиозным евреям, которых стремятся вернуть к вере отцов.

«Когда еврей отрывается от своего народа (Господь сохрани!), — говорил покойный лидер движения, раввин Менахем М. Шнеерсон, — это случается лишь потому, что он алчет и жаждет. Душа его жаждет смысла жизни, но воды Торы ускользают от него. И вот он отправляется в чуждые страны, надеясь там утолить свою жажду.

Только добрый пастырь, который не станет поспешно осуждать блудного сына, который приглядится к причинам его бегства, сможет пойти за ним, милосердно взять его на руки и отнести домой».

О любавичерах я написал две большие статьи. Я рассказывал, как последователи Шнеерсона — он умер в 1994 году, и место его остается вакантным, — вдохновленные его учением, произвели в мире иудаизма немало шума и смятения (а также споров и разноречивых толков, которые не утихают до сих пор). В соответствии с учением Шнеерсона иудеи, принадлежащие к шабад-центрам, соблюдают далеко не все (а порой — не соблюдают никакие) практики ортодоксальных иудейских групп. Они не образуют синагоги и не платят синагогальные взносы — в этом нет нужды. Идея шабад-центров состоит в том, чтобы возвращать евреев к отеческой вере терпеливо, шаг за шагом: приучая участвовать в субботних службах, зажигать свечи вечером в пятницу, слушать лекции иудейских ученых.

Успех любавичеров измеряется двумя параметрами. Первый — сухие цифры. Число шабадских раввинов и их семей (все они посвящают служению всю свою жизнь) за последнее десятилетие удвоилось и теперь, согласно шабадской статистике, составляет более 4 тысяч человек в 61 стране. В век, когда у некоторых деноминаций (в том числе у католичества) кафедры порой пустуют из-за недостатка священников, потомство шабадских раввинов идет по стопам отцов в таких количествах, что «лишние» — около 200 новых раввинов и их жен — живут сейчас в Бруклине, ожидая назначений в разные части света. Шнеерсон говорил, что нет призвания выше, чем призвание учителя и проповедника.

— Еврей может спросить тебя: «Почему ты просто не оставишь меня в покое?» — учил Шнеерсон своих последователей. — «Иди занимайся своими делами, а мне дай спокойно заниматься моими. Допустим, я сверлю дырочку в дне своей маленькой лодки — тебе-то что за дело?» А ты ему ответь: «Лодка у

нас — одна на всех, и в ней мы все вместе»».

Любавичские источники утверждают, что каждые десять минут где-то в мире открывается новый шабад-центр. Сборы пожертвований приносят шабаду более 800 миллионов долларов ежегодно. Движение так хорошо поставлено, что привлекает пожертвования даже от иудеев других направлений — они жертвуют, считая, что эти деньги пойдут на пользу иудаизму в целом. Один специалист по инвестициям из Нью-Йорка пожертвовал несколько миллионов на ежегодную поддержку новопоставленных шабадских раввинов и их жен. Среди прочего, он помог тридцати пяти парам открыть Дома Шабада при колледжах по всей стране, а еще тридцати

трем парам — организовать в США обучение иудаизму для взрослых. Этот банкир, сам посещающий модернистскую ортодоксальную синагогу, считает, что проповедь Шабада — наилучший по соотношению цены и эффективности способ укрепления иудейских общин, будь то в американских колледжах или в Африке.

Второй параметр, позволяющий судить об успехе любавичеров, — не смолкающие вокруг них споры. Чаще всего возражения исходят от других иудеев, обеспокоенных бурным успехом движения и опасающихся, что любавичский «бренд» иудаизма станет слишком влиятелен.

Обаяние Шнеерсона было таково, что в последние годы его сорокалетнего лидерства все больше любавичеров верило, что их ребе — мошиах, то есть Мессия. Сейчас, через двенадцать лет после его смерти, вера в Шнеерсона как Мессию — по крайней мере, публичная — угасла.

— Еврейское общество оказывается во все большей зависимости от них, — говорит Давид Бергер, ортодоксальный раввин и профессор-историк из Бруклина, написавший о Шабаде книгу. — Без них мы уже не можем ни совершать религиозные обряды, ни учить, ни заниматься социальным служением. Это явная опасность для иудаизма.

Опасность? Опасности я не видел — видел лишь группу людей, исповедующих свою веру серьезнее, ярче, притягательнее, чем большинство остальных иудеев. Их лидеры — команда проповедников, состоящая обычно из раввина и его жены, так называемые шлухим — не чураются тяжелой работы: селятся на всю жизнь в самых отдаленных уголках мира, живут на очень скромное жалованье, служат неверующим евреям. И по собственным впечатлениям, и по разговорам с другими, изучавшими это движение, у меня сложилось мнение, что большинство любавичеров счастливы и довольны жизнью. Лучшее тому доказательство — их дети: большинство из них — в

Калифорнии, где статистика поставлена лучше всего, около 70% — также становятся шлухим. Только представьте себе религиозную группу, в которой 70% детей пасторов сами становятся пасторами! Парадоксально, но образец подлинного евангелизма я встретил в иудаизме, у любавичеров. Они стали для меня привлекательным примером веры, воплощенной в действиях.

***

Искать и находить радикальных верующих оказалось несложно — слишком уж они выделялись на сереньком фоне «стада духовного». Я даже не знал, хочу ли сам стать святым. Я боялся того, куда может привести меня Бог. Мне нравилась моя нынешняя жизнь, спокойная и удобная: деньги, семья, уютный дом. Время от времени посещать бедных и больных — прекрасно; но жить с ними?.. Когда такие мысли прокрадывались мне в голову, меня начинали преследовать слова из «Бремени славы» К. С. Льюиса:

> Более того: Христос обещает нам так много, что скорее желания наши кажутся Ему не слишком дерзкими, а слишком робкими. Мы - недоумки, забавляющиеся выпивкой, распутством и успехом, когда нам уготована великая радость; так возится в луже ребенок, не представляя себе, что мать или отец хотят повезти его к морю. Нам не трудно, нам слишком легко угодить.

Быть может, думал я, Льюис прав: но мне недоставало духу проверить это предположение. Я предпочитал возиться в луже. Льюис писал о неверующих, но эти слова

относятся и к христианам. Достаточно ли я делал? Истинно ли посвятил себя Богу? Или, достигнув удобного компромисса, на нем и остановился? Мне казалось, еще один вызов Льюиса из статьи «Бог под судом»: «Если христианство ложно, оно не имеет никакого значения; если истинно — его значение бесконечно. Но «некоторого значения» оно иметь не может» — обращен ко всем христианам.

Умеренных верующих (в том числе и себя самого) я начал воспринимать как людей, не вполне верящих радикальному, бескомпромиссному евангельскому слову. Мы вовсе не посвятили свою жизнь Христу. Мы собираем сокровища на земле, а не на Небесах. Мы не сходим с привычного пути, чтобы помочь бедным или принести реальные жертвы во имя Христово. Наше христианство — какое-то «христианство-лайт», удобная и приятная вера, для

которой в нашей жизни отведено немногим больше одного утра в неделю.

6 Мои десять заповедей
Правила для пишущих о вере Лазейка для совести Хорошие люди церкви

> Старайся представить себя Богу достойным, делателем неукоризненным, верно преподающим слово истины.
> (2 Тим 2:15)

Не так-то легко писать о вере истинно верующего. Журналисты привыкли опираться на факты. Легче всего писать о судах и спортивных матчах: там события разворачиваются в реальном времени, прямо у тебя перед глазами. Ясно, кто выиграл, а кто проиграл, понятны подробности происшедшего. Если во время матча ты что-то пропустил — можешь посмотреть повтор по телевизору. Если чего-то не уловил в суде — можешь свериться с протоколами или другими юридическими документами. Но на религиозном поле мы имеем дело с фактами, неразрывно сплетенными с субъективными вопросами веры. Журналистов учат: «Даже если твоя мать говорит, что любит тебя — лучше проверь!» Но к историям о вере такие стандарты по большей части неприменимы. Невозможно проверить, есть ли Бог, истинно ли чье-либо обращение. Очень и очень многое в религиозных сюжетах непроверяе мо по определению.

Я не ставил себе задачу доказать существование Господа или ценность чьей-либо веры (если она не подтверждалась объективно). Я исходил из предпосылки, что Бог и вера реальны для людей, с которыми я разговариваю. Это позволяло мне встать на их место и ощутить то, что ощущают они. Дэвид Уотерс, редактор «Вашингтон пост» и один из лучших в стране религиозных журналистов, сформулировал «Десять Заповедей» для репортеров, пишущих о вере; этим правилам я следовал, пожалуй, лучше, чем библейским Десяти Заповедям.

Заповедь первая. «Бог реален. Для миллиардов людей на нашей планете Бог — не просто факт. Это центральный фактор их жизни, их ценностей, решений, действий и реакций». Эта заповедь мне очень близка: ведь именно поэтому я начал писать о религии!

Заповедь вторая. «Бог повсюду. Не думай, что «пишешь о религии» — ты пишешь обо всем. От 24 до 40% [населения США] регулярно посещают

церковные службы — но в Бога верят больше 90%». Я старался искать сюжеты не только в церкви и вне церковных стен зачастую натыкался на более интересные истории. Например: борьба отца-иудея за то, чтобы студенческий футбольный матч, в котором участвует его сын, перенесли на другой день с вечера пятницы, приходящейся на канун Йом-Кипура. Скандал вокруг мусульманской футбольной лиги, команды в которой носят названия «Интифада», «Моджахеды» и «Воины Аллаха». Ученые Лос-Анджелесского университета создали трехмерный кинотеатр, действующий как машина времени: посетители могут перенестись на пыльные улицы Северной Испании 1211 года и увидеть, как строится знаменитый собор Сантьяго де Компостела...

Заповедь третья. «Бог, как и дьявол, — в деталях. Отец Джона Эшкрофта, проповедник-пятидесятник, умер за день до того, как его сын принес присягу в Сенате США. Перед смертью он сказал сыну: «Джон, хочу, чтобы ты знал: даже Вашингтон может стать святой землей». Здесь Дэвид говорит о том, что истории о Боге можно найти везде, даже в выброшенных из интервью строчках. Кроме того, он советует нам копать глубже. Настоящие бриллианты я почти всегда находил в конце своих интервью, когда собеседники расслаблялись и начинали чувствовать себя свободнее.

Заповедь четвертая. «Бог — не объект, а субъект. Не нужно писать о Боге (или о религии) — пиши о том, как Бог изменяет нашу жизнь». Отличный совет для автора, пишущего о религии: он означает, что религиозный сюжет можно найти почти в любой новости. В июле 2001 года я опубликовал на первой полосе статью о том, как выиграли лидеры церквей от возврата налогов, предпринятого федеральным правительством: они просто предложили верующим переписать эти 600-долларовые чеки на свои церкви.

Заповедь пятая. «Бог милосерден. За многими, если не за большинством историй о надежде, борьбе, жертвах, выживании, прощении, искуплении и победе, стоит чья-то вера». Я и сам обнаружил: стоит копнуть глубже какую-нибудь драматическую историю — и у ее корней обнаруживается религия. Однажды я написал заметку о человеке, который пробежал через всю Америку, каждый день покрывая марафонскую дистанцию (26,2 мили). Зачем? Оказывается, он молился о том, чтобы Бог указал ему способ собрать деньги для нуждающихся детей, и услышал глас Божий, который посоветовал ему бежать.

Заповедь шестая. «Пиши не только для церковной страницы. Бог создал мир за семь дней, а не за один. Так зачем же втискивать все, что связано с Богом, в один еженедельный раздел или на одну страничку под названием

«Вера и ценности»? Пиши для всех разделов. Пиши каждый день». У меня шло постоянное соревнование с коллегой, чья область освещения включала в себя Диснейленд: кто застолбит своими материалами больше разделов? Однажды я опубликовался за год на первой странице, в разделе «Город», в воскресном выпуске, в разделе «Календарь» и в деловом разделе. (Впрочем, она все равно выиграла.)

Заповедь седьмая. «Не пропускай выходные. Именно выходные у большинства верующих отведены под религиозную жизнь. Ты не сможешь понять чью-то веру, если не увидишь, как она выражается на публике». Этот совет оказался неоценим для изучения разных религий — хотя самые интересные сюжеты я находил не на церковных службах.

Заповедь восьмая. «Не трать слишком много времени на размышления о вере. Вера не только выражается — она переживается. Вера — это взгляды и поведение. Вера захватывает интеллект, эмоции и прежде всего дух». О мистическом опыте я старался рассказывать так же объективно, как о склоках между деноминациями. Когда бегун-марафонец сообщил, что пробежать всю Америку посоветовал ему глас Божий, я написал об этом прямо и просто, без ужимок. Чтобы дать контекст, пообщался с его знакомыми и постарался узнать, изменилось ли его поведение после обращения, а также поднял архивы уголовного и гражданского судов, на случай, если там найдется что-то интересное. Однако, когда люди рассказывают о своих взаимоотношениях с Богом, я просто переношу их слова на бумагу как есть. Стараюсь следовать примеру Верховного судьи Уильяма О. Дугласа, в 1944 году выразившего мнение большинства в деле «США против Балларда». Гай Баллард в массовой почтовой рассылке объявлял себя целителем и пророком Божьим (а также Иисусом, Сен-Жерменом и Джорджем Вашингтоном). Правительство обвинило его в мошенничестве — и в этом он, без сомнения, был виновен. Однако Верховный суд снял с него обвинение. Вот как обосновал это Дуглас:

> Суды над еретиками чужды нашей Конституции. Люди могут верить в то, что невозможно доказать. Они не обязаны доказывать истинность своих религиозных учений или верований. Религиозные переживания, для одних реальные, как сама жизнь, другим могут быть совершенно непонятны. ...Новозаветные чудеса, Божественность Христа, жизнь после смерти, сила молитвы для многих являются предметами глубокой религиозной убежденности. Если можно отправить

человека в тюрьму за то, что суд присяжных во враждебной обстановке признает эти учения ложными - что же останется от нашей религиозной свободы?

Заповедь девятая. «Не страшись. Редакторы были даже у Господа Бога. Не всегда редакторы будут принимать то, что ты хочешь сказать или сделать, — однако стой на своем». Религия часто пугает редакторов: многие из них не привыкли к этой теме и чувствуют неловкость, сталкиваясь с откровенно религиозной терминологией. В одной из первых своих статей я рассказывал об Осеннем Крестовом Походе в Анахайме, Калифорния. Это трехдневное мероприятие посвящено обращению неверующих в христианство. В статье была фраза, звучавшая примерно так: «Около 20% собравшихся встали со своих мест и вышли на сцену, чтобы принять Иисуса Христа как своего личного Спасителя». Эту строку редакторы вычеркнули. Получается, сказали они, мы утверждаем, что Иисус Христос действительно всеобщий Спаситель! Нет, ответил я. Мы утверждаем, что эти люди приняли Иисуса Христа как своего личного Спасителя. Это факт. То, что там произошло. Ради этого и был организован Крестовый Поход. Но редакторы настаивали на том, что эта строчка может оскорбить чувства нехристиан, и требовали заменить ее на что-нибудь вроде: «Около 20% собравшихся встали со своих мест и вышли на сцену, чтобы выразить свою новообретенную веру в Бога». Мне пришлось обратиться к контролирующему редактору, чтобы упоминание об Иисусе Христе осталось на своем месте.

Заповедь десятая. «Не болтай о Боге — бери у Бога интервью. О чем бы ни шла речь, спрашивай людей, во что они верят и как вера направляет их мысли и действия». На мой взгляд, это пересказ другими словами Четвертой и Пятой заповедей. Видимо, придумать Десятую Заповедь Дэвиду не удалось, а «Девять Заповедей Дэвида Уотерса» звучало бы как-то неполно.

***

Десять Заповедей Уотерса очень помогали мне в работе, а Седьмая Заповедь — «не пренебрегай выходными твоими» — дала возможность Познакомиться со множеством христианских деноминаций и церквей, чтобы решить, в какой же из них я хочу обрести свой духовный дом. «Удобное» богословие гигантской церкви Моряков давно осталось позади; теперь мы ходили в пресвитерианскую церковь, где больше традиций, ритуалов и проповеди дают больше пищи уму и сердцу. Однако мне казалось, что пора сделать следующий шаг: от мейнстримового протестантизма — к Католической

церкви. За десятилетие евангелического христианства я сделал то, чего католики обычно не делают, — изучил Библию, особенно Евангелие, вдоль и поперек. Однако это знание помогло мне разглядеть красоту и глубокий смысл католических обрядов. На мессе мне казалось, что я стою на плечах великана или в конце длинной цепочки, насчитывающей две тысячи лет, восходящей прямиком к Христу и Его апостолам. Это порождало трепет, благоговение — и некоторую гордость.

Не все в католическом богословии было мне понятно, не все устраивало. Например, сексуальные запреты (я не понимал, почему нельзя пользоваться презервативами, даже если это ведет к гибели миллионов африканцев от СПИДа). Что более серьезно, я не принимал пресуществления — кульминации мессы, когда, согласно учению церкви, хлеб и вино буквально превращаются в Тело и

Кровь Христову. Разумеется, в этом я был не одинок. С этим не согласны миллионы американцев, которых католики-ортодоксы иной раз презрительно именуют «кафе-католиками» (40% американских католиков даже не ходят к исповеди, хотя это одно из основных требований церкви). Если бы католики действительно верили, что Евхаристия проходит в незримом присутствии Христа, они срывались бы с мест, чтобы поклониться Святому Причастию — освященному, но неиспользуемому хлебу и вину, которые в большинстве церквей ставятся в позолоченный табернакул[2]. Но, как правило, Святое Причастие стоит возле алтаря, никем из прихожан не замечаемое, и лишь изредка можно увидеть перед ним какого-нибудь истинно верующего, коленопреклоненного в молитве.

Я черпал уверенность не только в том, что остаюсь с большинством. В Катехизисе Католической церкви — справочнике по церковной догматике — есть восхитительная лазейка под названием «личная совесть». Если что-то, пусть даже учение церкви, идет против твоей совести — следуй своему внутреннему голосу! «Человек всегда должен повиноваться внятному суждению своей совести, — гласит Катехизис. — Кто сознательно идет против совести — сам себя осуждает».

Совесть позволяла мне предохраняться без чувства вины и без страха вечного осуждения. Совесть позволяла видеть в Евхаристии лишь символическое воспроизведение Тайной Вечери. Я собирался стать

---

[2] Табернакул — в католических храмах место или шкафчик в стене алтаря для хранения предметов поклонения. — Прим. пер.

«кафе-католиком»: выбирать из «меню» церковных учений лишь те, которые мне подходят. Однако мой выбор основывался на убеждении, а не на удобстве.

Чтобы стать католиком официально, мне требовалось пройти годовой курс катехизации: несколько вводных лекций, а затем несколько месяцев обучения. На курс я записался летом 2001 года. Грир пошла вместе со мной: ей хотелось освежить в памяти веру своего детства. Мы думали даже о том, чтобы после моего присоединения к церкви обвенчаться и снять с себя католическое клеймо «прелюбодеев», недостойных принимать Причастие.

По вечерам во вторник и по утрам в воскресенье мы приходили в церковь Царицы Ангелов в Ньюпорт-Бич, чтобы побольше узнать о Католической церкви, ее истории и учении. Программу под названием «Обряд Христианского Посвящения для Взрослых» (ОХПВ) вел отец Винсент Джилмор. Отец Винсент принадлежал к консервативному норбертинскому ордену: в церкви Царицы Ангелов он служил, поскольку в диоцезе округа Оранж не хватало католических священников. Человек лет под сорок, приезжавший на службу на горном велосипеде, он верил во все, чему учит церковь, и умел заражать своей верой слушателей. Об учении церкви он рассказывал просто, ясно и с большим чувством. Появился у меня и личный «наставник». Мне посчастливилось познакомиться с Бобом Гэнноном, долговязым седоватым джентльменом, чьи доброта и терпение не знали границ. В общении он был милым, мягким человеком — однако работал в прокуратуре округа Оранж, так что я знал, что он может быть суровым. Однако для меня Боб стал добрым «опекуном», терпеливо отвечающим на бесчисленные вопросы, которыми я его забрасывал.

По мере того как люди в классе перезнакомились и начали сходиться друг с другом, кое-кто узнал во мне религиозного репортера «Таймс». Солгу, если скажу, что мне это было неприятно. Соученики вспоминали некоторые мои статьи. Несколько человек припомнили материал, который я дал в газету несколько месяцев назад, перед Пасхой. Я писал об ушедшем на покой епископе Нормане Макфарленде — огромном человеке, ростом не меньше шести футов четырех дюймов, с широченными плечами и мощным басом. Епископ славился крутым нравом. Когда его преемник, епископ Тод Д. Браун, впервые опубликовал финансовый отчет диоцеза, многие священники радостно объявили, что грядет новая эра — эпоха прозрачности. Имелось в виду, что епископ Макфарленд управлял финансами диоцеза железной рукой, никого не посвящая в свои траты.

Я позвонил в воскресенье после полудня, чтобы гарантированно застать епископа дома. Зная его репутацию, набирал номер не без трепета. Телефон

прозвонил несколько раз, затем епископ снял трубку, и я услышал сердитое рычание: «Алло!»

— Добрый день, епископ, — начал я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Это Билл Лобделл из «Лос-Анджелес таймс». Я сейчас работаю над статьей и хотел бы получить у вас комментарий... — Я запнулся, пытаясь придумать что-нибудь такое, что растопит лед и поможет начать беседу. — Прекрасный день сегодня, не правда ли?

— Отличный был день, черт побери, — рявкнул он, — пока не позвонили вы и не оторвали меня от футбольного матча! Ну, что вам нужно?

И вот так прошел весь разговор.

Однако моя пасхальная статья, написанная много позже, показывала епископа Макфарленда в совсем ином свете. В канун Страстной Пятницы епископ вместе с отцом Джоном Макэндрю провел службу для заключенных в тюрьме Тео-Лейси-Брэнч в округе Оранж, Калифорния. Я при этом присутствовал, и после службы заключенный Энтони Ибарра признался мне, что сегодня лучший день в его жизни. Всего две недели назад у Ибарры родился сын; заключенный горько плакал, думая о том, как нескоро его увидит. Но священник омыл ему ноги — совсем как Иисус двенадцати изумленным ученикам перед Тайной Вечерей. Отец Джон Макэндрю вымыл и поцеловал ноги Ибарры и еще одиннадцати узников. А затем епископ Макфарленд выслушал его исповедь.

— До сих пор сердце колотится! — говорил мне Ибарра. — Я просто говорил, говорил без передышки... а он отвечает: неважно, что ты натворил — Бог все равно тебя любит. И на меня словно снизошло что-то. Наверное, это и есть мир. Просто удивительно! Я принимал наркотики, но от наркоты такого кайфа и близко не бывает! Никогда в жизни я не был так счастлив, как сейчас на службе.

Служба шла в бедной тюремной часовне. Вместо скамей — белые пластмассовые стулья. Вместо служек — четверо помощников шерифа с рацией на поясе.

Под аккомпанемент треска и гула голосов из полицейских раций заключенные пели гимны, принимали Причастие, соединяли руки, опускались на колени в молитве. Многие плакали.

— Очень немного в нашей жизни, — говорил епископ Макфарленд двадцати восьми узникам в оранжевых комбинезонах, — таких моментов, когда можно точно сказать: мы делаем то, чего хочет от нас Бог. Именно такой миг наступил для нас сейчас.

Интерес Макфарленда к заключенным Тео-Лейси зародился три года назад, когда епископ страдал от тяжелой болезни. Аневризма угрожала его жизни. Тюремный капеллан предложил заключенным написать епископу и пожелать ему выздоровления. Одно из сорока писем, пришедших из тюрьмы, епископ до сих пор помнит наизусть. Начиналось оно так:

> Уважаемый епископ Макфарленд!
>
> Здравствуйте, Норман. Мы с вами оба заключенные: я - узник Тео-Лейси, Вы - узник собственного тела...

Дальше автор письма говорил, что молится за епископа, потому что хорошо понимает, каково это — чувствовать себя беспомощным пленником.

Эти письма глубоко тронули епископа. Он получал сотни открыток с пожеланиями выздоровления, но сохранил только письма от заключенных.

Вскоре после этого епископ Макфарленд в первый раз принял приглашение посетить тюрьму. В первый раз за время своего 11-летнего епископства в диоцезе Оранж он отслужил мессу в тюрьме. В проповеди епископ говорил о беседе Христа с двумя разбойниками, распятыми вместе с ним. Заключенные поднялись с мест и устроили епископу овацию.

— Трудно сказать, — рассказывал мне отец Макэндрю, — кто из них был в этот момент больше тронут. С того дня между епископом и заключенными установилась какая-то связь, как будто для них открылись глубины его сердца, для всех прочих закрытые.

Мой рассказ о доброте сурового епископа приятно удивил многих католиков и вызвал немало разговоров. А на курсах отца Винсента в церкви Царицы Ангелов он доставил мне настоящую славу. Вскоре после этого я опубликовал еще один материал о католиках, также вызвавший немало откликов. В основе этой истории, озаглавленной «Восемь свадеб и фиеста», изобретательный и щедрый жест пастора из бедного латиноамериканского прихода, озабоченного тем, чтобы его прихожане венчались в церкви.

Церковное венчание — процедура дорогая: многие пары из рабочего класса не могут позволить себе венчаться и обходятся гражданским браком. Однако церковь считает гражданский брак прелюбодеянием. Отец Билл Бармен из церкви Святой Девы Лурдской в Санта-Ане предложил восьмерым женихам и невестам выход из тупика. Они венчаются в один день: фотографа, цветы, гирлянды, диджея — все оплачивает священник. Что требуется от молодых? Пройти трехмесячный курс для молодых супругов, одеться

по-праздничному и попросить родных принести угощение. А затем сказать: «Si, te acepto[3] — и прожить остаток дней в мире с Католической церковью.

Замысел отца Билла удался как нельзя лучше, праздник получился на славу — и я даже не задумался о том, какой абсурд лежит в основе этой истории: мужья и жены, верующие католики, оказываются отлучены от трапезы Господней... потому что бедны и не могут оплатить венчание! До сих пор мне, как журналисту, стыдно, что эта мысль даже не пришла мне в голову. Пусть я написал бы то же самое — все равно, не подумать об этом было нельзя.

Большинство людей этого абсурда тоже не заметили. Моя статья попала в телеграфную рассылку «Таймс» и стала известна всей стране. Прочтя ее, многие пасторы в бедных американских приходах начали проводить у себя такие же коллективные свадьбы. А моя слава на курсах катехизации упрочилась. Я не возражал: мне нравилось быть звездой местного масштаба — по крайней мере, в те времена, когда мои статьи льстили католикам.

***

В августе 2001 года Джин Паско вновь остановилась у моего стола:

— Помнишь, пару месяцев назад я давала тебе документы по делу епископа Харриса?

Вот черт! Совсем о них забыл! Смутившись, я принялся копаться в куче бумаг на своем столе.

— Эти? — спросил я. — Знаешь, Джин, извини, но я в них еще не заглядывал.

— Тогда самое время заглянуть! Сегодня в суде прессуха по этому делу. Стороны заключили соглашение. Мы — единственные, у кого есть все документы, так что лучший материал будет у нас!

Я немедленно достал из ящика стола желтый маркер и принялся за чтение.

7 Отец Голливуд

Друзья детей Прибежище педофилов Жертвы вдвойне

Возлюбпенные! огненного искушения, для испытания вам посылаемого, не чуждайтесь, как приключения для вас

[3] «Да, принимаю тебя» (исп.). — Прим. пер.

странного, но как вы участвуете в Христовых страданиях, радуйтесь, да и в явление славы Его возрадуетесь и восторжествуете.

(I Петр, 4:12- 13)

Пресс-конференция начиналась через несколько часов. Я попросил библиотекарей «Таймс» прислать мне подборку всех новостей о Майкле Харрисе, священнике по прозвищу «Отец Голливуд». Через несколько минут на мой электронный почтовый ящик дождем посыпались ссылки. Я распечатал статьи и принялся изучать их в хронологическом порядке. В основном они были хвалебными. Передо мной предстал человек, всем известный, всеми любимый и даже обожаемый.

Прозвище «Отец Голливуд» дали Майклу Харрису школьники из-за внешности кинозвезды. Высокий, атлетически сложенный, с копной непослушных каштановых волос, пронзительным взглядом синих глаз, решительным подбородком и теплой улыбкой. О нем часто говорили: куда бы он ни вошел — все взоры обращаются на него.

В 1978 году Харрис был назначен директором гимназии «Матер Деи» — согласно рекламе крупнейшей католической школы к западу от Миссисипи. Ему было всего 29 лет. Под его руководством «Матер Деи» начала занимать первые места и в национальных олимпиадах, и в спортивных и художественных соревнованиях. Сам Майкл Харрис постоянно пропадал в школьном кампусе: участвовал почти во всех неформальных мероприятиях, дружески болтал со школьниками, крепко обнимал их, здороваясь и прощаясь.

Ученики обожали своего директора — тем более что общались с ним не только в школе. Свой дом Харрис превратил в сверхсовременный домашний кинотеатр, книжные полки заполнил сотнями фильмов. Он часто приглашал в гости своих учеников — спортсменов, музыкантов, членов школьного драмкружка: за пиццей, попкорном и содовой они вместе смотрели кино, телевизор или играли в разные игры. Время от времени Харрис приглашал мальчиков, особенно тех, у кого были нелады с родителями, у него переночевать. В фотоальбомах выпускников десятки страниц отводились снимкам «отца Майка»; ученики почитали его почти как святого. Их родители приглашали Харриса к себе на каникулы, вознося ему хвалы за то, что он наставляет их детей на путь истинный.

— Все мы считали Майка Харриса лучшим из людей, — рассказывал мне позже один из родителей. — Мы были счастливы, что он столько времени проводит с нашими детьми — как будто с ними сам Бог!

Одно время отец Майк ездил в школу на белом «корвете», подаренном ему каким-то благодарным католиком, пока начальство не предложило ему отказаться от излишней роскоши. Он сделался частым и желанным гостем на светских мероприятиях округа Оранж, даже демонстрировал одежду на благотворительных модных показах. Как-то на протяжении года носил «косуху» с символикой «Ангелов небес».

В середине 1980-х диоцез Оранж решил, что быстро растущей католической пастве на юге округа Оранж необходима суперсовременная старшая школа. Однако церковные иерархи, в основном интроверты и бюрократы, опасались, что не смогут собрать необходимую сумму — 26 миллионов долларов. Вот почему Харриса, вполне довольного своей должностью в «Матер Деи», сдернули с насиженного места и отправили собирать деньги практически в одиночку. Привыкший повиноваться, Харрис занялся новым для себя делом; при этом он использовал свои дружеские связи с местными предпринимателями и богачами.

На открытии школы «Санта-Маргарита» в 1987 году Харрис театральным жестом распахнул строгую черную рубашку священника и продемонстрировал под ней футболку с логотипом Супермена, большой буквой «С». Толпа взревела от восторга. «С» означало «Сан-та-Маргарита», но было у нее и другое значение: отец Харрис — Супермен! Через три года после открытия школы папа Иоанн Павел II наградил Харриса почетным титулом «монсиньор», который переводится как «мой господин».

В 1991 году отец Харрис опубликовал в «Таймс» статью, в которой задним числом легко увидеть фрейдистскую проекцию — о том, как важно для родителей учить детей воздерживаться от секса.

«Задача учителя — помочь подросткам сформировать систему ценностей, — писал он, — и в исполнении этой нелегкой задачи мы неизбежно сталкиваемся с навязчивым гедонизмом, преследующим наше молодое поколение. Нельзя научиться ценить наслаждение, не научившись его откладывать».

В январе 1994 года Супермен внезапно сбросил свой плащ. Харрис поразил католическую общину заявлением, что намерен уйти с поста директора «Санта-Маргариты». Причина неожиданной отставки — «напряжение».

«Для меня это трудное решение, однако мне необходимо время для молитвы, отдыха и восстановления сил, — писал сорокасемилетний Харрис, обращаясь к школьникам и их родителям. — Напряжение, накопившееся за все эти годы, дает себя знать».

Месяц спустя он вышел в отставку.

В сентябре 1995 года бывший ученик Харриса подал против него иск о сексуальном преступлении. Затем появились еще двое со схожими обвинениями. Однако диоцез и община встали за Харриса горой. Иск был отклонен за истечением срока давности, а Харрис, чья репутация практически не пострадала, исчез из публичного поля и занялся бизнесом: с помощью своих богатых друзей-католиков, в том числе известного судьи в отставке, земельного барона и крупного строительного магната, он сделался застройщиком, специализирующимся на недорогих домах.

В подборке не упоминался иск 1996 года, поданный против Харриса и диоцезов Лос-Анджелеса и Оранж молодым человеком по имени Райан Ди Мария. Эпическая судебная битва, которая положит начало «католическому секс-скандалу» в масштабах страны, была еще впереди. Я накинул куртку и поспешил в суд округа Оранж на пресс-конференцию, гадая, что нового узнаю там о Майкле Харрисе.

***

Пресс-конференция проходила на втором этаже окружного суда в Санта-Ане. Адвокат Кэтрин К. Фри-берг — бывшая баскетболистка из «Техас Тех», ростом больше шести футов, а в этот день, на двухдюймовых каблуках, еще выше обычного — встала перед букетом микрофонов. Два десятка журналистов, широким полукругом расположившихся вокруг нее, прекратили болтать, распахнули блокноты, включили диктофоны и камеры. До них уже долетел слух, что соглашение, заключенное сторонами по делу Харриса, войдет в историю.

Пресс-конференции я терпеть не могу. Чувствуешь себя, словно в стае бродячих собак, готовых драться за брошенные объедки. Куда увлекательнее самому выслеживать добычу! И снова я упрекнул себя за то, что не просмотрел юридические документы по делу Харриса.

Впрочем, не все потеряно. У нас эти документы есть — у прочих журналистов их нет. Значит, в этом соревновании у нас фора.

Фриберг не привыкла выступать перед журналистами. Неуверенным голосом, усиленным микрофонами, зачитала она по бумажке свое заявление. Католические диоцезы Лос-Анджелеса и округа Оранж готовы выплатить ее

клиенту Райану Ди Мария пять миллионов двести тысяч долларов с целью улаживания дела, возбужденного им против диоцезов и Харриса пять лет назад. Харрис по-прежнему отрицает, что растлил Райана, однако согласен выполнить свою часть соглашения и сложить с себя сан. Репортеры загудели: огромная сумма, известность Харриса — все это обещало отличные репортажи.

В дополнение к денежной компенсации, продолжала Фриберг, диоцез округа Оранж согласился принести извинения четырем другим предполагаемым жертвам Харриса. Но важнее всего, что диоцезы Лос-Анджелеса и округа Оранж (последний был сформирован в 1975 году и включил в себя южную часть Лос-Анджелесского архидиоцеза) согласились внести в правила работы с жалобами на сексуальные преступления священников одиннадцать изменений. Сейчас кажется, что эти изменения напрашивались сами собой: однако не забудем, до секс-скандала, разразившегося в Бостоне и потрясшего всю страну, оставалось еще пять месяцев. В августе 2001 года соглашение с Ди Марией было для Католической церкви беспрецедентным.

Вот некоторые из этих изменений. Все священники, в прошлом у которых имеются подтвержденные случаи сексуальных преступлений, должны оставить служение. (Удивительно, но в 2001 году это было совсем не очевидное требование! И в Лос-Анджелесе, и в округе Оранжслужило немало известных священников, в прошлом у которых были случаи растления несовершеннолетних. Двое клириков в Лос-Анджелесе оставались на своих местах при том, что были осуждены за сексуальное насилие над детьми!) Церковь обещает предоставлять жертвам сексуальных преступлений клириков независимых адвокатов, которые помогут им вести дело. (В диоцезе Оранж епископ поначалу предлагал в качестве «независимого адвоката» собственного церковного юриста!) Диоцезы готовы организовать бесплатную горячую линию и веб-сайт, с помощью которых жертвы насилия смогут сообщать о себе, при необходимости, анонимно. Запрещаются церковные мероприятия, в ходе которых священник остается с несовершеннолетними наедине. Дурное поведение священника больше не скрывается в секретных документах, о существовании которых не подозревают ни прокуроры, ни адвокаты потерпевших. Диоцезы готовы разработать и провести образовательную программу, посвященную предотвращению сексуального насилия.

Разумеется, никто не предполагал, что Католическая церковь окажется прибежищем педофилов. Однако клирики воспитываются в иерархической культуре: их призывают превыше всего ценить верность и послушание и

всячески избегать скандалов и вмешательства светских властей. Кроме того, им внушается вера в силу искупления. Вот почему, узнав, что какой-нибудь священник изнасиловал мальчика, все считают: главная их задача — не дать вынести сор из избы. С жертвой и ее семьей обходятся так, чтобы избежать скандала — обманывают их, заставляют молчать угрозами или моральным шантажом. Если это не действует, им тайно выплачивается денежная компенсация. Никогда церковное начальство по доброй воле не сообщит о преступлении светским властям. Иногда провинившегося священника переводят в новый приход, к ничего не подозревающим прихожанам, положившись на его уверения, что он покаялся и больше не согрешит. Иногда тайно отправляют его в католический лечебный центр, где с ним работают психологи и психиатры — до тех пор, пока, по их мнению, он не перестанет представлять опасность для детей. Тогда он так же тихо возвращается к священническому служению. С точки зрения епископов, это отлично решало деликатную проблему: священник исцелялся — властью Бога или же средствами психологии и психиатрии, — а церковь оставалась незапятнанной. Ни восстановление справедливости, ни помощь изнасилованному или развращенному ребенку в это уравнение не входили; у католического священства не принято было думать о таких вещах, сталкиваясь со скандалами. И такое отношение практиковалось не только в нескольких диоцезах по стране — это была почти повсеместная стандартная практика.

***

Райан Ди Мария рассказал мне, почему настоял на реформе. «Цель моего иска, — сказал он, — именно в том, чтобы таких случаев [случаев сексуального насилия священников над детьми] больше не было — или хотя бы стало как можно меньше».

Райан, двадцати восьми лет, только что закончил юридический вуз. Мне хотелось верить этому невысокому пареньку со следами юношеских угрей на лице; он выглядел искренним, и все, с кем я разговаривал, подтверждали, что он решительно настаивал на одиннадцати изменениях в политике церкви, несмотря на упрямое сопротивление диоцеза. Судья подтвердил, что ради этого Райан согласился на меньшую сумму компенсации. Однако меня смущал размер выплаты — пять с лишним миллионов! Из иска следовало, что Харрис совершал с Райаном непристойные действия дважды, около десяти лет назад. Конечно, это очень неприятно, но, на мой взгляд, никак не стоило пяти миллионов!

Зачем тратить столько сил на войну с церковью из-за случая десятилетней

давности? Не лучше ли было бы для самого Райана оставить прошлое в прошлом и жить своей жизнью?

Вернувшись в офис, я позвонил Мэри Грант, основательнице южно-калифорнийского отделения Сети Пострадавших от Насилия Священников (СПНС). В 1991 году, после того как отец Джон Линихан, энергичный священник-ирландец, признался, что занимался сексом с несовершеннолетней Мэри в течение четырех лет, она получила от диоцеза Оранж компенсацию в 25 тысяч долларов. С тех пор Мэри неустанно выступала за то, чтобы Католическая церковь пересмотрела свое отношение к насилию священников над детьми. В частности, она требовала, чтобы ее обидчик был отстранен от служения; однако на это церковное начальство не соглашалось. Несмотря на признание Линихана в преступлении, карьера его процветала: летом 2001 года он был любимым пастором крупного и влиятельного прихода в Дана-Пойнт, на берегу Тихого океана. Мэри и ее единомышленникам не удавалось ничего добиться. Гражданские власти, возможно, не желая связываться с церковью, отклонили ее иск в связи с истечением срока давности. СМИ, как местные, так и федеральные, за несколькими исключениями, отказывались освещать эту проблему. Но теперь, сказала она мне, Райан наконец-то заставил церковь измениться. Победа!

Я записал ее слова, а затем спросил:

— Но, Мэри, что скажете о деньгах? Пять миллионов двести тысяч — неужели это справедливая плата за то, что произошло с Райаном?

Мэри сразу поняла, что я имею в виду.

— Вы когда-нибудь бывали на встречах пострадавших? — мягко спросила она.

Я ответил, что нет.

— На этой неделе в Лонг-Бич проходит наша встреча. Может быть, придете, посидите с нами? Мне кажется, тогда вы лучше поймете, о чем речь.

Я согласился.

Известие о соглашении между Райаном и диоцезом (мой репортаж вышел на первой странице «Таймс») потрясло католическую общину. На клириков реформа произвела действие взорвавшейся бомбы. Скоро католические лидеры начнут шерстить свою документацию в поисках подтвержденных случаев сексуальных злоупотреблений! Но что значит «подтвержденные»? Что, если много лет назад какой-нибудь псих лживо обвинил тебя в сексуальных домогательствах? Кто будет решать, какие обвинения «подтверждены», а какие нет? Кому запретят служить? Как защитить порядочных священников от

анонимных обвинений по телефону «горячей линии»?

Я получал множество звонков от разгневанных читателей, негодующих на то, что я погубил доброе имя отца Майка. Несмотря на выплату компенсации, на извинения, на реформы, на заявление епископа Тода Д. Брауна, гласившее, что у него «имеются серьезнейшие сомнения в невиновности [Харриса] в этих деяниях, учитывая количество поданных на него жалоб, их схожесть и, по всей видимости, искренность людей, сделавших эти заявления», они по-прежнему верили в его невиновность.

Сторонники Харриса цеплялись за заявление, выпущенное его адвокатом, где утверждалось, что Харрис не сделал ничего дурного, а соглашение с Ди Марией заключено «по причинам делового характера».

«Монсиньор Харрис гордится своей успешной работой со школьниками; сотни его бывших учеников остаются его друзьями и сторонниками», — говорилось в заявлении.

Фанаты Харриса напоминали мне присяжных, судивших О-Джей Симпсона: несмотря на гору свидетельств, они отказывались признавать виновность своего священника. Поначалу я пытался с ними спорить. Но переубедить их было невозможно. Дальше я уже не спорил, а просто давал им излить душу. В их ярости ощущалось отчаяние. Как будто, если признать, что Харрис развращал мальчиков, рухнет весь тщательно выстроенный мир их веры.

Для меня, начинающего католика, правда о Харрисе моей вере не угрожала. Я прекрасно знал, что люди грешны. Поэтому нам и необходимо христианство — мост через зияющую пропасть между Богом и его бесконечно непутевыми детьми. В каждой религии есть свои мон-синьоры Харрисы — но это не порочит ни Бога, ни религиозные институты. Я считал, что правда о Харрисе, выставленная на всеобщее обозрение, не повредит католичеству, а поможет ему очиститься.

В последующие пять лет в своих статьях я вновь и вновь поднимал тему слепой приверженности религиозным лидерам. Для католиков связь между прихожанами и членами клира особенно крепка. Нерассуждающая верность — одна из важнейших добродетелей в иерархической структуре католичества: от папы — к кардиналам, от кардиналов — к архиепископам, от архиепископов — к епископам, от епископов — к священникам, от священников — к людям на церковных скамьях. На католических курсах катехизации меня учили, что священники — это люди, специально отобранные Богом и наделенные особой властью, позволяющей им и только им преподавать народу таинства церкви.

Мирянин может знать евхаристическую литургию наизусть, но никогда не сможет превратить хлеб и вино в буквальные Тело и Кровь Христовы. Мирянин не может, выслушав исповедь, дать отпущение грехов или, соборовав умирающего, облегчить ему путь на небеса. Такой властью обладает только священник.

Такое резкое разделение между священниками и мирянами подчеркивает верность, покорность и зависимость, которые должны питать прихожане к своим «отцам». Учитывая это, легче понять, почему католики не желали слышать правду о Харрисе.

Редакторы не верили нам, когда мы с Джин Паско рассказывали, какая кампания в защиту Харриса развернулась в католической общине. И тогда мы решили провести детальное журналистское расследование, чтобы понять, каким образом известный священник, всеми любимый, сделавший столько добра, мог так долго скрывать свою темную тайну.

***

Несколько дней спустя я был в Лонг-Бич: шел по Атлантик-авеню к неприметному офису психотерапевта, куда на встречу по взаимной поддержке пострадавших от сексуального насилия священников пригласила меня Мэри Грант. Сегодня здесь встречались семеро пострадавших: они не возражали против моего присутствия.

Войдя, я неуверенно поздоровался со всеми. Собравшиеся представились. Прежде всего поразил меня возрастной разброс: от молодых людей лет тридцати до стариков сильно за семьдесят.

Первой заговорила мать Риты Милла. Дочь, сидевшая рядом, нежно обнимала ее за плечи.

Имя Риты Милла я слышал в новостях, но что с ней случилось, помнил очень смутно, так что на следующий день на работе мне пришлось освежить в памяти ее историю. Рита Милла, полная и застенчивая девочка-подросток, привлекла взор приходского священника по имени Сантьяго «Генри» Тамайо в церкви Святой Филомены в Карсоне, Калифорния. Священник оказывал ей особое внимание, подолгу беседовал с ней, бывал у нее дома и наконец, в 1978 году, когда ей было шестнадцать лет, изнасиловал ее прямо в исповедальне. Затем он познакомил ее с шестью другими священниками, которые занимались с ней сексом по очереди: сначала в гостиничном номере, снимаемом на час, затем прямо в пасторском доме при церкви. В 1982 году Рита забеременела. Тамайо настаивал, чтобы она сделала аборт, но она отказалась: тогда он дал ей 450 долларов и отослал на Филиппины, где при

родах она едва не погибла вместе с ребенком.

Два года спустя, когда скандал вышел наружу, епископ Лос-Анджелесского диоцеза Хуан А. Арзубе, позднее обвиненный в изнасиловании 11-летнего мальчика, заявил, что Рита сама завлекла священников к себе в постель.

— У этой девушки дурная слава, — уверял он на испаноязычном телеканале, объясняя, почему Рита подала против священников и архидиоцеза Лос-Анджелес иск на пятнадцать миллионов долларов. — Известно, что она соблазняла даже мальчиков-алтарников!

Сама Рита утверждала (хотя для дела это не имеет значения), что до знакомства со священниками была девственницей. Так или иначе, едва ее гражданский иск был принят к рассмотрению, все семеро исчезли из своих приходов. В дальнейшем церковные власти убеждали Тамайо остаться на Филиппинах, чтобы не попасть под уголовное преследование и сохранить в тайне тот факт, что архидиоцез продолжает выплачивать ему жалованье. Иск Риты был отклонен за истечением срока давности. Никто из ее предполагаемых насильников не понес наказания.

В 1991 году Тамайо, нарушив распоряжения архидиоцеза, вернулся в США и публично извинился перед Ритой. В 1996 году он умер.

Такова история Риты; но тем вечером в Лонг-Бич, в кабинете психотерапевта, мы выслушали эту историю из уст ее матери, объятой горем и гневом. В слезах, с сильным испанским акцентом рассказывала она, как была польщена тем, что отец Генри проявляет интерес к ее дочери. Она верила: отец Генри послан им Богом. Горько плача, мать Риты вспоминала о том, как отсылала дочь к отцу Генри по вечерам, даже когда девочка умоляла позволить ей остаться дома. Она верила, что наставник ее дочери — человек Божий.

— Почему я не поняла, что происходит? — восклицала она, и ее рыдания разрывали мне сердце. — Зачем снова и снова толкала ее в руки этого негодяя? — Лицоее искажала смертельная мука. — Как они могли такое с нами сотворить?!

Никогда я не видел такой острой, невыносимой боли. Со времени последнего изнасилования прошло почти двадцать лет, но мать переживала свою вину, свое предательство так, словно все это произошло вчера. Сердце мое сильно билось, на глаза наворачивались слезы. Мне было стыдно. Я ничем не заслужил такого доверия и чувствовал себя вуайеристом, подглядывающим за чужой трагедией. Я не поднимал глаз. А Рита гладила мать по спине и повторяла: все хорошо, все прошло, все уже позади.

То, что я узнал в тот вечер о священниках-насильниках и их жертвах, очень

помогло мне в работе несколько месяцев спустя, когда о «католическом секс-скандале» заговорили все американские СМИ. И по сей день рассказы пострадавших преследуют меня и не дают покоя.

Я узнал: хотя сексуальное насилие само по себе ужасно, самое страшное ждало пострадавших позже — у руководителей церкви, к которым они обращались за помощью. Вместо защиты и справедливости дети и их родители получали обвинения и угрозы. Их очерняли, называли лжецами и дурными католиками — ведь хороший католик никогда, Ни за что не навлечет скандал на свою Церковь! Как правило, жертвам и их семьям сообщали, что они — первые, кто обратился с жалобами на поведение этого священника, хотя часто это было ложью. Руководители церкви, по словам Риты Милла, вели себя гак, как будто «Бога не боялись». Сидя в кругу пострадавших и слушая их рассказы, я не мог понять, почему любой епископ, услышав, что его подчиненный совратил ребенка, не хватается немедленно за телефон, не звонит в полицию, не отстраняет священника от служения до конца светского и церковного расследования... Однако такого не бывало практически никогда.

Еще я узнал, что обычные газетные термины «сексуальное домогательство» и «совращение» слишком мягки для того, что произошло с большинством этих людей на самом деле! (Впрочем, церковь боится и этих терминов: вместо них она использует поистине оруэл-ловский лексикон — «нарушение границ» и «неподобающее поведение».) Освещая католический секс-скандал, я тщетно убеждал редакторов использовать прямые и четкие определения, хотя бы такие, как «содомия» или «изнасилование детей». Эти слова из моих материалов всегда вычеркивались. Считалось, им не место в газете для всей семьи. Я же полагал: наши читатели — взрослые люди и имеют право знать, что произошло на самом деле. «Развращение», «сексуальное домогательство» — эти слова применимы и к ребенку, которого просто потрогали через одежду. Это плохо, но не идет ни в какое сравнение с насильственным сексом с детьми. Я всегда пола1^ал, что паства должна знать, что именно вытворяли ее «отцы» — тогда, быть может, у нее пропадет охота за них заступаться.

В 2003 году, рассказывая о том, как несколько женщин обвинили Арнольда Шварценеггера, тогда кандидата в губернаторы Калифорнии, в непристойном поведении и сексуальных домогательствах, редакция «Таймс» заняла по отношению к сильным выражениям куда более мудрую позицию.

Так, в «Таймс» писали, что, по словам одной из женщин, Шварценеггер «прошептал ей на ухо: «А тебе когда-нибудь язык в [анус] засовывали?» В

другом разделе той же статьи официантка рассказывает о том, как Шварценеггер тронул ее за руку. «Я наклонилась к нему, — вспоминает она, — и он сказал вполголоса: «Сделай кое-что для меня». Я подумала, может быть, принести ему еще хлеба. А он продолжал: «Сходи в туалет, засунь палец себе в [влагалище] и принеси мне».

По-моему, отлично, что редакция не стала оберегать целомудрие читателей, заменяя реальные (или приписанные ему) слова Шварценеггера туманными парафразами. Оставила все почти как было — отсекла только мат (понятно, что вместо «влагалища» в оригинале стояло другое слово). Но, казалось бы, точно описать реальные действия человека куда важнее, чем в точности воспроизвести сальные разговоры? Убедительного ответа на этот вопрос я так и не добился. Не думаю, что здесь какой-то заговор. Скорее, сами картины происшедшего — священник содомизирует мальчика прямо на алтаре, пока тот не обделается; священник вводит во влагалище девочки кропильницу для святой воды; маленький мальчик прячет от мамы окровавленные трусы — были слишком тяжелы даже для многое повидавших журналистов.

Еще я узнал в тот вечер, что сексуальное насилие, совершенное священником, оставляет особенно глубокие раны и причиняет неизгладимый вред. Оно замедляет и сильно искажает и сексуальное, и духовное развитие ребенка. Твой религиозный наставник вдруг начинает заниматься с тобой сексом: такое невозможно ни принять, ни даже осознать. С тех пор, когда пламенные католики убеждали меня, что жертвы подают в суд только ради денег — я больше с ними не спорил. Чтобы понять, о чем речь, им стоило бы побывать на терапевтических встречах тех, кто пережил насилие священников.

***

По дороге в Дамаск Савл из Тарса, преследователь иудеев, веривших в Иисуса Христа как в Мессию, вдруг увидел свет с небес. Ослепленный, пал он на землю и услышал голос Божий: «Савл, Савл, что ты гонишь меня?» Три дня спустя ученик Иисуса по имени Анания вернул Савлу зрение и крестил его. С этого дня Савл, принявший новое имя Павел, посвятил свою жизнь проповеди Благовестил Христова и сделался одной из влиятельнейших фигур в истории.

Не могу сказать, что со мной произошло что-то подобное. Получасовой путь из Лонг-Бич домой, в Коста-Меса, прошел для меня без приключений: не было никакого внезапного обращения — точнее, разобращения. Однако, оглядываясь назад, думаю, что для меня это был такой же Путь в Дамаск. Я просто постарался этого не осознавать.

Я ехал домой, почти не сознавая, где я и что со мной. Столько лет я писал об искупительной мощи веры, но ни разу не сталкивался лицом к лицу с ее темной стороной: с тем вредом, который может причинить религия в руках негодяев. Перебирая в памяти все, что писал о религии, в первый раз я удивился тому, как мало святости встречал в жизни верующих. Вот почему мне удавалось с такой легкостью находить сюжеты: немногие люди, искренне и глубоко верующие, ярко сияли на сером фоне «стада духовного». Эта мысль стояла у меня комом в горле; но я поспешил смыть это ощущение молитвой и благочестивыми изречениями типа: «Люди грешны, но Бог остается Богом». Несколько лет упорных размышлений потребовалось мне, чтобы эти банальности перестали меня успокаивать.

Приехав домой, я попытался рассказать жене о том, что увидел на встрече пострадавших, но оказалось, что это невозможно облечь в слова. Все, что я мог сказать, что это люди с разбитыми душами, что им нанесены неисцелимые раны. Более точное определение нашел я позже у отца Томаса Дойла, священника, чья церковная карьера рухнула после того, как в 1985 году он возвысил голос в защиту жертв сексуальных преступлений клириков. Священники, которые развращают детей, писал он, и церковные руководители, которые их покрывают, совершают «убийство душ».

8 Удар по духовному телу
Все только начинается Бездна падения Церковная мафия

> Дабы мы не были более младенцами, колеблющимися и увлекающимися всяким ветром учения, по лукавству человеков, по хитрому искусству обольщения, но истинной любовью все возвращали в Того, Который есть глава Христос.
>
> (Еф 4:14 - 15)

Вернувшись на свое рабочее место, я занялся тем, чем мне следовало заняться девять месяцев назад, когда Джин Паско грохнула мне на стол кипу документов — углубился в историю Майкла Харриса. Благодаря иску Ди Марии, заставившему церковные власти выложить на стол документы из тайных архивов и дать показания под присягой, у нас с Джин появилась возможность детально проследить путь отца Харриса и его отпадение от благодати. Сразу после пресс-конференции я лишь мельком проглядел документы, торопясь

написать новость для завтрашнего номера. Но теперь у меня было время сложить все детали картинки вместе. Возможность подготовить материал на основе сотен страниц документальных свидетельств — мечта для журналиста. Куда чаще нам приходится бороться за обрывки сведений, шерстить архивы в поисках официальной информации, умолять собеседников сделать нам копии документов. Но адвокаты Ди Марии — Фриберг и ее партнер Джон Мэнли — пять лет проработали над этим делом. Они узнали все, что только можно узнать. И плоды их труда лежали сейчас передо мной. Материал должен получиться отменный! И, отложив все свои сомнения на потом, я погрузился в документы, как журналист, с одной лишь целью — сделать хорошую статью.

Документы с холодной ясностью демонстрировали зияющую пропасть между отношением современного общества и древнего института Католической церкви к одному и тому же преступлению — сексуальному насилию над детьми. Поражало не само то, в чем обвинялся Майкл Харрис. И писал я не о том, что делал «отец Майк», — а о поведении его коллег и руководителей, которые лгали жертвам и их родителям, вводили в заблуждение и их, и широкую публику в попытках избежать скандала и защитить своего собрата-священника. Листая документы, я обнаружил в них историю Винсента Колайса, учившегося в старшей школе «Матер Деи» с 1977 по 1979 год, когда Харрис был ее директором. В 1992 году, узнав, что болен СПИДом, Винсент признался матери: Харрис растлевал его на протяжении этих двух лет. Он просил ее никому об этом не говорить. Эта тайна жгла ей сердце. Осенью 1993 года, за две недели до смерти, Винсент освободил мать от обещания молчать. После смерти сына Ленора Колайс написала Харрису письмо. Это было в День благодарения. Ксерокопия нескольких листков, исписанных аккуратным женским почерком, приложена к делу.

> «Сегодня, в праздничный день, я наконец решилась написать вам — привести в порядок свои мысли и дать им покой, — так начала свое письмо Ленора Колайс. — За эти годы я много раз благодарила Бога за ту поддержку и любовь, которую вы оказывали нашей семье в трудное и скорбное для нас время». Дальше она рассказывала, как Винс признался ей, что Харрис растлил его, когда мальчик пришел к нему за советом.
>
> «Никогда я не забуду и не прощу того, что вы сделали с моим сыном. Только Бог в милосердии своем может знать, что вы чувствуете теперь, сотворив это с ним и продолжая делать то

> же самое с другими. Я молюсь за вас — молюсь о том, чтобы вы обратились за помощью и чтобы никогда больше ни с одним мальчиком не сделали того же, что с Винсом. [Никто] не заслужил такой муки, в какой жил и умер мой сын.
>
> Таких страданий ничто не сотрет и не загладит. Надеюсь только на то, что его жизнь и смерть были не напрасны. Теперь он обрел покой».

Далее к делу прилагалась копия открытки, которую отправил Харрис Леноре примерно неделю спустя. На открытке написано от руки: «Помощь терапевта и другие средства помогли мне многое понять и преодолеть. Спасаюсь тяжелым трудом и молитвой. Едва ли это вас утешит — но я глубоко сожалею о случившемся».

Выходит, Харрис признает свою вину? Именно так подумала Колайс и в декабре отправилась с этой открыткой к церковным властям. Она хотела, чтобы Харриса сняли с поста директора «Санта-Маргариты». Примерно в то же время в диоцез обратилась женщина-юрист с сообщением, что двое ее клиентов также подверглись сексуальному насилию со стороны Харриса. Имен своих клиентов она не сообщала, возможно, опасаясь, что церковь начнет им мстить.

Встревоженные запиской Харриса и анонимными обвинениями, чиновники диоцеза отправили Харриса на обследование и диагностику в Институт Святого Луки в Мэриленде. «Святой Лука» — известнейшая католическая психиатрическая клиника; она специализируется на работе с сексуальными проблемами священников. В те дни, столкнувшись с подтвержденным сексуальным насилием со стороны священника, церковь, как правило, отправляла его к врачам. Хотя речь шла об уголовных преступлениях, гражданские власти в известность не ставились. Пройдя курс лечения, священник обычно объявлялся здоровым — и епископ отправлял его служить в другую церковь, к ничего не подозревающим прихожанам. Часто случалось, что на новом месте педофил брался за старое.

Перед тем как отослать Харриса в Мэриленд, диоцез Оранж вместе с самим Харрисом сочинил историю о «стрессе», из-за которого Харрису якобы надо отдохнуть и восстановить силы. Церковные власти не объяснили, что отправляют Харриса на психиатрическое обследование, чтобы установить, действительно ли он растлевал детей. И, разумеется, не просили у прихожан дополнительной информации о Харрисе, которая могла бы помочь им в расследовании.

Я обратился к показаниям монсиньора Джона Юрелла, проводившего церковное расследование по обвинениям против Харриса. Юрелл был в диоцезе восходящей звездой, многие видели в нем будущего епископа. Русоволосый улыбчивый человек с круглым мальчишеским лицом, Юрелл прекрасно смотрелся бы и в загородном гольф-клубе, и в залах Конгресса. С Харрисом они были друзьями.

Допрос Юрелла провел в июле 2001 года Джон Мэнли, один из адвокатов Ди Марии. Мэнли — агрессивный юрист; его темперамент и яростный напорпугал церковных руководителей. Мэнли вырос в семье католиков и учился в католической школе — той самой «Матер Деи», и также в период директорства Майкла Харриса. Мэнли чувствовал, что вожди церкви предали католические принципы нравственности и правосудия, которые вбивали в него в школьные годы. Во время допроса он не скрывал своего негодования.

Я перелистнул несколько страниц, ища объяснения Юрелла по поводу письма Харриса. Мэнли спросил, увидел ли он в этом письме признание Харрисом своей вины. Юрелл дал несколько уклончивых и противоречивых ответов примерно такого свойства: «Нет, я не счел это письмо признанием, поскольку никаких признаний в нем не было. Его автор ни в чем не признается. Однако это письмо меня встревожило и обеспокоило».

Затем Мэнли задал вопрос: не считает ли Юрелл, что диоцез ввел общество в заблуждение, когда прикрыл неожиданную отставку и отъезд Харриса разговорами о «напряжении» и «необходимости отдохнуть».

ЮРЕЛЛ: Нет, не думаю... Полагаю, в то время он действительно испытывал сильнейшее напряжение.

МЭНЛИ: Но свой пост он покинул не по этой причине. Он ушел в отставку, потому что вы его заставили — а вы его заставили, потому что он обвинялся в растлении детей.

ЮРЕЛЛ: Это было административное решение.

МЭНЛИ: Вызванное тем, что его обвиняли в растлении детей!

ЮРЕЛЛ: Вызванное обвинением родителей какого-то человека, который уже умер и не мог ни подтвердить его, ни опровергнуть.

МЭНЛИ: Вы полагаете, эти ваши показания соответствуют девизу епископа: «Ходите в истине»?

ЮРЕЛЛ: Да.

Я снова начал листать документы в поисках свидетельства, сыгравшего ключевую роль в деле Ди Марии, — медицинского заключения, составленного психологами из Института Святого Луки после пятидневного пребывания

Харриса в этой больнице. Заключение врачей звучало для церкви столь убийственно, что поверенные диоцеза подавали ходатайство в Верховный Суд Калифорнии, добиваясь того, чтобы этот документ остался недоступен широкой публике. Но у них ничего не вышло. 12-страничное заключение, полученное диоцезом еще в марте 1994 года, вошло в материалы дела и лежало сейчас передо мной.

Психологи из католической лечебницы поставили Харрису диагноз парафилии (отклоняющегося сексуального поведения) в форме влечения к собственному полу и эфебофилии (т. е. сексуального влечения к мальчикам-подросткам). Харрис — он знал, что заключение прочтет его начальство, — не стал ни подтверждать, ни опровергать выдвинутые против него обвинения, однако вердикт врачей звучал недвусмысленно: «Наши эксперты полагают, что обвинения небеспочвенны. По нашему опыту, в подобных случаях известные непристойные действия пациента, вызвавшие протест и получившие огласку, составляют лишь небольшой процент от реального числа предпринятых им непристойных действий». Забегая вперед, замечу, что Харриса обвинили в растлении в общей сложности десятка детей и церковь выплатила за его грехи больше пятнадцати миллионов. Однако он так и не признал свою вину.

Врачи из «Святого Луки» отметили, что, рассказывая им о своих постыдных детских тайнах, Харрис проявлял депрессию и тревогу, однако в обыденной обстановке «поражал своим хладнокровием». Его самоуверенность и обаяние так действовали на людей, что другие пациенты обращались к нему с жалобами и доверительными признаниями, «как к психотерапевту», отмечалось в заключении.

«Более всего, — пишет доктор Стивен Дж. Розетти, — Майкл заботится о своей репутации и производимом им внешнем впечатлении, в ущерб своему исцелению и душевному здоровью. В результате люди вокруг им восхищаются — однако в душе он остается одиноким, подавленным, преисполненным смятения и тревоги».

Харрис сообщил врачам, что на протяжении многих лет боролся с собственной сексуальностью, что подозревал, что его привязанность к ученикам может быть истолкована дурно. Согласился с тем, что его сексуальное развитие, по всей видимости, прервалось в подростковом возрасте, когда он поступил в семинарию. Признался он и в том, что порой, обнимая своих учеников, испытывал сексуальное возбуждение.

Пожалуй, наиболее поразительным для благочестивых католиков стало

признание священника в том, что он практически не молится — «не считая нескольких минут чтения Розария перед сном. Розарий он использует не только как молитву, но и как привычное действие, помогающее уснуть.

После настойчивых расспросов Майкл признался, что боится молиться в одиночестве. Он боится оставаться наедине с собой и с Богом».

Итак, к марту 1994 года церковные функционеры диоцеза Оранж знали из врачебного заключения, что Харрис испытывает сексуальное влечение к мальчикам и, по-видимому, неоднократно растлевал детей. Однако эту информацию они скрывали от всех — даже от следующего пострадавшего, который пришел к ним с жалобой на Харриса.

Ларри Рехаб заявил, что Харрис изнасиловал его, когда молодой человек пришел к нему за советом и наставлением. Рехаб — в то время ему было двадцать лет — боролся со своими плотскими желаниями и обратился за помощью к священнику. После одной из бесед в доме у Харриса Ларри не смог уехать — его автомобиль не завелся, и Харрис предложил ему у себя переночевать. В тот же вечер, по словам Рехаба, Харрис набросился на него и насильно ввел свой половой член ему в рот.

Все это Ларри Рехаб подробно изложил Юреллу, другу Харриса, которому диоцез поручил расследовать обвинения против него. Юрелл засвидетельствовал под присягой, что Харрис — священник, давший обет безбрачия, — подтвердил, что занимался сексом с Рехабом, однако заявил, что это произошло по взаимному согласию. Выслушав историю Рехаба, Юрелл отправился на прощальный ужин, который давал в этот вечер Харрис для своих ближайших друзей-церковников.

В этом месте допроса Мэнли, не веря своим ушам, спросил Юрелла, не считал ли он «неуместным идти на ужин к подозреваемому в изнасиловании, к человеку, которого к этому времени обвиняли в растлении уже целой толпы детей»?

«Да, могу сказать, сейчас я понимаю, что это было неуместно, — ответил Юрелл. — Но мы все... видите ли, все мы были друзьями и работали вместе на протяжении многих лет».

«Монсиньор, понимаете ли вы, как это выглядит? — спросил Мэнли. — Что остается думать, узнав, что человек, расследующий дело о растлении детей, идет ужинать вместе с подозреваемым? Понимаете ли вы, что люди неизбежно сочтут такое поведение... не хочу проявлять неуважения — но неизбежно сочтут его двуличным?»

«Понимаю», — признал Юрелл.

Чем полнее и ярче раскрывалась передо мной картина двуличности диоцеза, тем больше я воодушевлялся. Материал получится потрясающий! В этот момент мне и в голову не приходило, что история Майкла Харриса как-то связана с моей верой. Я испытывал лишь чистый восторг журналиста при виде сенсации и жадно впитывал все новые сведения о скелетах в шкафу католической иерархии. Казалось бы, церковные функционеры дошли до предела лживости и подлости — но

нет, с каждым новым эпизодом этой истории они опускались все ниже, ниже и ниже! Казалось, боги журналистики подарили мне неслыханную удачу. Правда, я задавался вопросом о том, как случилось, что персонал целого диоцеза вел себя прямо противоположно евангельским заповедям, но удивление верующего отступало на задний план перед охотничьим азартом репортера.

В сентябре 1994 года против Харриса был подан первый судебный иск по обвинению в растлении несовершеннолетнего. Дэвид Прайс, бывший ученик школы «Матер Деи», сперва встретился с церковными властями и сообщил им, что Харрис несколько раз совершил с ним сексуальные действия в 1979 году, когда мальчик искал у него совета и утешения после смерти отца. По словам Прайса, он вспомнил об этом много лет спустя в ходе психотерапии. Церковные власти не отреагировали. «Вместо того чтобы извиниться, монсиньор Юрелл начал мне лгать», — писал Прайс в своей книге: «Алтарник: искалеченная жизнь», которую издал самостоятельно.

«К этому времени и он, и вся церковь уже прекрасно знали, кто такой монсиньор Харрис и с чем они имеют дело... Но никто в диоцезе не предложил мне ни помощи, ни даже намека на извинения.

Вот что сказал мне монсиньор Юрелл: «Католичество — это в первую очередь деловая корпорация и лишь во вторую — религиозный институт. Религией мы занимаемся по воскресеньям. А сейчас у нас речь не о религии, а о бизнесе».

Два месяца спустя, не получив ответа от церковных иерархов, Прайс обратился в суд. Его обвинение публично поддержали Ларри Рехаб и еще один пострадавший. Документы раскрыли передо мной полную картину того, как обошелся с Рехабом и Прайсом диоцез после того, как они «вынесли сор из избы».

Для начала монсиньор Лоренс Бэйрд, пресс-секретарь диоцеза, гневно заявил «Оранж Каунти Реджистер», что Харрис — «образец священника». Затем основной адвокат Харриса Джон Барнетт принялся чернить обвинителей

в прессе. Он называл предполагаемых пострадавших «лжецами» и «нездоровыми людьми», которых якобы интересуют только деньги. Барнетт сравнивал их обвинения с «Салемским процессом над ведьмами в 1692 году, когда двадцать девять человек в Массачусетсе были казнены по ложному обвинению в сношениях с нечистой силой». И снова никто в диоцезе не возвысил голос, чтобы сказать правду о Харрисе или защитить его жертв.

В ноябре 1994 года более трехсот пятидесяти учеников школы «Санта-Маргарита» и их родителей провели в парке возле школы 45-минутный митинг в защиту Харриса. Были среди них и родители Райана Ди Мария, еще не подозревающие о том, какую страшную роль уже сыграл Харрис в судьбе их сына. Толпа пела хором «Он отличный парень». В какой-то момент над толпой пролетел самолет с транспарантом: «Мы любим отца Харриса!» Известные люди произносили в защиту Харриса пламенные речи.

— Он — жертва клеветы! — говорила Шерон Коди, член муниципального совета Мишн-Вьехо. — Я верю: в конце концов выяснится, что он не сделал ничего дурного. Однако тяжело знать, что жизнь его уже никогда не будет прежней. Он такого не заслужил!

И снова чиновники от церкви предпочли промолчать.

Наконец, в мае 1995 года на Прайса набросились церковные юристы. По рассказу самого Прайса, его допрашивали одиннадцать дней подряд, по восемь часов в день, несмотря на его обращения в арбитражный суд с просьбами прекратить это беспрерывное испытание. В своих воспоминаниях Прайс рассказывает, как дюжина адвокатов, представляющих интересы церкви и самого Харриса, расспрашивали его о его сексуальной жизни и задавали вопросы такого рода: нравилось ли ему, когда отец Харрис трогал и сосал его член? Фантазировал ли он когда-нибудь о сексе с отцом? Сопротивлялся ли он действиям Харриса? Или охотно их принимал? Звучал и такой вопрос: «Как, по вашему мнению, относится к вашему судебному иску Бог?»

Когда суд отверг его иск за истечением срока давности, церковь, по словам Прайса, пригрозила взыскать с него 60 тысяч долларов судебных издержек. Не желая еще глубже залезать в долги, Прайс бросил борьбу — и после этого его оставили в покое.

Стратегия диоцеза — дезинформация пополам с юридическими «наездами» — сработала. Обвинители Харриса, уже эмоционально надломленные, столкнулись с гневом общества, с целой батареей юристов и перспективой дорогостоящих судебных битв. Кто решился бы продолжать борьбу со столь могущественными противниками?

Райан Ди Мария не хотел судиться с диоцезом. Он хотел лишь получить немного денег на психотерапию и извинения за то, что сделал с ним Харрис в первый год его обучения. В 1988 году Райан тяжело переживал самоубийство друга, и его родители попросили Харриса поговорить с ним. По словам Райана, Харрис повез его в Лос-Анджелес: они вместе поужинали, затем сходили на «Призрака Оперы», а после этого священник привез мальчика к себе домой и оставил ' у себя на ночь. Он предложил Райану лечь в одну постель, но тот отказался и провел ночь в другой комнате на кушетке. На следующее утро, по словам Райана, Харрис несколько раз его изнасиловал.

Следующие шесть лет Райан провел в борьбе с депрессией и с мыслями о самоубийстве. Он хотел поделиться своей тайной — но с кем? Кто поверит его слову против «Отца Голливуда»? Родители его даже ходили на митинг в поддержку Харриса. Райан поклялся, что унесет свой секрет с собой в могилу, и надеялся, что могила не заставит себя ждать. Однажды в 1996 году Райан пил всю ночь, а на рассвете позвонил отцу и сказал, что собирается покончить с собой. Стал объяснять, как получить доступ к его банковским счетам. Родные Райана примчались к нему и успели его остановить. Так правда вышла наружу.

Райан пошел к окружному прокурору; но тот отказался возбуждать дело по факту шестилетней давности (хотя на тот день, когда Райан и его родители подали заявление, срок давности по соответствующей уголовной статье еще не истек). Осенью 1996 года церковные власти провели с семьей официальную встречу, однако не предложили никаких извинений.

— Мы полагали, что оказываем церкви услугу, — рассказывала Диана Ди Мария, мать Райана. — Уже годы спустя нам стало ясно, что в это время они уже знали [о Харрисе] куда больше нашего. И их это не волновало. Они просто хотели заставить нас замолчать.

Недовольный реакцией церкви, в 1997 году Ди Мария подал гражданский иск.

стороны священников, и большинство коллег уговаривали их отказаться от дела Райана. Но они взялись за это дело и следующие четыре года вели войну с диоцезами Оранж и Лос-Анджелес. В то время выиграть у Католической церкви дело о сексуальном преступлении священника удавалось очень и очень немногим. Епископы обладали огромными ресурсами. Темные тайны их подчиненных надежно хранились в секретных церковных архивах недоступные для адвокатов истцов. Часто проблемой становился срок давности: дети — жертвы сексуальных преступлений, как правило, сообщают о том, что с ними сделали, через много лет, уже став взрослыми. Епископы, другие прихожане,

даже друзья советовали, просили, требовали, чтобы жертвы и их семьи не поднимали шума и не бросали тень на Церковь.

Готовясь к суду по делу Ди Марии, его адвокаты потратили более 150 тысяч долларов — для небольшой юридической фирмы целое состояние. В ходе следствия сторона Райана делала различные предложения о соглашении: сто тысяч, сто пятьдесят тысяч и затем, уже ближе к суду, — миллион.

— Но они, попросту говоря, посылали нас куда подальше, — рассказывал Мэнли. — Ну и дураки!

Осенью 2001 года, когда начался суд — и судья дал добро на допрос под присягой кардинала Роджера М. Махони, могущественного архиепископа Лос-Анджелеса, — переговоры о соглашении возобновились. При посредничестве судьи Джеймса Грея из Верховного суда округа Оранж стороны сошлись на беспрецедентной сумме в 5,2 миллиона долларов: кроме того, по настоянию Грея и Райана церковь согласилась ввести новые правила работы с обвинениями священников в сексуальных преступлениях.

Большие споры шли вокруг двух пунктов. Во-первых, адвокаты Райана настаивали на том, чтобы Харриса лишили сана. Но священник, по-прежнему отрицавший свою вину, не желал снимать с себя сан. В результате многочасовых переговоров адвокаты Райана все же протолкнули это условие, и Харрис неохотно согласился обратиться к папе Иоанну Павлу II с просьбой освободить его от священных обетов.

Во-вторых, судья Грей захотел получить от Райана необычное обещание. Молодого человека по-прежнему одолевали мысли о самоубийстве; и судья предложил ему поклясться под присягой, что он будет жить так долго и счастливо, как только сможет. Об этом спорили почти целый день, но наконец Райан дал такую клятву.

***

Наша пространная статья под заглавием «Грехи отца» вышла в ноябре 2001 года, два месяца спустя после заключения соглашения. Мы изобразили в ней глубоко расколотого человека: человека, который большую часть времени творит дела святости, несет свет своим ученикам и их родителям; но на дне его Души прячутся неукрощенные демоны. Порой они вырываются на волю — и святой превращается в хищника.

Однако за этим сюжетом стоял иной, более глубокий и в то время мне еще не вполне понятный: реакция на происходящее епископа и его подчиненных. Они действовали не как пастыри стада Христова, а, скорее, как боссы мафии! Но я описывал их действия как единичный случай — историю одного

испорченного, порочного диоцеза. История отца Харриса хранилась в отдельном «ящике» моего сознания. Да если бы и все религиозные институты полностью погрязли в пороке, думал я, не значит же эго, что Бога нет! Так думать просто смешно! Кроме того, я пока не сомневался, что в религиозных институтах как таковых ничего дурного нет — дурны лишь отдельные люди, какие встречаются в любой организации. И я сурово осуждал отдельный диоцез, забывший о своей сути и предназначении.

Я по-прежнему посещал дважды в педелю католические курсы и впитывал учение Церкви. И был уверен: ни отец Харрис и ему подобные, ни даже целый диоцез Оранж не в силах поколебать мою веру.

***

В боксерском поединке случается порой, что в самом начале боя один противник наносит другому удар по корпусу, чувствительный, но, казалось бы, не причиняющий вреда. Однако этот удар влияет на весь ход дальнейшей схватки. Боксер, получивший тычок под ребра, инстинктивно начинает прикрывать от ударов корпус и открывает для врага голову. Ощущение боли и борьба с ним могут отнять у него силы, которые понадобятся в дальнейшем. И дважды подумает он, прежде чем энергично атаковать противника, открывая при этом уже пострадавшую грудь.

История «Отца Голливуда» стала для меня таким ударом по духовному телу. Но в тот момент я этого не чувствовал. Разумеется, теперь мы знаем, что в Католической церкви такие истории происходили не раз и не два. Со временем мне пришлось понять, что испорченность церкви, так ярко проявившаяся в секс-скандале, католическими учреждениями не ограничивается. И в последующие пять лет журналистской работы я снова и снова возвращался к тому, с чем впервые столкнулся в истории «Отца Голливуда». Церковное ханжество на всех уровнях; вред, приносимый «пастырями» невинным людям; торжество эгоизма над христианскими ценностями; ложь, большая и маленькая; наконец, малодушие последователей Христа, особенно тех из них, что облечены властью, — все это стало постоянными темами моих статей.

Статья о Майкле Харрисе имела и еще одно следствие. Работая над этим сюжетом, я обнаружил в себе склонность к журналистским расследованиям и понял, что мир религии представляет плодородную почву для использования этого Богом данного дара. Я по-прежнему не считал, что это может повредить моей вере. Ведь она так сильна, так реальна! Отец Винсент научил меня молиться по Розарию. Я изучал Библию. Ходил на Крестные Стояния у себя в приходе. Читал книги о святом Франциске Ассизском, святом Августине, святой

Терезе из Лизье, святом Игнатии Лойоле, святом Фоме Аквинском и святом Иоанне Креста. Я молился о том, чтобы ощутить святость, наполнявшую их жизнь, — и, как ни странно, изредка ощущал какие-то ее отблески. Я хотел быть похожим на библейского Давида: человека, полного слабостей, совершавшего ошибку за ошибкой, которого, однако, Писание называет «мужем по сердцу Божьему».

Верить для меня было так же естественно, так же необходимо, как дышать. И я думал: никто и ничто не сможет отнять у меня веру.

9 Золотое правило
По плодам их узнаете их Верующие и вероотступники

> ...Итак, если враг твой голоден, накорми его, если жаждет, напои его...
>
> (Рим 12:20)

Люди веры по большей части мало размышляют об иных религиях, отличающихся от их собственной. Христианам, например, удобно думать, что все христианские деноминации — и католики, и протестанты — равно верят в Иисуса Христа как своего Спасителя и в Библию как Священное Писание. А различия между ними — несущественные мелочи, о которых не стоит и говорить. Однако я в своей работе имел дело с куда более широким спектром религиозных концепций и должен был все принимать всерьез. Я написал немало заметок об иудаизме и исламе, общался с буддистами, унитарианами, индуистами, сикхами, сайентологами, бахаистами и джайнистами. И это вызывало вопросы, с которыми большинство из нас обычно не сталкивается. Что думать, когда встречаешь людей, которые вызывают восхищение, напоминают тебе лучших из твоих собратьев-верующих — однако вера их, по твоему разумению, основана на откровенных нелепостях? Именно с такими людьми я встретился, когда писал о мормонстве.

Мормоны меня восхищали — прежде всего своими высокими моральными стандартами, но из их вероучения я не мог поверить ни единому слову. Говоря вкратце, Церковь Иисуса Христа Святых Последних Дней учит, что в 1827 году ангел по имени Мороний помог Джозефу Смиту раскопать на склоне холма неподалеку от его дома в штате Нью-Йорк золотые пластины с

божественными письменами. Бог снабдил 22-летнего Смита чудесными очками и особыми «провидческими камнями», при помощи которых Смит смог прочесть тексты золотых пластин, написанные на «реформированном египетском», и перевести их на английский. Это оказалось дополнительное откровение Иисуса, названное «Книга Мормона». Мормоны верят, что благодаря этой книге сумели восстановить церковь и сделать ее такой, какой хотел ее видеть Иисус; всех же прочих христиан они считают отступниками.

Книга Мормона повествует об иудейском колене, которое около 600 года до н. э., покинув Иерусалим, переселилось в Новый Свет и здесь разделилось на два враждующих племени. Богобоязненные нефиты были «чисты» (это слово употребляется лишь с 1981 года — раньше их официально называли «белыми») и «радостны». Идолопоклонники ламаниты претерпели «проклятие черноты», от которого кожа их стала смуглой. В 34 году н. э. на Американском континенте явился воскресший Иисус и дал откровение о том, как должны вести себя его последователи. Около двухсот лет прошло в мире, а затем нефиты и ламаниты снова начали войну. К 385 году н. э. смуглые ламаниты стерли своих врагов с лица земли. Этих победителей мормонскаяцерковь считает «основными предками американских индейцев».

Независимые ученые полагают, что вся эта история не имеет ничего общего с действительностью. В 1996 году, в ответ на слух о том, что Смитсонианский институт якобы использует Книгу Мормона в своих археологических исследованиях, институт выпустил ядовитое опровержение. В нем объяснялось в восьми пунктах, почему «между археологией Нового Света и предметом книги [Мормона] нет прямой связи». Сотрудники института указывали, что в Книге Мормона содержится целый ряд анахронизмов — упоминаний о предметах и явлениях, доколумбовой Америке заведомо неизвестных: среди них — быки и коровы, лошади, одомашненные овцы, свиньи и даже слоны, а также сталь, мечи и колесницы.

«В газетах, журналах и популярной литературе часто появляются сообщения о находках в Новом Свете древних египетских, еврейских или иных писаний, якобы восходящих к доколумбовым временам, — гласит опровержение. — Однако ни одно из этих заявлений еще не было подтверждено заслуживающими доверия учеными».

Разумеется, отсутствие свидетельств — это не всегда свидетельство отсутствия: однако неизвестны мне и мормонские археологи, которые искали бы в земле Американского континента древние колесницы и мечи. Единственное возражение, которое можно услышать по этому поводу от

мормонских апологетов, — мол, текст Книги Мормона столь сложен, богат и написан таким высоким пророческим слогом, что Джозеф Смит, человек простой и малообразованный, никак не мог сочинить его сам.

Но все это еще пустяки в сравнении с недавними исследованиями ДНК, однозначно доказавшими, что предки коренных американцев пришли не с Ближнего Востока, а из Восточной Азии. Это опрокинуло самые основы мормонского писания, хоть церковные власти и изобрели поспешно новое толкование Книги Мормона, которое объясняет отсутствие у коренных американцев еврейской крови. Эти торопливые объяснения, составляемые в основном Институтом Бригема Янга, противоречат 150-летнему учению церкви и ее пророков, однако большинство мормонских верующих вполне довольствуются таким разрешением противоречия, если вообще о нем задумываются.

Кроме того, мормоны верят, что вождь их церкви, которого они называют своим президентом и пророком, способен получать откровения непосредственно от Бога. Так, например, Джозеф Смит узнал от Господа, что Эдемский сад находился в округе Джексон, штат Миссури, и что именно там явится Иисус Христос, когда вернется на землю.

В другом, более известном откровении, данном в 1831 году, Бог призвал Смита ввести в церкви многоженство. Позже Смит объяснял: он взял себе множество жен (по подсчетам историков, тридцать три, в возрасте от 14 до 58 лет) просто потому, что не видел иного вывода!

«Бог приказал мне повиноваться, — рассказывал Смит. — Он сказал: если я не приму этого, и не исполню, и не Научу этому других, то буду проклят вместе с моим народом».

Однако в 1890 году, через много лет после смерти Смита, Господь приказал другому мормонскому пророку отменить многоженство. И очень вовремя: как раз в это время из-за полигамии у общины Юты возникли серьезные проблемы с федеральным правительством. А в 1978 году очередной мормонский пророк получил от Бога повеление не воспрещать чернокожим служить в церквях и обходиться с ними так же, как с белыми. Это откровение явилось на 116 лет позже Манифеста Линкольна и на 13 лет позже Акта о гражданских правах.

Любопытна и космология мормонов. Они верят, что до воплощения человеческие души ведут духовное, но в то же время и физическое существование на хрустальном шаре где-то в космосе. Затем эти души — духовные дети, порожденные Богом Отцом и Его женой, — отправляются на

землю и воплощаются в человеческих телах. После смерти у человека есть возможность самому стать богом и обрести собственную планету. Еще мормоны учат, что наша земля, достигнув «состояния освященного и бессмертного», тоже превратится в хрустальный шар.

Мне все это представлялось полной чушью; и однако, сколько я мог заметить, людей, живущих согласно своей вере, среди мормонов куда больше, чем среди других христиан. Большинство из них, как положено, платит десятину — отдает на церковь десять процентов своего дохода. Это позволяет церкви развернуть широкую благотворительную деятельность. Церковь мормонов создала собственную систему социальной поддержки, которой позавидует любое правительство — любой мормон, терпящий финансовые неудачи, может обратиться к ней за помощью. Верующие мормоны не пьют и не курят. Клир их состоит почти полностью из добровольцев: служителей церкви, получающих жалованье, можно встретить лишь в самом Солт-Лейк-Сити. Мормоны соблюдают Семейные Вечера: раз в неделю все члены семьи остаются дома, выключают телевизор, садятся вокруг стола — и ведут духовные беседы, играют в настольные игры, угощаются праздничными лакомствами и просто разговаривают. Около 40% молодых мужчин-мормонов соглашаются участвовать в двухгодичной миссии: в белых рубашках с короткими рукавами, черных брюках и галстуках ходят они от дома к дому, стуча в двери и рассказывая людям о мормонской вере. Можно ли представить себе другую христианскую деноминацию, в которой почти половина молодых мужчин соглашалась бы отдать два года жизни христианской проповеди?

Иисус говорил, что о вере нужно судить по ее плодам:

> Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные. По плодам их узнаете их. Собирают ли с терновника виноград или с репейника смоквы? Так всякое дерево доброе приносит и плоды добрые, а худое деревоприносит и плоды худые. Не может дерево доброе приносить плоды худые, ни дерево худое приносить плоды добрые. Всякое дерево, не приносящее плода доброго, срубают и бросают в огонь. Итак по плодам их узнаете их (Мф 7:15-20).

По плодам мормоны выгодно отличаются от прочих христианских деноминаций — пусть многие протестанты и отказывают Святым Последних Дней в звании христиан. Но если так, почему такое множество мормонов куда

лучше «настоящих» христиан соблюдает христианское учение? Мейнстримовый христианин и начинающий католик, я часто поражался тому, с какой преданной, нерассуждающей верой принимают мормоны свое вероучение — на сторонний взгляд, суеверное и вздорное (да к тому же и расистское). Я знакомился с врачами, юристами, другими высококлассными профессионалами — практикующими мормонами. Как, недоумевал я, как им удается, погасив в себе недоверие, спокойно обходить все препятствия, которые воздвигают перед их здравым смыслом Книга Мормона и биография Джозефа Смита? Численность церкви мормонов в мире быстро растет — согласно церковным данным (которые, впрочем, критики считают сильно преувеличенными), каждый год число их увеличивается на 500 тысяч человек. Неужели все они верят в то, чему учит их церковь? Или просто присоединяются к сообществу, привлекательному своим образом жизни, а на богословие закрывают глаза? Я, едва прочтя их священное писание и проведя минимальный поиск информации, обнаружил перед собой целый Эверест сомнений — а они через него перешагивают, словно через камушек на дороге. Обсуждать свою веру им представляется такой же нелепостью, как спорить о том, вправду ли земля круглая.

Многие христиане-немормоны воспринимают мормонское учение так же, как я. И однако, если вдуматься, так ли нелепо мормонство в сравнении с традиционным христианством? В то время я не видел сходства между верой мормонов в Книгу Мормона и собственной приверженностью Новому Завету, с его рассказами о рождении ребенка у девственницы, о превращении воды в вино, о воскрешении двух человек из мертвых, о том, как монета для оплаты храмовой подати нашлась во рту у рыбы, об Иисусе, ходящем по воде, о пяти хлебах и двух рыбах, накормивших пять тысяч семей, о том, как Иисус и его ученики исцеляли людей от смертельных болезней и непоправимых увечий. И это — только Новый Завет. А в Ветхом Завете мы читаем о Всемирном потопе, о людях, живущих в добром здравии сотни лет, о море, разделившемся надвое, о грандиозном Исходе, не оставившем по себе никаких археологических следов, о том, как хлеб падал с неба каждый день в течение сорока лет, о человеке, прожившем три дня во чреве китовом. Нельзя сказать, что поражающие меня детали мормонского вероучения намного более странны и неправдоподобны. Разница лишь в том, что на библейских историях я вырос. Они привычнее.

К мормонам меня влекло, потому что они чем-то походили на меня: эти люди верили искренне и глубоко, хоть вера и бросала вызов их разуму. После десяти лет христианской жизни отдельные подробности христианского учения,

по-видимому, противоречащие здравому смыслу, меня уже не волновали. Я просто признавал: человеческие руки, писавшие Библию, внесли в Святое Писание несколько мелких, безвредных противоречий. Что же до явно неправдоподобных историй — это аллегории, только и всего. Но мне не давали покоя более глубокие богословские вопросы, типа «почему страдают невинные». Почему на одни молитвы мы получаем недвусмысленный ответ, а других Бог как будто не слышит? Почему автобус, в котором едут дети из христианской школы, попадает в аварию и дети гибнут? Когда маньяк насилует и убивает маленькую девочку — где Бог? Зачем Бог играет с нами в прятки, вынуждая угадывать, чего он от нас хочет?

Мне было стыдно мучиться такими «элементарными» вопросами. Я-то думал, я их давно перерос! Это казалось поражением: как будто я бежал марафонскую дистанцию — и вдруг меня вернули на старт и заставили начинать все сначала. От сомнений я отбивался усиленным чтением христианской литературы, хождением в церковь, молитвами и долгими разговорами с другом Хью. На наших еженедельных пробежках вокруг Бэк-Бэй я заговаривал о страданиях невинных детей, и Хью признавал: он не знает, как ответить на этот вопрос, и при мысли о детских страданиях сердце его разрывается — как и сердце Господа. Однако неизменно повторял он мне: «В сравнении с Вечностью наша жизнь здесь, на земле, — всего лишь мгновение. Если помнить об этом, любое страдание так ничтожно! А зачем оно — мы не узнаем, пока не встретимся с Господом. Тогда, Билли, для нас все прояснится: и это случится совсем скоро, во мгновение ока! Небеса так прекрасны, что я готов подождать».

Оглядываясь назад, думаю, что мормоны тоже были для меня чем-то вроде лекарства от сомнений. В них я видел людей, живущих достойно и благочестиво, несмотря на то что вера их, на мой взгляд, была полна нелепостей. Так, может быть, неважно, во что верить — важно только, как жить? Я восхищался ими: они жили здоровой и святой жизнью. Они заслуживали восхищения куда больше, чем я сам. Однако я полагал, что в наших Писаниях — пусть в них и можно найти кое-какие противоречия — смысла куда больше. Так, быть может, я просто слишком много думаю? Может быть, надо отринуть размышления и положиться на веру? В конце концов, потому она и называется «верой». Существование Бога наука ни доказать, ни опровергнуть не может. Быть может, мне следует взять пример с мормонов: вспомнить о том, что многие интеллектуалы, люди намного мудрее меня, тщательно исследовали учение христианства и сочли его достойным веры. Мне

нет нужды изобретать велосипед. Но тут же я возражал сам себе: иудеи, мусульмане, мормоны, атеисты и все прочие — у всех есть свои учителя, все они касаются великих вопросов... и уверенно дают на них противоречивые ответы. Все эти аргументы крутились у меня в голове, доводя до изнеможения.

Я хотел бы последовать примеру мормонов: просто принять свою веру такой, как есть, и перейти к чему-то более плодотворному — например, жить согласно своей вере. Я часто писал о мормонах — о самых разных сторонах их жизни: от парадоксально «отвязных» мормонских дискотек, на которые съезжается до семисот школьников со всей Южной Калифорнии, до успешности мормонских храмовых браков, процент разводов в которых составляет всего 6% (у заново рожденных христиан — 27%). Я написал репортаж о трех матерях, уговоривших универмаг «Нордстром» провести у себя показ скромных, но нарядных платьев, в которых могли бы пойти на праздник мормонские (а также ортодоксально-иудейские и мусульманские) девушки.

Я даже провел сутки в фургоне, проехавшем 800 миль по пустыням юго-запада, от Солт-Лейк-Сити в Юте до Сан-Бернардино в Калифорнии. Это путешествие было предпринято в память о первом появлении мормонов в Калифорнии в 1851 году. Около шестидесяти Святых Последних Дней, решившихся на это 50-дневное путешествие, поразили меня своей стойкостью. Одетые, как переселенцы былых времен, ехали они в семерых крытых фургонах (среди которых был и двухместный «посудный фургон») через канавы, через пересохшие русла рек, лишь изредка — по мощеным дорогам, более или менее параллельно шоссе Интерстейт-15. Терпели и 40-градусную жару, и свирепые песчаные бури. Одежду стирали в корытах или оттирали на камнях. Каждое утро, перед тем как отправиться в путь, проводили собрание: обсуждали прошедший день, улаживали споры.

Я провел в пути всего сутки, но начал понимать, через что пришлось пройти мормонским переселенцам. Деревянные сиденья в сочетании с неровной дорогой отбили мне всю «корму». Новизна ощущений скоро померкла, сменившись скукой. Фургон тащится со скоростью меньше пяти миль в час; вокруг — один и тот же унылый пустынный ландшафт. Особенно восхищали меня молодые матери. Я-то знаю, как тяжело развлекать детей в автомобильной поездке, даже если к твоим услугам целый набор электронных игрушек! А эти героические; женщины не взяли с собой ничего, напоминающего о современности, но их малыши не скучали, два месяца подряд сидя в тесных фургонах.

Со временем я привык ждать от мормонов преданности вере и семье. Часто мне удавалось узнать в толпе мормона. Вид у них характерный: одеваются мормоны консервативно, всегда чисто выбриты, у них ясный, живой взгляд — и почти всегда они окружены толпой детишек. А еще от них исходит «мормонский дух» — что-то бойскаутское: чистое, бодрое, свежее, энергичное. Рядом с ними легко. Вот так же хотелось жить в вере и мне — быть таким, чтобы люди узнавали во мне верующего с первого взгляда.

Опубликовав репортаж о путешествии в фургоне, я получил по электронной почте приглашение на Генеральную Конференцию бывших мормонов, которая состоится в Солт-Лейк-Сити в будущем месяце. Там, было сказано в письме, я смогу увидеть другую сторону жизни Святых Последних Дней. Конференция была задумана как параллель к мормонской Генеральной Конференции — грандиозному мероприятию, проходящему раз в два года, когда в Солт-Лейк-Сити съезжается до тридцати тысяч мормонов со всех концов земли.

Прежде чем идти в гостиницу, где собирались бывшие мормоны, я побывал на исторической Храмовой Площади — в Ватикане мормонской веры. Мормоны, приехавшие на Генеральную Конференцию, заполнили десятиакровую площадь, над которой с одной стороны возвышается Храм Соленого Озера, возведенный под руководством Бригема Янга, а с другой — Табернакул, здание, где мормоны принимают причастие. Прошел я и мимо церковного конференц-центра — гранитной крепости, вмещающей в себя двадцать одну тысячу человек.

А в соседнем квартале, в тесном и душном конференц-зале второразрядной гостиницы, собрались шестьдесят бывших мормонов. По большей части все они жили в мормонском «поясе джелло» — штатах Юта, Айдахо и Аризона, прозванных так потому, что тарелки с джемом «Джелло» — непременный атрибут мормонскихсобраний. На трехдневной конференции все эти люди искали ответа на один вопрос: как бывшему Святому Последних Дней выжить и не сломаться в густой тени мормонской церкви, к которой принадлежит примерно 70% жителей штата Юта?

«В Юте церковь — ловушка, из которой почти невозможно вырваться», — говорила Сью Эммет, шестидесяти лет, праправнучка Бригема Янга, покинувшая церковь в 1999 году.

В эти несколько дней я пережил нечто очень знакомое. Я снова столкнулся с той ошеломляющей болью, которую причиняют человеческим душам люди веры. На сей раз жертвы страдали не от насилия священников, не от того, что

чиновники от церкви не желали их выслушать. Все было проще и обыденнее: они признались, что больше не верят. И потеряли жен, мужей, детей, других родственников; исчезли из виду их друзья; знакомые перестали узнавать их на улицах; карьера пошла под откос.

Мормонов, открыто отказавшихся от веры, не так уж много. Гораздо чаще, перестав верить, мормоны это скрывают. Такие люди — их называют «пустыми мормонами», — по некоторым оценкам, составляют 25% от списочного состава членов мормонской церкви; однако они не выходят из своего «чулана», опасаясь возмездия. Сьюзи Колвер, еще одной участнице конференции бывших мормонов, и ее мужу потребовался год и четыре месяца, чтобы набраться храбрости и официально заявить о выходе из мормонской церкви. Они боялись, что, едва весть об их отпадении от веры распространится по городку Огдену, штат Юта, населенному в основном мормонами, на них обрушатся всеобщий гнев и презрение.

И долго им ждать не пришлось! По словам Колвер, вся ее семья вдруг сделалась изгоями. До того она возглавляла Общество Милосердия в местной общине Святых Последних Дней; но, едва объявила о своем уходе из церкви, всех ее друзей-мормонов как корова языком слизнула. Ее больше не приглашали помочь с организацией мероприятий в начальной школе, где учились ее дети. Ее решение, рассказывала она, повергло окружающих в такой шок, что деверь, будучи у них в гостях, боялся даже заговорить об этом, несмотря на явные признаки того, что перед ним не мормоны — кофеварку на столе и бутылку «шардонне» в холодильнике.

— Мормоны считают, что, если будут с тобой общаться, могут как-то заразиться твоим неверием, — рассказывала Колвер. — Люди, покинувшие церковь, для них почти что перестают существовать.

На конференцию бывших мормонов съехалась самая разношерстная публика: писатели и домохозяйки, антрепренеры и карикатуристы, алкоголики и страдающие зависимостью от секса. Многие подавлены, другие — полны гнева; и лишь у немногих все идет гладко. Но всех их объединяло одно: они хотели быть искренними, хотели говорить правду о том, что больше не верят, и хотели, чтобы родные и друзья продолжали их любить. Но в сообществе мормонов это почти невозможно.

Экс-мормоны, как и жертвы сексуального насилия священников, встретили меня с радостью, благодарные за то, что хоть кто-то — пусть незнакомец, пусть журналист — готов их выслушать. Как правило, им не с кем поделиться своими горестями. Все эти три дня мы говорили, говорили, выпивали и снова говорили.

Не было конца рассказам о тяготах и унижениях, которые приходится терпеть бывшим мормонам лишь потому, что их вера иссякла.

Один говорил, что переехал в другой город, где нет мормонов, и после этого вздохнул с облегчением: «Такое счастье: заходишь в магазин — и ни одного презрительного взгляда в твою сторону!»

Другая рассказывала о боли, которую причиняют ей взрослые дети, считающие, что она поддалась влиянию дьявола: «Они видят во мне врага, еретичку, угрозу для внуков!»

Еще одна женщина, столкнувшаяся с проблемами в браке, рассказала, что перестала спать с мужем после того, как он отказался снимать на ночь мормонское белье — нижнюю рубаху и кальсоны особого покроя, которые благочестивый мормон должен носить и днем и ночью. Ей хотелось отдохнуть от религиозных символов хотя бы в супружеской постели.

«Мне казалось, что церковь ложится в кровать вместе с нами», — жаловалась она. Наконец муж внял ее мольбам и начал снимать белье, ложась в постель, а она в ответ перестала носить футболку с надписью: «Ты сегодня обнял отступницу?»

Да, в этом собрании звучал смех, было много юмора, порой довольно-таки «черного»; но в целом конференцию экс-мормонов переполняла глубокая скорбь.

В христианстве меня, пожалуй, более всего привлекало бескомпромиссное учение Иисуса о любви к ближнему: люби врагов своих, защищай тех, кто слабее тебя, если видишь заблудшую овцу — иди за ней, куда потребуется, разыщи ее и своей любовью верни в стадо. Готовя репортаж из Солт-Лейк-Сити, я спрашивал себя, почему благочестивые мормоны, столь строго исполняющие многие заповеди Христовы, упускают из виду важнейший Его урок: люби ближнего — даже если он ушел из церкви — как самого себя? Меня не отпускали потерянные лица бывших мормонов, их рассказы о высокомерии и жестокости бывших собратьев. Поразительно, что это происходило у всех на глазах, при полном одобрении церкви. Такая жесткая реакция на отступников, как и повсеместная ее распространенность, свидетельствовали о затаенном страхе. По-видимому, мормонская религия оказывалась непрочна, как карточный домик, — и любая серьезная угроза ей вызывала защитную реакцию.

В то время я это не анализировал — мне просто было жаль пострадавших. И я делал то единственное, что мог: молился — и за бывших мормонов, и за тех,

кто причинял им такую боль. Молился о понимании и воссоединении. О том, чтобы Бог помог им всем простить друг друга, исцелиться и вернуть любовь.

Самая короткая фраза в Библии в переводе на английский звучит так: «Иисус прослезился» (Ин 11:35). Иисус заплакал у гробницы своего друга Лазаря, которого затем воскресил из мертвых. Проповедники любят эту короткую фразу, в двух словах открывающую нам человеческие чувства Иисуса, его любовь и доброту. После поездки в Юту мне казалось, что Иисус плачет над бывшими мормонами, отвергнутыми и одинокими. И я плакал вместе с ним.

10 Жернова на шеях

Мерзость Снимаем гриф «Секретно» Где сердце церкви

> А кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его во глубине морской.
>
> (Мф 18:6)

Бывшие мормоны, брошенные церковью, родными и друзьями, — это еще не самое страшное. Гораздо хуже пришлось католикам, преданным собственной церковью после того, как священник совершил насилие над ними или над кем-то из их близких. Здесь речь шла о преступлениях — тяжких уголовных преступлениях, возведенных в систему.

6 января 2002 года, через месяц с небольшим после выхода моей заметки об экс-мормонах, газета «Бостон Глоуб» опубликовала первую часть статьи, живописующей в душераздирающих подробностях масштаб сексуального скандала в Бостонском архидиоцезе. Я еще не знал, что эта публикация навеки изменит и мою духовную жизнь, и карьеру религиозного репортера. Через несколько месяцев мне предстояло обратиться в католичество. В ближайшие недели я должен был лицом к лицу столкнуться с вопросом: если церковь испорчена — не бросает ли это тень на Бога? В то время ответ казался мне очевидным: разумеется, нет! Теперь я думаю, что ошибался.

Репортеры «Глоуб», получившие за это расследование Пулитцеровскую премию, поведали историю отца Джорджа Джеохана — священника, обвиненного в растлении, по меньшей мере, ста тридцати мальчиков, в основном учеников средних школ. Самому младшему было всего четыре года.

Еще омерзительнее выглядела эта история из-за того, что кардинал Бернард Лоу с 1984 года, то есть с самого своего вступления в должность Бостонского архиепископа, знал, что в его епархии служит сексуальный хищник, и ничего не сделал, чтобы его остановить. (Насиловать мальчиков Джео-хан начал немедленно после своего рукоположения в 1962 году, на первом же месте службы.) Напротив — Лоу переводил его в новые приходы, где Джеохан находил себе новых жертв, а их родители не подозревали, что доверяют своих детей серийному насильнику. Четырнадцать лет и несчетное число жертв понадобилось кардиналу, чтобы наконец задуматься об отстранении Джеохана от священнослужения.

Действия Лоу типичны для католических епископов. Он делал то, чему его учили: не выносил сор из избы, любой ценой избегал скандала, способного бросить тень на церковь. Но он не понимал одного: в 2002 году Католическая церковь уже не может жить так, как раньше. Гражданские власти больше не станут закрывать глаза на преступления; журналистов не удастся ни запугать, ни игнорировать. Когда журналисты «Глоуб» попытались получить у Лоу комментарий по делу Джеохана, его пресс-секретарь не только отказалась от комментариев, но и заявила: архидиоцез «не интересуют те вопросы, которые может задать пресса». Церковники полагали, что, как случалось уже неоднократно, скандал быстро утихнет.

Первая статья, вышедшая в январе 2002 года, стала событием еще и потому, что сорвала завесу секретности, за которой пряталась церковь на протяжении десятилетий. В поисках фактов репортеры «Глоуб» прочесали 84 гражданских иска против Джеохана, решение по которым было еще не вынесено. Оказалось, что доступ к материалам дел им закрыт, поскольку церковные юристы добились от судьи распоряжения засекретить дела. (26 января 2002 года, после ходатайства журналистов, судья наконец открыл дела для прессы и публики.) Однако и из голых фактов, изложенных в исковых заявлениях, вместе с душераздирающими интервью повзрослевших жертв Джеохана, журналисты сумели создать историю, от которой кровь стыла в жилах.

Зная, что «Глоуб» работает над масштабным журналистским расследованием, кардинал Лоу предпринял все возможное, чтобы остановить публикацию статьи. Его адвокат угрожал «Глоуб» судебным преследованием, если газета предаст гласности конфиденциальные материалы дел. Более того: по сообщению газеты, поверенный Лоу «предупреждал, что обратится в суд и потребует санкций даже в том случае, если «Глоуб» попытается войти в контакт

со священниками, замешанными в деле».

Получившийся в итоге сюжет фактически повторял, в увеличенном виде, наш рассказ об «Отце Голливуде»: в статье рассказывалось о том, как Католическая церковь покрывала священника-насильника, не обращая внимания на жалобы его жертв. Так зашаталась моя удобная теория о том, что Харрис — единичный случай.

Я был членом Ассоциации Религиозных Репортеров — сообщества профессиональных журналистов, пишущих о религии в разных штатах США. Едва в «Глоуб» вышла первая часть статьи, религиозные репортеры зашумели. Мы видели: этот сюжет способен выйти за пределы Бостонского архидиоцеза и затронуть другие епархии. А вскоре бостонский судья передал газете 30 тысяч страниц внутренней церковной документации — и скандал прогремел на всю Америку.

Бостонские церковные документы, охватывающие несколько десятилетий конца XX века, ясно показывали, как обходилась церковь почти со всеми сексуальными преступлениями священников. Во-первых, провинившегося священника переводили в новый, ничего не подозревающий приход, в крайнем случае — отправляли в другой диоцез или в другую страну. Во-вторых, жертв и их родных обманывали или запугивали. Никогда церковь не обращалась в полицию для расследования этих преступлений; никогда не предупреждала прихожан, что с новым священником у них могут возникнуть проблемы.

Особенно тошнотворными и для бостонских прихожан, и для католиков по всей стране выглядели приложенные к делам записки Лоу и его помощников. В том числе — теплое письмо Лоу к Джеохану в 1996 году, после того как насильник был вынужден выйти за штат.

«Невыразимо жаль, что ваше служение, во всем прочем успешное, было омрачено болезнью, — писал кардинал. — Хочу поблагодарить вас от себя и от имени тех, кому вы верно служили. Понимаю, как вам сейчас тяжело. Поистине, Страсти наши безмерны и нестерпимы».

Слово «Страсти» с большой буквы, очевидно, отсылало к страданиям Христа на кресте — с ними кардинал сравнил страсть Джеохана к насилию над детьми!

Похожее и столь же теплое письмо отправил кардинал в 1991 году Роберту М. Бернсу, еще одному серийному насильнику, принужденному оставить служение. «От всей души мы желали бы иного исхода, но, увы, произошло то, что произошло, — писал Лоу. — И тем не менее мне кажется важным выразить

вам благодарность за вашу заботу о пастве Бостонского архидиоцеза... Я уверен: в течение этих лет вы были живым органом любви Господней в жизни большинства людей, которым вы служили».

В документах кардинал обозначал растление и насилие эвфемизмами: «неподобающие действия», «нарушение границ», «неподобающие отношения». Неподобающие отношения?! Одному священнику, отправленному служить в Калифорнию, Лоу дал прекрасную рекомендацию, невзирая на то что этот священник публично выступал в защиту сексуальных отношений между взрослыми мужчинами и мальчиками!

Подобные истории (в том числе история «Отца Голливуда») и в предыдущие два десятилетия всплывали то тут, то там, но не выходили за границы епархий. Однако к 2002 году церковь уже не могла держать свои темные тайны в секрете. До сих пор церковные власти полагались на симпатизирующих католикам полицейских, прокуроров, судей и журналистов, которые не станут выносить позор церкви на публику; однако теперь этот «заговор старых друзей» дал трещину. Новой эпохой прозрачности мы обязаны пришествию Интернета: он дал возможность мгновенно распространять новости по всей стране и побудил многих журналистов начать расследования на ту же тему в своих диоцезах. Кроме того, Интернет сделался источником информации для самих жертв: теперь они следили за карьерой своих обидчиков, выясняли, выдвигались ли против них другие обвинения, черпали силы в общении с другими пострадавшими. Многие впервые осознали, что они не одиноки и могут что-то изменить. Интернет сорвал завесу тайны, за которой пряталась церковь, и грехи Бостонского архидиоцеза откликнулись эхом по всей стране.

Только в первые два месяца католического секс-скандала в растлении детей были обвинены почти 100 священников из 11 штатов: их обвиняли либо сами жертвы, решившись возвысить голос, либо журналисты, предприняв расследование. И это было только начало. Скоро стало казаться, что Католическая церковь извергает из себя потоки многолетней грязи и гнили, скрытой от глаз и отравившей ее изнутри. В докладе, представленном епископами США в феврале 2004 года, сообщалось, что начиная с 1950 года 4392 священника — 4% всех клириков — растлили не менее десяти тысяч несовершеннолетних. Поскольку этот доклад епископы составляли сами, а многие жертвы так и не заявили о себе, можно с уверенностью сказать, что даже эти огромные цифры занижают масштаб скандала. Меня больше поразила другая цифра: лишь два процента священников, растлевавших детей,

были приговорены к тюремному заключению. Это позволяет представить и мощь церкви, и масштаб «заговора молчания».

Эти священники и их епископы забыли слова Иисуса Христа, сказанные Его ученикам: «Кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его во глубине морской» (Мф 18:6).

Я продолжал работать и над другими религиозными сюжетами, однако редакторы хотели, чтобы я сосредоточился на католическом секс-скандале. И я начал двойную жизнь. Днем изучал историю местных диоце-

зов, копался в судебных архивах, разговаривал с бесконечной вереницей жертв, а также с епископами, их помощниками, юристами и священниками. А в свободное от работы время ходил на курсы и готовился стать католиком.

***

Курсы Обряда Христианского Посвящения для взрослых многому меня научили. Я узнал, что доктрина Непорочного Зачатия говорит не о беременности без полового акта, а о зачатии без греха. Лучше понял догмат о непогрешимости папы, который со времен его принятия в 1870 году использовался всего один раз — в 1950 году, когда папа Пий XII принял новое учение о Деве Марии как доктрину вероучения. Мне нравилось знать, что в церковный алтарь, как правило, вмурован ковчежец с останками святого, зачастую того, которому посвящена церковь. Я открыл для себя красоту четырнадцати Крестных Стояний — барельефов или картин в католических церквях, изображающих последние часы жизни Иисуса. Размышляя и молясь перед каждой картиной, вы словно становитесь свидетелем Страстей Христовых, начиная со смертного приговора и заканчивая воскресением. Я не мог дождаться 30 марта 2002 года — Пасхального бдения, дня, когда мне предстояло присоединиться к Католической церкви. До него оставалось чуть больше двух месяцев.

Итак, днем я писал о сексуальных преступлениях священников, а по вечерам и в выходные дни ходил в церковь и не подозревал, что моя вера в смертельной опасности. Я верил в Иисуса и в Его церковь: быть может, думал я, само церковное учреждение и прогнило, но цели его остаются святыми и благими.

Однажды вечером о секс-скандале заговорил с нами отец Винсент. Он предупредил будущих католиков: нельзя позволять, чтобы дурные клирики — которых, разумеется, немного, но они встречаются — отравляли наши души. По его словам, священники, растлевавшие детей, заслуживают самого сурового

наказания: он назвал их убийцами душ. Однако, предупредил отец Винсент, если мы позволим их деяниям убить нашу веру, то совершим духовное самоубийство. Его слова глубоко меня тронули, и я поклялся себе никогда не вступать на этот гибельный путь.

Однако со временем я понял, что отец Винсент ошибался. «Духовное самоубийство» предполагает, что человек сознательно принимает решение отказаться от веры. Но ведь это происходит не по собственному желанию! Многие отчаянно хотят верить — и не могут. С ужасом и душевной мукой понимают, что их вера иссякла, но оказываются не в силах ее вернуть. Если бы после такой «духовной смерти» проводилось вскрытие, то причиной смерти экспертиза назвала бы не убийство и не самоубийство. Она установила бы, что смерть произошла от естественных причин: организм веры рухнул под грузом опыта и рассудка.

Однако в начале 2002 года я по-прежнему считал, что вера в Бога и Иисуса — вопрос свободного выбора; и я свой выбор сделал. Мне очень нравилась ветхозаветная сцена, в которой Иисус Навин объявляет о своем выборе собратьям-иудеям, чья вера была, по меньшей мере, нестойкой:

> Если же не угодно вам служить Господу, то изберите себе ныне, кому служить, богам ли, которым служили отцы ваши, бывшие за рекою, или богам Амор-реев, в земле которых живете; а я и дом мой будем служить Господу (Ис Нав 24:15).

Я выбрал то же, что и он. Тех, кто сделал другой выбор и отказался служить Господу, мне было жаль. Не потому, что они отправятся в ад: я верил, что любящий Бог милосерден ко всем Своим детям, как бы они ни уклонялись от пути истинного. Но мне казалось, что эти люди сами лишают себя лучшей жизни — глубокой, осмысленной, счастливой: той, которую открыл для себя я и которую не собирался ни на что менять. Я веровал всем сердцем, и чтобы отвратить меня от Господа, требовалось что-то посерьезнее порочных католических епископов!

***

Мне было очевидно, что главные «герои» этой истории — не сами развратные священники, а епископы, которые их покрывали. По их вине тысячи новых

жертв подвергались оральному насилию, содомии, насильственной мастурбации. И в наши дни большинство этих епископов остались на своих местах, некоторые получили повышение, и всех их верующие глубоко чтят и почтительно именуют «пастырями» (а кардиналов — «их преосвященствами»). Кардинал Лоу, изгнанный из Бостона своими священниками и прихожанами, теперь первосвященник в римской Базилике Девы Марии; он служил одну из погребальных месс по папе Иоанну Павлу II.

Папа Бенедикт XVI заявил, что растлителей среди священников менее одного процента и что католический секс-скандал в Америке «был разожжен средствами массовой информации намеренно, с использованием манипулятивных средств... с целью дискредитировать церковь».

Ларри Драйвон, адвокат из Северной Калифорнии, представляющий интересы пострадавших от сексуального насилия, поясняя роль священников и епископов в этом скандале, приводит такую аналогию: допустим, в зоопарке тигр-людоед съел посетителя. Кто в этом виноват: тиф или служитель, который знал, что тигр опасен, но сознательно оставил клетку открытой? Епископы знали, что на них работают людоеды, и позволяли им рыскать на свободе в поисках добычи.

В ходе секс-скандала выявился непреодолимый идеологический разрыв между подавляющим большинством католического клира и всем остальным обществом. Традиционной католической культуре и воспитанию открытость и прозрачность чужды. Две тысячи лет Католическая церковь была сама себе госпожой и ни перед кем не отчитывалась в своих делах. Какие бы сладкие речи ни произносили сейчас епископы под диктовку своих пиарщиков — католическая психология не изменилась за один день и вряд ли изменится в обозримом будущем.

Многие клирики восприняли общественный интерес к секс-скандалу как нападение на церковь, для них — единственную хранительницу истины. Думаю, именно поэтому в прошлом епископы и церковные юристы так жестоко чернили пострадавших, осмелившихся протестовать против насилия. Жертвы угрожали навлечь на церковь скандал, а это могло подорвать в чьих-то глазах святость католичества. Если ребенок упадет с церковного крыльца и сломает себе шею — церковь, возможно, заявит, что это не ее вина, однако не станет нападать на ребенка в инвалидном кресле. Но эти люди были не просто истцами — это были враги, которых нужно стереть в порошок, чтобы в будущем ни у кого не возникло и мысли о новом нападении!

В то время как многие клирики видели в журналистских репортажах и в

возмущении общества нападение на самые основы католичества, большая часть общества просто не могла понять, почему люди Божьи не защищали детей, вверенных их попечению. Приведу здесь вступительные абзацы доклада Большого Жюри штата Филадельфия (в которое входили несколько воцерков-ленных католиков) — лучше, чем они, не скажешь:

> В этом докладе рассказывается о результатах расследования Большого Жюри: о том, как десятки священников совершали сексуальное насилие над сотнями детей; о том, как церковнослужители Филадельфийского архидиоцеза, в том числе кардинал Бевилаква и кардинал Кроль, допускали и поощряли это насилие; о том, какие изменения необходимо внести в законодательство, чтобы это не повторилось.
>
> События, о которых мы узнали, хочется назвать трагическими. Однако трагедия - как, например, разрушительное цунами - совершается не по воле человека. Здесь же речь пойдет не о деяниях Божьих, но о преступлениях людей, прикрывавшихся именем Божьим и его осквернивших.
>
> Самое страшное, что у них все получалось. Священники-насильники, выбирая своими жертвами детей и злоупотребляя их доверием, добивались того, что их сексуальные преступления не получали огласки или же получали огласку много лет спустя, по истечении установленных сроков давности. Аналогичным образом дотягивали дела до истечения сроков давности чиновники архидиоцеза, которые не давали хода поступающим жалобам и скрывали преступления священников. В результате и священники, и их епископы теперь избегнут уголовного преследования. Мы непременно возбудили бы против них уголовные дела, если бы это позволял закон.
>
> ...Священники, совершавшие сексуальные преступления, либо оставались на своих местах, либо «переправлялись» в новые, ничего не подозревающие приходы. Эта практика увеличила число изнасилованных и совращенных детей на несколько порядков. Очевидно, что атмосфера сострадания к пострадавшим детям и незамедлительные меры пресечения преступлений позволили бы значительно снизить причиненный ущерб.

Ведущий следователь штата Филадельфия, многолетний помощник окружного прокурора по имени Уилл Спейд, позднее признался в интервью «Нэшнл Католик Репортер», что беседы с десятками жертв поразили его так, как ни одно другое расследование в его работе.

— Какой-то бесконечный конвейер, — рассказывал он. — Фабрика боли. День за днем — все новые и новые искалеченные люди.

— Бывало, — продолжал он, — после особенно тяжелого дня я возвращался домой, ложился на кушетку, клал голову жене на колени и плакал — просто плакал навзрыд.

Я журналист, я писал об этом — и ко мне тоже толпой шли пострадавшие. Почти каждый день новая жертва рассказывала мне свою историю; и каждая история разрывала мне сердце. Отец четырех сыновей, я живо представлял себе, какое страшное, беспросветное горе обрушилось бы на нашу семью, если бы священник, которому мы доверились, изнасиловал кого-нибудь из наших мальчишек. Приходили ко мне и оправдания епископов — на официальных церковных бланках, полные уверток и прямой лжи. И то, и другое преследовало меня и не давало мне покоя. Я проработал в журналистике больше двадцати лет: сталкивался с убийствами, изнасилованиями и другими жестокими преступлениями, с трагедиями и бессмысленными смертями. Но это... невинность детей, чистая вера их родителей, извращенность священников, порочность епископов... нет, это было для меня уж слишком!

Единственным, что помогало мне заглушить голоса жертв, стал алкоголь. Со времени своего «нового рождения в вере» я не злоупотреблял спиртным и редко выпивал больше бутылки пива в неделю: но теперь обнаружил, что, возвращаясь с работы, первым делом иду к бару и наливаю себе одну за другой несколько стопок чего-нибудь покрепче. Я с нетерпением ждал конца вечера, когда — обычно после того, как дети лягут спать, — порция текилы или рома согреет меня изнутри и притупит мои чувства. Потребность в таком «самолечении» меня беспокоила: так и спиться недолго. К тому же я не чувствовал за собой права страдать. Кто я такой? — просто слушатель чужих историй. То ли дело настоящие жертвы! Свою боль, как и способ ее исцеления, я держал в тайне от всех, кроме жены. С ней я делился всем, что узнавал за день. Впоследствии оказалось, что это спасло наш брак. Мы с ней шли одним и тем же духовным путем — куда бы он нас ни привел.

А путь этот, как выяснилось позже, вел к скептицизму. Нам еще предстояло обнаружить глубокую связь между верой в церковь и верой в Бога.

Католическая церковь являет собой крайний пример преклонения перед религиозным институтом, поэтому ей и удавалось скрывать преступления на протяжении многих десятилетий. Католики-миряне не имеют права сомневаться в своих «отцах». Их вера в священников очень похожа на веру в Бога — и там, и там требуется перешагивать через сомнения и не задаваться неудобными вопросами. Вот почему атеистов и агностиков часто называют «свободомыслящими».

Едва ли мы с Грир смогли бы и дальше счастливо жить в браке, если бы один из нас оставался благочестивым верующим, а другой утратил веру. Такая разница во взглядах слишком велика, чтобы можно было перебросить через нее мост или просто ее не замечать.

Я свою боль хранил в себе, но многие пострадавшие делились ею с миром. Разразившийся скандал помог им наконец обрести голос. То, что много лет таилось под спудом, хлынуло наружу. 21 марта 2002 года я писал об этом:

> После долгих лет очернения, замалчивания, отмахивания, просто игнорирования - борцы с сексуальным насилием священников наконец достигли своей земли обетованной. Неведомой страны, где католические епископы просят у них прощения, полиция, суд и власти к ним прислушиваются, дружественная армия журналистов сражается на их стороне.
>
> А еще - и это, быть может, важнее всего для их истерзанных душ - люди наконец им верят.
>
> - Не думал, что доживу до этого дня! - говорит Дэвид Клохесси, генеральный директор Сент-Луисской Сети Взаимопомощи Пострадавших от Насилия Священников (СВПНС), одной из двух крупнейших подобных групп в США, включающей в себя 3500 человек. - Так долго мы кричали во весь голос - и нас никто не слышал!

Секс-скандал создал плодородную почву для журналистики. Остросюжетная драма, разворачивающаяся на наших глазах — секретные документы, обманы, трагедии, судебные иски, герои, злодеи и многомиллионные компенсации, — давала мне обширный материал для статей, известность которых выходила уже за пределы нашего округа. Я чувствовал себя словно телерепортер, который, привязанный к пальме, ведет репортаж об урагане. К марту другие журналисты «Таймс», обычно не

проявлявшие к религиозной тематике никакого интереса, начали проситься ко мне в команду — почуяли запах добычи!

До моего присоединения к Католической церкви оставалось несколько недель. Скандал по-прежнему казался мне необходимым злом: без него не произошло бы очищение, в котором, как видно, церковь очень нуждалась. Я надеялся, что общественное негодование заставит американских епископов ввести реформы, которые защитят детей прихожан и вернут Церковь к изначальной святости, и втайне гордился тем, что в это преображение внесут свой скромный вклад и мои репортажи. Ничего антикатолического в этом процессе я не видел. Ведь в результате Церковь исправится и снова начнет ставить заповеди Иисуса превыше корпоративных принципов!

Я вспоминал историю Церкви. И прежде случалось, что католичество сходило с пути, завещанного Иисусом, но всякий раз его возвращал на узкий и прямой путь какой-нибудь реформатор, бросавший вызов истеблишменту, многими ненавидимый при жизни, но после смерти почитаемый как святой. Историкам хорошо известна испорченность Церкви времен Возрождения, когда папы и их подчиненные имели детей и вообще вели самую непотребную жизнь. Но у сексуального насилия еще более долгая история. Еще в IV веке н. э. святой Василий Кесарийский, не в силах терпеть развращенность клира, составил детальную систему наказаний для монахов своего монастыря, растлевавших мальчиков. Преступников бичевали, шесть месяцев держали в цепях — и после этого им никогда не дозволялось оставаться наедине с детьми и юношами. В XI веке святой Петр Дамиан, бенедиктинский монах, написал трактат под названием «Книга Гоморры», который около 1050 года презентовал папе Льву IX: в нем он просил папу принять неотложные меры для прекращения сексуальных преступлений священников, в том числе растления малолетних.

«Если [Католическая церковь] не вмешается так скоро, как только возможно, — писал святой Петр Дамиан, — нет сомнений, что это разнузданное шествие порока уже не удастся остановить».

В ответном письме папа хвалил Дамиана за обращение к этой теме и указывал: необходимо лишать священнического сана всех клириков, которые долгое время (или недолго, но со многими) «оскверняли себя какой-либо из двух мерзостей, тобою описанных, или же — о чем ужасно и слышать, и говорить — опускались до анального соития».

Кроме того, Лев IX предупреждал: «Кто не борется с пороком, но смотрит на него сквозь пальцы, о том справедливо будет сказать, что сам он становится

причиною собственной гибели, как и тот, кто умирает во грехе».

Некоторые, в том числе и многие священники, называли журналистов, пишущих на эту тему, врагами веры и церкви. Но другие католики — как правило, люди глубокой и строгой веры — хвалили наши публикации и требовали, чтобы мы шли до конца. Они не боялись, что обнародование тысяч преступлений, совершенных в стенах церкви, погубит католичество. Они верили, что это его очистит.

***

Сомнение. Все чаще оно овладевало мною. Близился день моего обращения, и чем ближе, тем яснее я ощущал это новое чувство. К Богу оно (как я тогда думал) не имело ни малейшего отношения; однако я начал колебаться. Стоит ли мне присоединяться к церкви именно сейчас? Не будет ли это пощечиной жертвам священников, доверявшим мне сво истории? Мало кому я говорил о том, что собираюсь стать католиком. Жертвы ничего бы об этом не узнали. Но я-то знал! И где-то в глубине души ощущал, что поступаю неправильно.

Однако я твердо верил, что церковные институты выйдут из скандала очищенными и обновленными, и не забывал совет одного друга: «Смотри на Того, что на кресте, а не на тех, что в алтаре!» Церковь — Божья, а не человеческая. Учитывая человеческую греховность, совершенной она не станет никогда. Но недостатки церкви не мешают верующим католикам вместе молиться, принимать Причастие и вести духовную жизнь — значит, не должны помешать и мне.

Я искал утешения в мысли, что сердце церкви — не на амвоне и не в высоких кабинетах, а на церковных скамьях. Простые католики, как и будущие католики с курсов катехизации, мне очень нравились. Нечасто приходилось встречать таких милых, симпатичных людей. Они окружали меня любовью и даже осыпали подарками — дарили диски с григорианскими хоралами или освященные четки из Лурда. Я не сомневался: читая о секс-скандале, они содрогнутся от отвращения и со временем вернут дом Божий Богу. Так я боролся с сомнениями и готовился стать католиком.

11 Тихое веяние, которого мы не слышим

Аплодисменты педофилу Страшное предательство Церкви Кто же испорчен

После землетрясения огонь, но не в огне Господь; после

огня веяние тихого ветра.

(3 Цар 19:12)

Первые выходные марта 2002 года я узнал два интересных факта. Первый: кардинал Лос-Анджелесский Роджер Махони негласно запретил в служении нескольких (от 6 до 12) священников, в прошлом у которых имелись подтвержденные случаи сексуальных преступлений. Среди лишенных сана — двое священников, осужденных за развращение малолетних, однако продолжавших служить, и еще один, который за несколько лет до того признался кардиналу, что растлил двух мальчиков — после чего продолжил растлевать других.

И второй: епископ Оранжский Тод Б. Браун распорядился, чтобы священник из городка Ранчо-Санта-Маргарита, признавшийся в растлении мальчика, покинул свой пост, и в это воскресенье, на службе в церкви Святого Франциска Соланского, священник Майкл Печарич объявит о своей отставке. Чиновники диоцеза, в духе новоприобретенной открытости, приглашали меня посетить службу, а затем присутствовать на «исцелительной» встрече с прихожанами.

До сих пор я полагал, что в диоцезах Лос-Анджелес и Оранж священников-насильников не осталось. Ведь еще больше полугода назад, в ходе соглашения с Райаном Ди Марией, кардинал Махони и епископ Браун пообещали от них всех избавиться! Как выяснилось, я был наивен. Более чем любопытно, что прелаты решились расстаться с педофилами не раньше, чем в двери их епархий постучался секс-скандал национального масштаба. Все новые и новые жертвы заявляли о себе — и диоцезы поспешили избавиться от известных им насильников, не дожидаясь, пока какой-нибудь пострадавший или журналист обвинит их в том, что, позволяя священникам-извращенцам служить, они нарушают условия сделки. Увы, в этом случае — как и во многих других, о которых мне случалось писать, — не следовало верить «Божьим людям» на слово.

***

3 марта 2002 года, теплым солнечным днем, я вошел в элегантную, в стиле испанской миссии, церковь в Ранчо-Санта-Маргарита, чтобы посмотреть, как диоцез Оранж избавляется от отца Майкла Печарича.

Церковь была полна: здесь собралось несколько сотен католиков. Отец Майк — так называли его прихожане — стоял перед своей паствой, которую возглавлял более десятилетия. Он зачитал краткое заявление. 19 лет назад он

согрешил — «нарушил личные границы подростка». (Позже выяснилось, что на самом деле его обвиняли в сексуальных преступлениях по отношению к нескольким детям, и диоцез об этом прекрасно знал.)

Сейчас в диоцезе введена политика нулевой терпимости, и его принуждают выйти в отставку. В этом заявлении священник представал настоящим мучеником: его гонят прочь из церкви за одну-единственную ошибку, всего лишь за какое-то «нарушение границ», к тому же происшедшее почти двадцать лет назад! Печарич умолк, и в церкви воцарилось потрясенное молчание. Несколько женщин полезли в сумочки за носовыми платками. Отец Майк вышел из церкви, и прихожане, поднявшись с мест, проводили его аплодисментами.

Далеко не сразу я начал понимать, что эти люди — тоже жертвы. Много лет отец Майк был их духовным наставником, крестил их, венчал и хоронил. Он принимал у них исповедь, к нему они шли за советом. Приглашали его к себе в гости. У них просто не укладывалось в голове, что отец Майк, которого они знают и любят, — растлитель детей.

Услышав аплодисменты, я сперва не поверил своим ушам. Стоячая овация?! Да ведь этот священник только что признался, пусть и в очень расплывчатых выражениях, что развратил ребенка! А чиновники из диоцеза уже давно об этом знали и не позаботились сообщить об этом прихожанам церкви Святого Франциска, безбоязненно оставлявшим детей на попечение пастора! Как отец, я чувствовал гнев и отвращение. Представьте: учитель из школы, где учатся ваши дети, обожаемый детьми и уважаемый их родителями, вдруг признается, что однажды растлил ребенка и что руководство школы все это время было в курсе дела, однако не уволило его, не сообщило в полицию, не побеспокоилось даже предупредить родителей! Вы станете защищать такого учителя? Или ужаснетесь тому, что сексуальный хищник работал с вашими детьми, имел к ним свободныйдоступ, пользовался у них любовью и доверием, а вы даже ни о чем не знали? Думаю, случись такое — родители добились бы и увольнения директора школы, и возбуждения против него уголовного дела за укрывательство преступления и пособничество преступнику.

После службы я вместе с прихожанами направился в новое, недавно отстроенное здание для приходских собраний. Здесь работники диоцеза собирались провести «исцелительную встречу»: дать людям высказаться и ответить на их вопросы. Я сел в заднем ряду. Несколько прихожан, кипя от ярости, забросали представителей диоцеза вопросами о том, почему, если

священник согрешил 19 лет назад, а церковные власти узнали об этом в 1996 году, наказывают его только сейчас! Возмущал их не грех отца Майка, а его смещение. Другие требовали объяснить, почему церковные власти уверены, что отец Майк действительно совершил преступление. Ответ: он сам признался.

Скоро разговор перешел на то, чем может приход вознаградить отца Майка за «незаслуженную» обиду. Кто-то предложил назвать новый дом приходских собраний его именем. Другие поддержали. Я озирался кругом, спрашивая себя: неужели мне одному кажется, что все это какое-то безумие? Встретился взглядом с человеком, стоявшим у боковой двери. Крупный, мускулистый мужчина с короткой стрижкой, по виду военный или полицейский. Гневно сжав губы, переводил он взгляд с одного на другого защитника Майкла Печарича. Я видел, как на шее у него вздуваются жилы. Наконец он вскричал:

— Остановитесь и подумайте о том, кого вы ставите на пьедестал!

Прихожане умолкли. Суровым и гневным тоном незнакомец объяснил, что служит помощником шерифа и не раз расследовал случаи сексуального насилия над детьми. Крайне редко случается, сказал он, чтобы педофил ограничился одной жертвой! И почему, спрашивается, никто, кроме него, не возмущен тем, что правду об отце Майке им сообщили только сейчас? Он сам много раз оставлял детей в церкви, не подозревая, что за ними присматривает педофил! Как посмела церковь скрыть это от родителей? В заключение своей речи он спросил, почему ни один человек здесь ни словом не упомянул жертву преступления? Почему все сочувствие досталось преступнику? С этими словами он развернулся и вышел.

Я сунул блокнот в карман и, вскочив, хотел бежать за ним, чтобы получить разрешение его процитировать. Но в этот момент из первого ряда поднялась женщина и крикнула:

— А у меня есть еще более важный вопрос!

«Так-так, становится жарко! Надо послушать!» —

сказал я себе и остался на месте.

И вдруг она повернулась и ткнула пальцем в меня:

— Что здесь делает репортер из «Таймс»?!

Понятия не имею, откуда она меня знала; но после этих слов гнев толпы прихожан, за неимением лучшего, обратился на меня. Люди вопили и махали руками. Я быстро сказал, что с удовольствием объясню, что здесь делаю и кто меня пригласил, но сперва мне нужно переговорить с джентльменом, который

только что вышел. После этого обязательно вернусь.

Я выбежал за дверь и поймал полицейского во дворе. Он вежливо объяснил, что не может дать мне интервью — это запрещено служебными инструкциями. Я пошел назад, но в дом собраний войти не смог — дорогу мне преградила шеренга разъяренных католиков. Они орали, что мне здесь делать нечего. Я ответил: меня пригласил епископ. Они кричали, что эта история — не для газетных новостей. Я возразил, что католический приход, насчитывающий более четырех тысяч семей, по-видимому, крупнейшая и самая влиятельная организация в городе, а отец Майк — один из известнейших жителей Ранчо-Санта-Маргарита; следовательно, этому сюжету по любым стандартам самое место в новостях. Они вопили, что, если я опубликую статью, это разрушит жизнь отца Майка, а я отвечал, что отец Майк сам разрушил свою жизнь, когда растлил мальчика. На это они отвечали: они уверены, что он согрешил только один раз, а после этого двадцать лет жил примерной жизнью!

— Думаю, мы приняли уход отца Майка так близко к сердцу из-за того, что преступление, в котором он виновен, было совершено девятнадцать лет назад, — объяснила мне одна прихожанка. — На мой взгляд, с тех пор он совершенно изменился. Он стал другим человеком, и наши дети были с ним в полной безопасности!

На это я ответил: надеюсь, что она права — однако, по моему опыту, одной жертвой педофилы не ограничиваются. Могу спорить на что угодно, что завтра у меня зазвонит телефон и новая, неизвестная прежде жертва отца Печарича поведает мне свою историю. Так бывает всегда. (И действительно, на следующий день так и произошло.)

Мы спорили до хрипоты. Под конец многочасового разговора гнев сменился скорбью. Я возвращался на работу с тяжелой головной болью, мучимый вопросами, на которые не находил ответа. Возможно ли преобразить церковь, прихожане которой инстинктивно становятся на защиту священников-насильников, а не изнасилованных детей? Ведь реакция людей из церкви Святого Франциска типична. Я разговаривал с жертвами насилия, которых собственные родители обвиняли в том, что они «сами соблазнили» священника. Видел, как католики кричат на жертв насилия, стоящих с плакатами возле церквей, бранят их, даже плюют в их сторону. Знал, что члены приходов порой находят для священников-насильников новую работу, даже предлагают взять их на поруки. Читал письма священников и прихожан к епископам и судьям — хвалебные оды священникам-насильникам и мольбы смягчить им наказание.

Коллега одного священника, осужденного за 46 эпизодов сексуального насилия, писал судье: «Наш труд требует участия во всех сторонах жизни прихожан. В эпоху, когда простой обмен знаками привязанности, даже в самых интимных отношениях, сделался музейной редкостью, близость священника со своими прихожанами влечет за собой серьезный риск: эти отношения могут быть неправильно истолкованы всеми их участниками, включая и самого священника». Автор этого письма, Хайме Сото, сейчас епископ Сакраменто и восходящая звезда в Католической церкви.

Реакция прихожан ясно показывала, сколь жаждем мы все духовного руководства. Нам хочется найти хороших людей, с которых можно брать пример, следовать их советам — и даже их обожествлять. Удобно и утешительно верить, что есть люди, которые лучше и святее нас, и все, что от нас требуется, — их слушаться. Бог — лишь крайний пример такого «святого руководителя».

Но когда разражается секс-скандал, эта жажда подчинения оказывается гибельной.

До Пасхи оставалось чуть больше недели, и я не понимал, что делать. На то, чтобы стать католиком, я потратил год. Успел и многое узнать о церкви, и ее полюбить. Но как присоединиться к церкви сейчас? После всех этих разоблачений? Быть может, об этом стоило поговорить с отцом Винсентом или с моим наставником; однако я боялся их разочаровать и омрачить для них святейшую неделю церковного года. Все на курсах нетерпеливо ожидали великого дня, готовились к праздничному застолью, угощениям и подаркам, и я не хотел бросать тень на нашу группу. Кроме того, легко было предсказать, что они ответят: «Человеческая греховность заслонила от тебя церковь Божью», а меня такой ответ больше не устраивал. Я просто не хотел вступать в организацию, вожди которой настолько далеки от современного мира, что неспособны на поступок, очевидный и естественный для любого из нас — не звонят в полицию, узнав, что на них работает маньяк!

Я обратился за советом к знакомому журналисту, много лет проработавшему в католическом еженедельнике «Нэшнл Католик Репортер». Меня восхищали его статьи: в них виделся глубоко верующий католик и благородный человек. Несколько раз мы с ним обменивались электронными письмами по рабочим вопросам.

Мне не к кому было обратиться — и я положился на пашу заочную дружбу. Описал свое положение — на пороге Католической церкви, в буре скандала; признался, что не знаю, что делать, и рассчитываю на его совет. На следующий

день я получил ответ.

> ...Понимаю Ваши чувства и сочувствую Вам.
>
> Порой я спрашиваю себя, какого черта все это не брошу... Но все церкви, и особенно наша, как магнит, тянут к себе хороших людей, заслуживающих защиты от испорченности сильных мира сего - традиционной испорченности, существующей везде, где есть власть и подчинение.
>
> Те люди, что [составляют] сообщество, которое мы называем церковью, что вместе формируют церковь - если злу не удается их испортить, - излучают добро. Эти скромные лучи добра, исходящие от наших дел и от нас самих, и есть . то, ради чего пришел на землю Иисус, то, чего хочет от нас Бог.
>
> В поколениях католиков, требующих реформ, мне порой видится сходство с поколениями квакеров, сражавшихся с рабством. Они жили и умирали, не зная, сумеют ли победить, будет ли рабство отменено. Знали только, что за это стоит бороться.
>
> На том же стою и я.
>
> Христианам не дана заповедь всегда побеждать. Им дана заповедь действовать. Грех - это бездействие. А победим мы или нет - решать Богу. ...Конечно, все это страшное упрощение. Но что поделать - у меня вера крестьянина, а не интеллектуала.
>
> Да, и не переживайте о том, что не объявите себя католиком к этой Пасхе или к какой-нибудь следующей. То, что происходит с Вашей душой, касается только Вас и Бога. А все остальное - просто формальность, пусть и приятная.
>
> Пусть все произойдет так и тогда, как и когда должно произойти.

Его совет помог мне расслабиться. На принятие решения оставалась еще неделя: что ж, решу так, как подскажет мне сердце. В конце концов, это не последняя Пасха.

В Страстную Пятницу я понял, что не буду проходить обращение. Присоединяться к Католической церкви в то время, как вокруг нее бушует скандал, казалось мне лицемерием. Хуже того: тем самым я как минимум символически встал бы на сторону насильников — против их жертв,

истерзанных людей, многие из которых признавались, что страшнее всего были для них не злодеяния священников, а предательство церкви.

Присоединение к церкви представлялось мне торжественным, но радостным ритуалом, вроде венчания. В сущности, так оно и было — я собирался вступить в брак с Католической церковью. Но в такие отношения надо вступать с открытыми глазами, без сомнений и без недомолвок.

Я рассказал о своем решении жене. Она ответила, что понимает меня. Позвонил своему наставнику и вывалил на него эту новость. Он тоже сказал, что понимает, но в голосе его звучало разочарование. Я восхищался этим человеком и не хотел, чтобы он чувствовал вину за то, что не сумел привести меня в церковь. Он все делал правильно. Я сказал — и в то время действительно в это верил, — что обязательно вернусь. Стану членом церкви, как только почувствую, что к этому готов. Может быть, на следующем пасхальном бдении. Но сейчас неподходящее время, и мое сердце этому противится.

Таков был мой первый мучительный выбор на пути прочь от Бога. Суть выбора была всегда одна: оставаться с верой — или принять правду. В то время я этого не понимал; но отказ стать католиком был первым зримым знаком того, что я теряю веру. Однако сама эта мысль была так отвратительна и страшна, грозила так перевернуть всю мою жизнь, что еще много времени прошло, прежде чем я решился признаться в этом хотя бы самому себе.

Через несколько дней наступила Пасха — и впервые за двенадцать лет я встретил ее дома.

Несколько месяцев спустя я заметил, что хожу в церковь все реже и реже. Поначалу говорил себе: это из-за занятости на работе и дома. Но дело было не в этом. Прежде, что бы ни случилось, я выкраивал время для посещения церкви хотя бы раз в неделю. Теперь ходил туда, только если не случалось других дел. Чаще всего мне просто страшно не хотелось туда идти. Я мечтал хотя бы на выходных отдохнуть от того, о чем писал больше сорока часов в неделю.

Мальчишки были только довольны тем, что по вечерам в субботу и по утрам в воскресенье теперь могут заниматься своими делами. Правда, старшие по-прежнему раз в неделю ходили на популярную молодежную программу в пресвитерианской церкви Святого Андрея — подозреваю, в основном потому, что там было много девочек. Моя жена тщетно пыталась совместить идеализированное представление о Католической церкви, вынесенное из детских лет, с той картиной, что представала в моих репортажах. То, что мы

больше не ходим в церковь, ее тоже только порадовало.

Скоро я совсем перестал там появляться. Честно говоря, я погрузился в депрессию. Мой долгий медовый месяц с христианством был окончен, и непонятно было, что придет ему на смену. Я по-прежнему ежедневно молился и читал Библию, но теперь без всякой охоты — мне приходилось себя заставлять. Начал два раза в неделю хо-дать к психотерапевту. В то время религия была не единственной моей проблемой. После 14-летней совместной жизни наш брак дал трещину. В Католическую церковь я стремился еще и для того, чтобы мы с Грир стали мужем и женой «в очах Божьих». И вдруг Грир сообщила, что не хочет со мной венчаться, даже если я стану католиком. На самом деле она хочет со мной разойтись. Неразрешенные проблемы наших отношений, в особенности их нелегкое начало, давят на нее, и она больше не может делать вид, что у нас все в порядке. Мы получили тот же урок, что и Католическая церковь: нельзя вечно скрывать истину. Рано или поздно она выйдет наружу. Никто из нас не хотел расставаться с детьми, поэтому мы продолжали жить в одном доме, но спали теперь в разных спальнях. Не будь ребят, нашему браку пришел бы конец. Но ни Грир, ни я не представляли себе жизни без наших мальчишек. И мы решили сделать все возможное, чтобы сохранить наш брак. Христианство может быть формой самопомощи, но теперь мы начали понимать, что можем и сами себе помочь. Это потребовало долгих месяцев работы, на семейную терапию ушли почти все наши сбережения, но в конце концов благодаря прежде всего чудесному психотерапевту буря утихла.

Решились проблемы с любовью — но не с верой. Здесь все становилось только хуже. Стоило мне побороть одно сомнение, как пара новых выскакивала ему на смену. Я злился на Бога, превращающего веру в «угадайку». Почему Бог обращается со мной хуже, чем я со своими сыновьями? Им я даю прямые ответы, четкие, понятные правила — и безмерную любовь. В наших отношениях практически нет загадок; им не приходится напрягаться, чтобы расслышать «тихое веяние». Почему же Бог заставляет нас угадывать, как слышать Его, как Его любить, как лучше всего Ему служить? Почему здесь открывается такой простор для интерпретаций?

Меня все сильнее смущало, что христианские организации — те, которыми якобы руководит сам Бог, — часто оказываются испорченнее своих светских «собратьев». Если церкви и вправду исполнены и направляемы Святым Духом, не должны ли они быть чище, нравственнее правительств и корпораций? Оказывается, как правило, это совсем не так. Я начал понимать, что религиозные институты более светских подвержены порче, поскольку

полагаются на Бога, а не на человеческие методы управления и контроля. И в таких иерархических системах, как Католическая церковь, и в более открытых структурах, каковы многие протестантские церкви, ответы на молитвы или желания Божьи воспринимаются исключительно через человеческую интерпретацию, легко искажаемую эгоистичными и греховными потребностями. Это ярко проявляется в факте, который часто называют величайшим соблазном веры — в отсутствии единства у христиан.

Незадолго до смерти Иисус молился: «Да будут все едино, как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино, — да уверует мир, что Ты послал Меня. И славу, которую Ты дал Мне, Я дал им: да будут едино, как Мы едино. Я в них, и Ты во Мне; да будут совершены воедино, и да познает мир, что Ты послал Меня и возлюбил их, как возлюбил Меня» (Ин 17:21-23).

Уже почти тысячелетие конклав кардиналов Римско-католической церкви, повинуясь молитвам и Духу Святому, избирает пап. Некоторые из них впоследствии были прославлены как святые; но другие оказались убийцами (папа Иоанн XII), садистами (папа Урбан VI), прелюбодеями (их так много, что и не перечислишь). Если бы кардиналы чуть меньше полагались на веру и чуть больше, например, на демократические избирательные принципы, быть может, список печально известных пап был бы короче? А если бы не слепая вера в то, что каждый папа поставлен на пост руководителя церкви лично Господом Богом, порочных пап можно было бы смещать и заменять новыми.

В протестантском мире испорченность часто проникает в церкви под видом воли Божьей — то есть в результате веры паствы или собрания старейшин в то, что у их пасторов имеется прямая связь с Богом. Лишь немногие церкви понимают, что одной воли Божьей недостаточно, и «подстраховывают» ее жесткими правилами, основанными на здравом смысле и снижающими вероятность грехопадения.

До сих пор, когда мне, христианину, являлись сомнения в вере, я быстро от них избавлялся — молитвой, чтением христианских книг или просто тем, что старался о них не думать. Но теперь сомнения атаковали меня со всех сторон и цеплялись за меня, словно липучка. Освободиться от них не удавалось.

12 Восстановите Церковь мою
Ад для епископов Испорченное Тело Христово

Не хочу оставить вас, братия, в неведении и о дарах

> духовных... Дары различны, но Дух один и тот же; и служения различны, а Господь один и тот же... Но каждому дается проявление Духа на пользу.
>
> (1 Кор 12:1-7)

Терзаемый сомнениями, я начал задумываться об аде, опасаясь, что, если впаду в неверие, путь мой закончится именно там. Ад я представлял себе не как огненную пропасть, но, скорее, ближе к описанию К. С. Льюиса в «Расторжении брака» — как царство уныния и скуки, бесконечно далекое от радостей Божьих:

> По таким самым улицам я бродил часами, и все время начинались сумерки, а дождь не переставал. Время словно остановилось на той минуте, когда свет горит лишь в нескольких витринах, но еще не так темно, чтобы он веселил сердце. Сумерки никак не могли сгуститься во тьму, а я не мог добраться до мало-мальски сносных кварталов.

Верующие (кроме христианских фундаменталистов), как правило, не интересуются адом; можно подумать, что в Библии о нем нет ни слова. Освещая католический секс-скандал, я часто спрашивал себя: интересно, верят ли эти люди в существование ада? Католические епископы, несомненно, верили в свою церковь и важность своей миссии — верили так, что с легкостью необыкновенной лгали, нарушали светские законы, подвергали опасности детей, чтобы защитить церковь. Их действия показывают, что они посвятили свою жизнь не Евангелию, а корпоративной системе, в которой превыше всего ставится верность и послушание начальству, а вынесение сора из избы сурово карается. Легко выглядеть святым, когда служишь мессу или навещаешь больного; куда сложнее, когда от тебя требуется настоящая жертва. Например, когда перед гобой встает выбор: передать священника-насильника в руки властей, вызвать скандал и поставить под удар свою карьеру или тихо замять дело. Мне, репортеру, не удалось найти ни одного епископа, который бы выступил против системы и защитил детей, находящихся на его попечении. Даже священников, попытавшихся бросить вызов системе, нашлось совсем немного, и большинство из них поплатились карьерами за «предательство» своих собратьев.

В Сан-Франциско я познакомился с одним из таких священников, отцом

Джоном Конли. В ноябре 1997 года Конли вернулся в дом священников при церкви раньше обычного и обнаружил, что его напарник при выключенном свете борется с маленьким мальчиком. Конли (до того, как принять сан, он был федеральным прокурором) решил, что стал свидетелем сексуального преступления. Согласно материалам допросов и других юридических документов, он сообщил о случившемся чиновникам архидиоцеза Сан-Франциско и предупредил их, что намерен, как того требует закон, подать заявление гражданским властям. По словам Конли, на это один из церковников ответил: «Вы уверены, что этого хотите?»

Архидиоцез встал на защиту священника, которого Конли обвинил в изнасиловании. Вскоре Конли был выведен за штат: официальные церковные власти уверяли, что это не имело никакого отношения к его действиям. Обвиненный священник тем временем признался, что растлил нескольких мальчиков; тогда Конли подал иск против архидиоцеза Сан-Франциско и в 2002 году выиграл дело. Архиепископом Сан-Франциско в то время был Уильям Ливада, сейчас занимающий высокое положение в Ватикане.

В своих показаниях Конли рассказывал о том, как потребовал от викария кое-что передать архиепископу: «Я сказал: скажите архиепископу, чтобы он отрастил себе яйца и поступил, как мужчина!»

Свой гнев Конли объяснил так: «Я видел, что речь идет об очень серьезных вещах, о насилии над ребенком, а они просто прячут головы в песок и ничего не желают делать!»

Я спрашивал себя: если бы епископы вправду имели веру, неужели вера не дала бы им сил «отрастить яйца» и делать то, что должно, невзирая на последствия? Согласно христианским преданиям, апостолы претерпели мученическую смерть, ибо отказывались отречься от своей веры в воскресшего Иисуса как в Мессию. Для христианских апологетов это было ключевое доказательство божественности Христа: если бы апостолы не видели воскресшего Иисуса, если бы их проповедь была лживой, конечно, они не стали бы отстаивать ложь перед лицом смерти!

А католические епископы перед лицом опасности даже не для жизни, а для карьеры презрели и светские законы, и учение Христа! Даже бегло пролистав Евангелие, невозможно не заметить, сколько внимания Иисус уделяет детям и защите детей. Если Библия истинна, это означает, что многим епископам лучше было бы надеть жернова на шею и броситься в море, чем поступать так, как они поступали. Согласно Писанию, их ждет адское будущее.

Учение об аде играет в христианстве фундаментальную роль. Писание

гласит, что Бог послал Своего Сына на землю умереть за наши грехи; если мы будем верить в Иисуса, то избежим ада и вечного отлучения от Бога и сможем попасть на небеса. Ад в Библии описан без прикрас. Это страшное место, где души людские целую вечность корчатся в неописуемой и нескончаемой муке. Иисус называет ад «тьмой внешней», где пылает «огнь вечный». Книга Откровение предупреждает, что грешники будут «брошены в озеро огненное». Евангелие от Матфея предлагает и звуковое сопровождение: «там будет плач и скрежет зубов». В Новом Завете ад именуется также «вечной погибелью», «чернейшей тьмой» и местом, где люди «мучатся день и ночь непрестанно».

В эпоху Средневековья и Возрождения церковь и многие верующие мыслители укрепили в умах христиан образ ада как места грозного и жуткого. Данте писал, что в седьмом круге ада «течет поток кровавый, сожигая/Тех, кто насилье ближнему нанес» [4]. Художник Иероним Босх изображал, как обнаженные души грешников пронзают копьями, как их мучают человекоподобные демоны и пожирают чудовищные птицы.

В наше время от священников нечасто приходится слышать об аде. Даже Католическая церковь, прежде охотно пропагандировавшая ад в дантовском стиле, теперь смягчила свои взгляды. В 1999 году папа Иоанн Павел II попал на первые страницы газет с заявлением, что ад следует понимать не как раскаленное подземелье, а как «состояние тех, кто сознательно и бесповоротно отлучает себя от Бога, источника всякой жизни и радости».

На евангелических кафедрах ад тоже не в почете. Зайдите на www.pastors.com — веб-сайт церкви Сэдлбэк, старший пастор которой Рик Уоррен говорит, что именно библейское учение об аде направляет его служение. Просмотрите заголовки проповедей, как бесплатных, так и доступных за деньги. Каких только тем вы здесь не встретите! Аборты, алкоголизм, амбиции, лень и любовь, природа и провидение, смех и свобода, тревога, терпение и труд... но об аде — ни слова.

Проработав полгода над освещением секс-скандала, я вместе с коллегой-журналистом Майком Энтоном написал статью о том, как воспринимают ад современные американские христиане. Начав собирать материал, я с удивлением обнаружил, что в наши дни в церкви об аде практически не говорят. 71% американцев сообщают в опросах, что верят в существование ада, однако пасторы, даже консервативные, об этом помалкивают. Многие не хотят навлекать на себя недовольство паствы —

---

[4] Пер. М. Лозинского. — Прим. пер.

опасаются портить ей воскресное утро такой неприятной темой. Короче говоря, тема ада заморожена не по богословским, а по маркетинговым соображениям. Пасторы не желают рисковать, идя против желаний потребителя.

Роберт Х. Шуллер, телепроповедник, ведущий программы «Час силы» и основатель Хрустального Собора в Гарден-Гроув, штат Калифорния, прекратил проповедовать об аде сорок лет назад. В своих книгах с завлекательными названиями типа «Все зависит от тебя!» он перешел к богословию личного успеха.

—Я совершенно не хочу, чтобы люди становились христианами из страха попасть в ад! — сказал Шуллер моему коллеге. И добавил: он не видит смысла грозить жезлом Божьим там, где можно обойтись морковкой перед носом.

Упадок концепции ада ярко отражается в изменении взглядов преподобного Билли Грэма, чьи проповеди получили известность в 40-х годах. В то время он уделял аду большое внимание и описывал его весьма недвусмысленно: речи его дышали огнем и серой и вселяли страх в сердца нераскаянных грешников. Но теперь он уже не так уверен в том, что тогда говорил.

В интервью 1991 года Грэм заявил: «Я верю, что ад — это не что иное, как отлучение от Бога. Мы отходим от Бога и переживаем адские муки как в этой жизни, так и в грядущей... Но сейчас я не чувствую себя свободным описывать ад яркими красками, как тридцать или сорок лет назад, потому что... есть ли в аду огонь — мне неизвестно».

Мы выяснили, что и традиционные деноминации в наше время предпочитают обходиться без ада. В первом катехизисе Пресвитерианской церкви США, выпущенном в 1998 году, ад упоминается всего один раз. Джордж Хансинджер, профессор Принстонской богословской семинарии и основной автор катехизиса, предпочел бы, чтобы аду в тексте было посвящено больше внимания и «о суде Божьем говорилось более ответственно». Однако комиссия по созданию документа отвергла это предложение почти единогласно.

— Это попросту малодушие: церкви не хотят поддерживать непопулярную позицию, — говорит Хансинджер.

Часто упоминают об аде лишь крайне правые проповедники, которых большинство христиан считает чокнутыми. Майк поговорил с пастором Рэем Кам-фортом: этот уроженец Новой Зеландии полагает, что ад существует, и он именно так ужасен, как рассказывает нам Новый Завет. Камфорт колесит по

стране и проповедует в церквях, еще не расставшихся со старомодным представлением об аде. Он предупреждает: церкви, которые пытаются подсластить или замолчать библейское предупреждение об аде, теряют связь с реальностью. «Бог отнимет у них их дух, их силу, и они превратятся в обычные клубы по интересам», — говорит он.

Быть может, 71% американцев и верят в существование ада, однако слышать об этом не хотят, что и приводит к «богословию маркетингового отрицания». А может быть, многие из нас говорят в опросах не то, что думают на самом деле: мы не хотим выглядеть наглецами, для которых даже суд Божий нипочем.

Так или иначе, большинство из нас — не великие грешники. Грубим, глупим, иной раз мухлюем с налогами. Изнасилование, растление малолетних или укрывательство этих преступлений — не по нашей части. Глядя на множество священников, творящих злодеяния, и на епископов, которые их покрывают, я спрашивал себя: неужто они даже ада не боятся? Или, быть может, настолько оторвались от реальности, что даже не считают свои деяния грехом?

Меня, как христианина, ад всегда смущал. Слыша рассуждения проповедников о том, что неверующие,как это ни прискорбно, отправятся в ад, я чувствовал, как меня наполняет гнев. Возможно ли, чтобы я обрек кого-нибудь из своих сыновей на вечное проклятие за то, что он не захочет со мной жить? Какая же это безусловная любовь?! Я верил, что Он не приговорит моих двух братьев и сестру (они куда лучше меня, хоть и неверующие!) к мучениям даже на одну секунду — не говоря уже о целой вечности. Но я подавлял эти сомнения, говоря себе, что ад — одна из тех загадок веры, которые в этой жизни не решить. Пройдет совсем немного времени, я встречусь с Богом и узнаю, что же такое ад, попадает ли туда кто-нибудь, и если да, то кто и почему. В то время такого ответа мне хватало.

Мне думалось, что, сомневаясь в существовании ада, я проявляю слабость как христианин. Библия говорит об аде так прямо и недвусмысленно, что от ее слов трудно отмахнуться. Однако если наши пасторы в ад верят — ради всего святого, почему замалчивают эту тему на публике? Помимо всего прочего, это учение с очень серьезными последствиями. Изгнать ад с проповеднических кафедр — все равно что запретить говорить о слоне, стоящем посреди комнаты. Даже если я не хочу верить, что в комнате слон — он здесь, и не замечать его невозможно.

Мысли об аде преследовали меня. Я перескочил из евангелической

церкви в пресвитерианскую конгрегацию, а оттуда — в католический приход. Однако ни разу за это время не задумывался о том, что моя душа в опасности, потому что верил в Иисуса. Иисус — мой Спаситель и мой страховой полис. Если я ошибаюсь насчет ада (он все-таки существует), но не ошибаюсь насчет Иисуса, — значит, я в безопасности. Верующие называют Иисуса Спасителем, а это означает, что он «спасает от ада». Если ада нет, этот термин бессмыслен. С тех пор как меня начали охватывать сомнения, мысль об аде — даже о самой отдаленной возможности его существования — заставляла меня удвоить свои духовные усилия.

Хоть я и сомневался в существовании ада, однако принимал идею, что зло, или Сатана, действует в мире и старается увести нас от Бога. Я верил, что по большей части он использует для этого хитрые трюки, которых мы не замечаем, пока не станет слишком поздно. Сатана подсовывает нам кокетливую сотрудницу, порождающую похотливые желания. Сатана раздувает в нас стремление отдохнуть в тропиках и заставляет влезать в долги. Сатана, играя на нашей зависти к богатому соседу, внушает нам, что жизнь не удалась. Я верил, что Сатана неустанно играет на моих слабостях, искусно манипулируя моими желаниями и страхами. К. С. Льюис писал: каждое наше действие приближает нас к Богу или от Него удаляет. Меня, оказывалось, очень легко увести от святости. Часто, оглядываясь на прожитый день, я обнаруживал себя очень далеко от Бога.

Однако, по внутренней логике христианской веры, отсутствие ада в проповедях можно объяснить по-разному. Быть может, Сатана сумел внушить пасторам и их последователям, что этой темы лучше не касаться. Быть может, Библия, хоть она и боговдохновенна, — все же человеческий документ, в который вкралось немало ошибок и заблуждений, так что ее можно трактовать свободно. А что, если и Библия, и ад — просто вымысел? Быть может, некоторые верующие в глубине души так и думают: хоть эта мысль их и страшит, однако дает им возможность игнорировать одно из важнейших библейских учений.

Двенадцать лет я черпал силы и счастье в нерушимой вере, становившейся крепче с каждым годом. Но теперь мой интерес к закулисью религиозного мира превратился в проклятие. Информацию о вере я черпал уже не из христианской литературы, не из вдохновенных проповедей, не из занятий по богословию и истории церкви, не из торжественно-прекрасных церковных служб. Начиная с католического секс-скандала, я перешел к освещению тревожных и мрачных сюжетов. Я начал заглядывать за сияющие фасады. То,

что я там видел, мне не нравилось — и еще меньше нравились вопросы, неизбежно всплывавшие в голове. Зачем я снова и снова возвращался к сюжетам об испорченности и ханжестве в Теле Христовом? На этот вопрос я не мог найти ответ, пока, перечитав (в третий или четвертый раз) жизнеописание святого Франциска Ассизского, не подумал о том, что, возможно, это призвание Божье. Быть может, Господь хочет от меня, как когда-то от святого Франциска, чтобы я «восстановил церковь его». Разумеется, это не означает, что я должен совершить великие дела и стать святым: достаточно того, чтобы я, как журналист, честно рассказывал о развращенности церквей.

Эта мысль — явившаяся, как я думал, от Бога — принесла мне успокоение. Появилась какая-то точка опоры. Происходящее со мной обрело смысл.

Тело Христово страдает от болезни. Мой дар журналистских расследований поможет поставить диагноз

и призвать к исцелению. Теперь я не сомневался: таков был с самого начала замысел Господень обо мне. Быть может, я, как и святой Франциск, поначалу не понял Бога. Когда святой Франциск впервые услышал глас Божий, призывающий его восстановить церковь, вначале он понял приказ Господа буквально и принялся восстанавливать рухнувшую часовню неподалеку от своего дома. Лишь позднее Франциск понял, что Бог видит в нем церковного реформатора.

Мне казалось, что я слышу голос Бога, громкий и ясный. Но, как не раз случалось и прежде в моей карьере религиозного журналиста, все обернулось совсем не так, как я рассчитывал.

13 Исцелись сам

Телепроповедники Исцелись, верующий Содом и Гоморра

> Ибо терафимы говорят пустое, и вещуны видят ложное и рассказывают сны лживые; они утешают пустотою; поэтому они бродят как овцы, бедствуют, потому что нет пастыр.
>
> (Зах 12:2)

Глядя на изможденного человека, лежащего на кровати, я думал: неужели

это и есть Ол Э. Энтони — бич богатейших и влиятельнейших телепроповедников, столь им ненавистный, что они прозвали его «Олом -Антихристом»? Может ли этот 64-летний человек представлять для кого-то угрозу? Удар электрическим током, перенесенный 23 года назад, чудом его не убил, однако сделал тяжелым инвалидом: Ол с трудом передвигается, а сожженные нервные окончания причиняют ему постоянную боль.

Стоял ноябрь 2003 года. Я смотрел на «святого Франциска» наших дней — человека, стремящегося преобразить Тело Христово изнутри. Он специализировался на разоблачении телепроповедников — и работы ему хватало!

У меня на глазах Ол вколол себе в левое бедро порцию нубаина — сильнейшего обезболивающего. К ногам его крепились шесть электродов, посылающих в нервную систему слабые электрические разряды. На шее — жесткий воротник. На прикроватной тумбочке выстроились в ряд пузырьки темного стекла: налбуфин, занафлекс, ацетамин, скелаксин. В тесной комнатке, где едва хватало места для моего кресла, повсюду стояли ходунки и трости и витал крепкий запах трубочного табака.

Ол Энтони, человек глубоко и искренне верующий, создал для помощи беднякам Общество Троицы. В эту организацию входит около четырехсот христиан: сотня из них живет общиной в трущобном районе Далласа, стремясь подражать древней Церкви во всем — в том числе и в бедности. Каждый сотрудник Общества, не исключая и самого Ола, получает 50 долларов в неделю, а также жилье и питание. Годовой бюджет Общества составляет около пятисот тысяч долларов — сумма, которую иные популярные телепроповедники «зарабатывают» за один день. Члены Общества проводят у себя дома и в рабочих кабинетах церковные службы и библейские занятия, содержат небольшую школу и столовую, сытный обед в которой стоит меньше пяти долларов. Но основная их задача — давать кров бездомным: не в специальных приютах, а в собственных гостиных и спальнях.

Именно служение бедным навело Ола на мысль о необходимости разоблачить корыстолюбие и обман известнейших в Америке ТВ-пасторов. Многие обездоленные, находящие приют в Обществе Троицы, рассказывали, что отдали последние гроши телепроповедникам в надежде, что пожертвование вернется к ним сторицей.

Телепроповедничество в США — это массивная индустрия мошенничества, не подлежащего судебному преследованию. Так называемое Евангелие Процветания, проповедуемое по теле- и радиоволнам, дает проповедникам и

их присным легкий заработок. Основная идея Евангелия Процветания: если ты совершишь акт веры (например, пожертвуешь телепроповеднику круглую сумму) — Бог в ответ одарит тебя здоровьем и несказанными богатствами. Легковерные, часто отчаявшиеся люди, обманутые этой сказкой, несут мошенникам последнее — и, разумеется, ничего не получают взамен.

***

Сам Ол прикован к постели — однако в подчинении у него полдюжины сыщиков-любителей, твердо решивших раскопать всю подноготную телепроповедников. Индустрия телепроповедничества включает в себя, по самым грубым подсчетам, около двух тысяч телепасторов; сотня из них выступает на национальных телеканалах. Все они в сумме получают не менее миллиарда долларов в год. Сыщики Общества Троицы роются в мусорных баках, просматривают компьютерные базы данных, снимают действия противника скрытыми камерами. Они открыли горячую линию для пострадавших и информантов. У них есть двойные агенты в стане врага: как правило, это честные христиане, не желающие мириться с тем, что происходит у них на глазах.

Ол прославился в 1991 году, когда незаметно заснял скрытой камерой действия Роберта Тилтона, телепроповедника из Форт-Лодердейла, штат Флорида. На высоте своего успеха Тилтон выступал по всем национальным телеканалам: порой его можно было увидеть в «ящике» по шесть раз на дню. Обратившись к провайдеру адресной рекламной рассылки Тилтона, Ол представился президентом религиозной организации «Общество Троицы» и сказал, что хотел бы воспользоваться для нужд своей организации их списком адресов. Видеокамера Ола запечатлела отвратительные подробности работы Тилтона, получавшего в то время, по самым скромным оценкам, 380 тысяч долларов в день.

Расследование показало, среди прочего, как обрабатывается почта. По заявлению Общества Троицы, люди Тилтона извлекали из писем чеки и наличные, а прилагавшиеся к ним просьбы о помощи и молитве выбрасывали в мусорное ведро (сторонники Тилтона до сих пор это отрицают). Видеозапись и документы, представленные Обществом Троицы, легли в основу передачи ABC «Живьем в прайм-тайм» (ведущая Диана Сойер), подорвавшей успех Тилтона. В этой передаче разоблачались и двое других телепроповедников: один из них, У. В. Грант, в результате расследования Общества Троицы провел 16 месяцев в тюрьме за уклонение от налогов.

— Охота — занятие увлекательное, — рассказывал мне Ол. — Но лучше бы

я занимался чем-нибудь другим... Они проповедуют извращенное богословие: уверяют людей, что за их пожертвованием последует немедленная материальная награда. Дайте денег — и вам воздастся во сто крат! Требуют, чтобы люди выписывали им поддельные чеки, брали кредиты. О том, что творят эти телепроповедники, должны узнать все!

Когда Ол говорит о телепроповедниках, лицо его багровеет от гнева. Он считает, что они пятнают Тело Христово.

— Эти люди ведут сказочно роскошную жизнь за счет самых бедных, самых несчастных членов нашего общества, — говорит Ол. — Бедняки отдают им все, ничего не получают взамен — начинают считать себя недостойными и теряют веру в Бога.

Общество Троицы не идеально. Начать с того, что сам Ол, несмотря на его физическую слабость, человек властный и раздражительный. Некоторые бывшие члены организации называют ее тоталитарной сектой: при этом они ссылаются на крутой нрав Ола и на практику «горячего стула», когда член Общества публично раскрывает перед всеми своими собратьями самые серьезные свои тайны и грехи.

— Да, порой бывает жарко! — рассказывал мне Пит Эванс, многолетний член Общества. — Мы хотим видеть друг друга такими же, какими нас видит Бог: голыми, без всяких покровов, все грехи наружу. Именно эта честность связывает нас вместе и не дает разбежаться.

Впрочем, после несчастного случая с Олом эта практика почти прекратилась.

В Обществе Троицы я провел две недели, но не заметил в его жизни ничего «тоталитарного» (допускаю, впрочем, что члены Общества старались произвести благоприятное впечатление на гостя-журналиста). Я видел людей, презревших житейский комфорт ради того, чтобы следовать за Иисусом, и утверждавших, что это решение подарило им покой и наполнило их жизнь смыслом.

В Даллас я поехал, чтобы собрать побольше информации о телепроповедниках для своего нового расследования, растянувшегося на два года. Разоблачения Ола, а также более ранние скандалы 1980-х годов положили конец карьерам нескольких видных телепроповедников, в том числе Джима и Тэмми Беккеров и Джимми Сваггерта. Однако Евангелие Процветания продолжало набирать популярность и приносить своим адептам миллионы. В Южной Калифорнии, совсем недалеко от моей редакции, обитали двое виднейших представителей этого учения: телекомпания «Троица» (TBN) —

крупнейшая в мире сеть религиозных телеканалов, и самый богатый в мире «целитель верою» Бенни Хинн.

Община Ола представляет резкий контраст с поведением и образом жизни телепроповедников. Ол и его разношерстная команда стараются, как могут, вести скромную и благочестивую жизнь в трущобном квартале Далласа. А самые известные и почитаемые во всем мире телепасторы тем временем собирают себе богатства земные, обводя вокруг пальца своих легковерных или отчаявшихся поклонников, зачастую отбирая у них последнее. Мир Ола — монастырь. Мир телепроповедников — Содом и Гоморра.

Собирая информацию о TBN, я заинтересовался его главной звездой — Бенни Хинном.

Встретиться с Хинном оказалось не легче, чем с рок-звездой. К отелю «Четыре Сезона» в Ньюпорт-Бич он подъехал на новеньком «мерседесе-SUV». Проповедник вышел не сразу: сперва из машины выпрыгнули двое накачанных охранников и обозрели вход в отель в поисках возможных

опасностей. В холле, цокая каблуками модельных туфель по гладкому мраморному полу, присоединились к нам двое личных помощников Хинна и двое пиарщиков. И все это — ради интервью со мной!

Хинн, самопровозглашенный «целитель верою», хорошо известен всем, кто часто переключает телеканалы. Его фигура бросается в глаза: сильный ближневосточный акцент, белоснежные костюмы а-ля Джавахарлал Неру, уложенная волнами седая шевелюра. Наиболее известен он, пожалуй, своей способностью «поражать» верующих Духом Святым — иначе говоря, легким движением руки отправлять их в нокаут. Внешность и сценические манеры Хинна, известные всей Америке по его передаче «Сегодня ваш день!», в 1994 году спародировал Стив Мартин в фильме «Прыжок веры».

Хинн называет себя «исцеляющим орудием Божьим». Телезрителям и посетителям его «Чудесных крестовых походов» сообщают, что Бог непременно их исцелит, если у них достаточно веры, а сила веры определяется размерами пожертвований. Нетрудно догадаться, что, исцеляя людей, Бенни Хинн сделался богачом. Исцелил ли он хоть кого-нибудь — вопрос посложнее. Во всяком случае, известно, что довольно многие его поклонники, ошибочно сочтя себя исцеленными, переставали принимать лекарства и посещать врачей и в скором времени умирали.

Я с нетерпением ожидал возможности встретиться с Хинном: как правило, журналистов он аудиенциями не жалует. Много месяцев он отказывался поговорить со мной даже по телефону. Но теперь, как видно, я собрал

достаточно нелестной информации о нем и его предприятии, и он решил, что выгоднее будет со мной сотрудничать. В помощь себе он нанял Э. Ларри Росса,шестифутового великана с мощной фигурой футбольного нападающего. Росс — один из ведущих христианских пиар-консультантов в стране: среди его клиентов — пасторы-суперзвезды Билли Грэм, Рик Уоррен, Т. Д. Джейкс. На интервью со мной Росс не только приехал сам, но и привез из Далласа своего ближайшего помощника.

Росса я знал по другим своим сюжетам и всегда считал профессионалом высокого класса. Он позиционировал себя как человек с глубокими христианскими убеждениями, работающий лишь на лучших членов Тела Христова. Двое основных клиентов Росса, Билли Грэм и Рик Уоррен, — вдохновенные проповедники; их труды на благо бедных, больных и несчастных внушают восхищение. Самое худшее, что мог бы сказать о них завзятый циник, что они внушают людям веру в недоказуемое. Однако и суровый критик согласился бы, что их проповедь учит добру и вдохновляет на добрые дела.

Но... Хинн?!

Подноготную Хинна выяснить нелегко. Свое предприятие он официально именует «церковью» — это освобождает и от уплаты налогов, и от публичного представления финансовой отчетности. Всем его служащим запрещено разговаривать с журналистами. Живет он в Дана-Пойнт, за высоким забором, в особняке с видом на океан, стоимостью, по меньшей мере, двадцать миллионов долларов. Даже имена членов его совета директоров — тщательно охраняемый секрет. Словом, «церковь» Хинна окутана почти непроницаемой завесой тайны.

Время от времени о Хинне пишут светские СМИ, но все прочие говорить о нем опасаются. Легионам доверчивых верующих внушают, что щедрые пожертвования Хинну помогут им достичь чудесного исцеления, а большинство христианских лидеров, видя это, просто отводят глаза и переходят на другую сторону улицы, напоминая священника из притчи о Добром Самаритянине.

Одним из немногих исключений стал Ол Энтони. Много лет он выслеживал Хин-на, как ищейка; вот почему, желая узнать о Хинне побольше, я отправился в Даллас и углубился в пыльные архивы Общества Троицы.

Самая плодотворная работа для оперативников Ола зачастую оказывалась и самой грязной: приходилось рыться в мусорных баках возле дома самого Хинна, его банков, бухгалтерских контор и юридических фирм, офисов его рассылки и домов его адресатов. (Мусор является общественным достоянием: запрещено копаться лишь в тех мусорных баках, которые находятся в чьих-либо

частных владениях.) Под покровом ночи команда Ола, одевшись похуже и натянув латексные перчатки, совершала набег на помойку. Сыщики-любители перебирали отбросы и смятые банки из-под содовой в поисках улик: записки, конспекта совещания, банковского счета, билета на самолет, списка фамилий. Эти клочки и обрывки информации, собираемые в течение многих лет, постепенно складывались в единый сюжет.

Особенно богатая добыча досталась Обществу Троицы на одной помойке в Южной Флориде, за зданием туристического агентства, которым пользовался пастор. Здесь нашелся план-график путешествия Хинна в Европу: билеты первого класса на «Конкорде» из Нью-Йорка в Лондон (по 8850 долларов каждый) и заказы президентских номеров в дорогих европейских отелях (2200 долларов в сутки). Эта новость, вместе с кадрами, показывающими, как Хинн и его команда садятся в самолет, попала на Си-эн-эн. Кроме того, документы и видеозаписи, предоставленные Обществом Троицы, позволили Си-эн-эн и «Даллас морнинг ньюс» поведать миру о мошенничестве Хинна: сборе 30 миллионов долларов на строительство в Далласе центра исцеления, который, естественно, даже не начали строить.

Из Далласа я вернулся, вооруженный настоящей сокровищницей сведений о Хинне. Была среди них, например, видеозапись, на которой целитель высказывал поистине удивительные богословские суждения:

> «Когда Бог создал Адама - он был сверхчеловеком. Не знаю, известно ли это людям сейчас, но это правда: Адам был первым на свете суперменом... Адам не просто умел летать - он летал в космос. Одним усилием мысли он мог оказаться на луне».
>
> «Вы увидите, как, посмотрев нашу передачу [шоу Бенни Хинна на телеканале «Троица»], мертвые встанут из гробов. Я вижу это - вижу, как перед телеэкраном стоит ряд гробов... я вижу, как любящие близкие берут мертвеца за руку, прикладывают его руку к экрану - и мертвый оживает...»

Из Общества Троицы я привез копии документов, «слитых» сотрудниками Хинна, которым опротивела их работа: счета и другие бумаги, извлеченные из мусорных корзин в Хинновском офисе, телефоны бывших и нынешних сотрудников Хинна, а также людей, чья вера в «целителя» так и не нашла себе награды.

Познакомился я и с Джастином Питерсом, баптистом из штата Миссисипи.

Джастин, недавно ставший пастором, приехал в Даллас одновременно со мной и тоже для того, чтобы побольше разузнать о Хинне. Молодой человек, чьи руки и ноги были скрючены церебральным параличом, рассказал мне, почему стал священником и решил посвятить жизнь разоблачению шарлатанов-«целителей».

Когда Джастин был подростком, родители повезли его за сотни миль от дома на шоу целителя. Они надеялись, что Бог излечит их сына — даст ему возможность бегать и играть, как другим детям. Сам Джастин в целителя не верил, но торжественное и многолюдное шоу произвело на него впечатление. Во время службы мальчик увидел, как какой-то бедный старик в инвалидном кресле кладет в ведерко для пожертвований все, что было у него в бумажнике. Этот жест привлек внимание проповедника. По словам Джастина, пастор указал на старика, громко сообщил слушателям о его щедром даре и объявил во всеуслышание: «Брат мой, когда наша служба окончится, ты уйдешь отсюда своими ногами!»

В конце службы Джастин снова оглянулся на старика. Тот по-прежнему сидел в инвалидном кресле, и глаза его были полны боли.

— Когда видишь такое, это невозможно забыть, — рассказывал Джастин.

Почему же среди христиан так мало Джастинов Питерсов и так много людей, подобных Ларри Россу, гуру христианского пиара: талантливому, много говорящему о своей вере — и при этом готовому работать на шарлатана Хинна?

Вскоре после возвращения из Далласа я посетил «Чудесный крестовый поход» Хинна в Анахайме, где увидел подобные сцены своими глазами. Пиарщики Хинна усадили меня в отдельную ложу и не спускали с меня глаз. Однако им не удалось скрыть от меня простую логику действий «целителя»: возбуждай в людях ложные надежды — и тяни бабло!

«Чудесный крестовый поход» Бенни Хинна — одно из величайших шоу мира.

Вход на него бесплатный, и толпы людей, как в США, так и в других странах мира, стекаются на арены и стадионы, где, как им обещают, они смогут излечиться от всех недугов. Нетрудно понять, почему миллионы людей, в первую очередь инвалиды или безнадежно больные, теряют голову, слыша обещания харизматичного пастора.

«Целительная» служба Хинна — это тщательно продуманное и выверенное представление, длящееся почти четыре часа. Вначале — долгий «разогрев» публики: хоры в мантиях, приглашенные из местных церквей, яркие видеоклипы на гигантских экранах. Среди посетителей скоро обнаруживаются

люди, «объятые Святым Духом», — они начинают трястись и говорить на языках. Все происходящее снимается на телекамеры, которые Хинн привозит с собой на каждое представление, вместе с собственной командой операторов и режиссеров. В каждом «целительном» шоу задействовано семь телекамер и не меньше сотни сотрудников.

В Анахайме Хинн явился на сцену под звуки гимна «О, как Ты велик!», в лучах прожекторов, в ослепительно белом костюме — будто ангел с небес.

Вначале он попросил выйти вперед всех, кто хочет верить в Христа. Сотни людей — многие из них уже в слезах — подошли по проходам к сцене, выслушали молитву Хинна и получили стопки литературы, в том числе адреса близлежащих церквей.

Затем добровольные помощники Хинна передали в зал ведерки для пожертвований. Ведерки шли по рядам, и посетители щедро бросали в них чеки и наличные — знаки веры в то, что Бог сможет их исцелить. «Крестовые походы» Хинна и его телевыступления приносят около ста миллионов в год — примерно столько же, сколько и служение Билли Грэма. (Сам Хинн, по моим сведениям, зарабатывает больше миллиона в год, живет в особняке с видом на океан, ездит на роскошных автомобилях, путешествует уже не на «Конкорде», а на личном самолете. В ходе моего расследования бывший сотрудник Хинна передал мне две записные книжки с копиями счетов предприятия: среди них — огромные счета «Американ экспресс» и целые страницы, на которых сам «целитель» и его родственники без всяких объяснений извлекают из кассы предприятия крупные суммы наличными.)

Снова зазвучала музыка; а затем Хинн начал перечислять исцеления, которые якобы совершаются в этом зале прямо сейчас. Минут десять он рассказывал нам, что в эти мгновения его зрители излечиваются от астмы, раковых опухолей, артрита, лейкемии, эмфиземы и еще двадцати двух заболеваний. Верующие вышли на сцену и выстроились в два ряда, чтобы сообщить пастору, что ощутили исцеление от болезней сердца, проблем с суставами, остеопороза, рака груди, глухоты — и так далее, и так далее. Хинн прикладывал ладонь ко лбу каждого — и от его прикосновения люди валились навзничь, словно кегли в боулинге.

Однако настоящая драма разыгралась после того, как пастор покинул сцену и музыка смолкла. Безнадежно больные остались больными. Здесь были люди с болезнью Паркинсона — руки и ноги их по-прежнему дергались и тряслись. Были паралитики — они, как прежде, не могли и пальцем пошевелить. Эти люди — на каждом «крестовом походе» таких сотни, если не

тысячи, — поникли в своих инвалидных креслах, потрясенные и раздавленные тем, что Бог не захотел их исцелить, а их родные и сиделки тщетно искали для них слова утешения.

Брайан Дарби более двух десятилетий ухаживает за инвалидами в Северной Калифорнии. Много раз приходилось ему наблюдать разочарование, которое оставляют по себе «крестовые походы» Бенни Хинна. По его словам, многие его клиенты посещали эти мероприятия в надежде исцелиться. Захваченные всеобщим возбуждением, они всей душой верили, что сейчас смогут выпрямить руки или впервые в жизни встанут на ноги.

— Нельзя не думать о том, что происходит с самим человеком, с его семьей и родными, когда он не исцеляется, — говорит Брайан. — Он был в эйфории — и вдруг все надежды его рушатся. А [Хинн] уже смылся — разбирайтесь, как знаете!

Многие, веря проповеди Хинна, считают, что Бог отказался их исцелить, ибо вера их недостаточно сильна. Быть может, они пожертвовали Хинну слишком мало денег. Или просто недостаточно верили.

В Анахайме 21-летний молодой человек по имени Джорди Гибсон решил показать Богу, как сильна его вера. Перед тем как отправиться из Калгари, Канада, на «Крестовый поход» в Южную Калифорнию, он отказался от жизненно необходимого ему диализа.

— Я сказал врачам, что еду в Анахайм, и они предложили договориться, чтобы диализ мне провели там, — рассказывал Джорди. — Но я отказался. Я ведь хотел исцелиться! А для этого нужно положиться на веру.

Джорди, добровольный помощник Хинна на этом представлении, закатал рукав и показал мне шунт для диализа в локтевом сгибе. К счастью, вера его не убила, однако по возвращении в Канаду ему пришлось вернуться к диализу. Впрочем, по его словам, анализ крови показал, что после «Крестового похода» его почки начали работать лучше.

— Все, что сказано в Библии, — правда, — говорит Джорди. — А Библия говорит, что Бог может тебя исцелить. И это правда. Надо просто попросить.

Медики давно знакомы с эффектом плацебо: суть его в том, что наше тело реагирует на состояние сознания, когда сознание введено в заблуждение. Степень выраженности эффекта плацебо сильно колеблется в зависимости от того, когда и как он применяется; однако исследования показали, что до 75% пациентов дают измеряемые реакции на сахарные пилюли. Можно возразить: если Хинн предлагает людям плацебо, это уже неплохо. Но как быть с теми, кто, поверив ему, отказывается от лекарств? CNN и австралийская версия «60

минут» показывали интервью с родственниками больных, которые, по их словам, побывав на «Крестовом походе», воображали, что Хинн исцелил их от рака, бросали лечение и быстро умирали.

Пастор, сидящий напротив меня в «Четырех Сезонах», казался совсем другим человеком в сравнении с «целителем», которого я видел накануне вечером на сцене. Теперь он был одет очень обыкновенно: черный кожаный пиджак, черные брюки и ботинки, дизайнерские темные очки. Знаменитая седая шевелюра зачесана вперед, и несколько прядей спускаются на лоб, как у Цезаря. В руках Хинн вертел мобильный телефон с логотипом «мерседеса». Я не сводил глаз с его пальцев, тонких, изящных, с ухоженными ногтями — пальцев, прикосновение которых якобы способно исцелять. На левом безымянном — огромное, в полпальца, золотое обручальное кольцо с символом его церкви: Святым Духом в виде голубя, украшенным россыпью бриллиантов.

— Я знаю, кто я такой, — начал он, — и мои близкие меня знают. Однако внешний мир, увы, считает меня каким-то мошенником. Пожалуй, настало время это исправить.

Мы проговорили три часа. Хинн был обаятелен, скромен и задумчив. Я задавал ему вопросы о бюджете его служения, о громадных зарплатах, о роскоши, наконец, о невозможности доказать реальные и стойкие «исцеления».

Он признался, что его не понимает даже одиннадцатилетняя дочь:

— Однажды она задала вопрос, который меня просто убил представьте, услышать такое от собственного ребенка! «Папа, кто ты такой? Тебя я знаю, а того человека [на сцене] — нет». Если об этом спрашивает твоя собственная дочь — неудивительно, что спрашивает и весь мир!

Он рассказал о том, что страдает болезнью сердца, которую Бог так и не исцелил, и о болезнях своих родителей.

— Это очень тяжело для меня, — рассказывал Хинн. — Ведь это я привел папу к вере... Но он умер. Почему — не знаю... У мамы диабет, папа умер от рака. Такова жизнь.

Хинн уверял, что целительство — тяжкое бремя, возложенное на него Богом. Если бы не зов Божий, он бы немедленно бросил эту работу.

Заглянуть в душу Хинна мне не дано: но, по моим ощущениям, передо мной сидел талантливый актер, который сделал ставку на свой дар перевоплощения и на присущую людям жажду чуда — и выиграл. Ни на секунду я не поверил, что сам он верит хоть одному слову своих проповедей

или беспокоится о людях, пострадавших или погибших из-за веры в чудесное исцеление. Я представлял себе, как за дверьми своего особняка в Дана-Пойнт, на вершине утеса, глядя в круговые окна от пола до по-

толка на бескрайние океанские просторы, на серферов, качающихся на волнах, на игры дельфинов, на отдаленные черные точки кораблей, он смеется про себя и думает: «Ловко же я их всех надул!» Ему повезло — его обман надежно защищен Первой Поправкой.

Большинство людей приходят к тому же выводу, просто посмотрев его шоу. Но у меня есть дополнительные доказательства — например, свидетельство Уильяма Вандерколка.

В то время Уильяму было девять лет, он жил с дядей и тетей в Лас-Вегасе. Няня тайком от опекунов повела практически слепого мальчика на «Чудесный крестовый поход», надеясь, что Бог вернет ему зрение. Ей удалось протолкнуть мальчика на сцену: Хинн наклонился к нему и положил ладони на его лицо.

— Взгляните, он плачет, — проговорил Хинн, впившись взором в глаза мальчика. — Уильям, дитя мое, ты видишь меня?

Более пятнадцати тысяч человек, собравшиеся на арене в Лас-Вегасе, видели, как Уильям кивнул.

— Да, Бог исцелил меня, я уже лучше вижу! — едва слышно проговорил мальчик.

Обняв Уильяма, Хинн объявил слушателям, что Бог только что приказал ему оплатить лечение и учебу этого ребенка. Зал зарыдал. Видеоклип об исцелении Уильяма с тех пор не раз демонстрировался в телепрограмме Хинна, неизменно вызывая слезы, внушая веру... и увеличивая пожертвования.

Прошло два года — а Уильям, как и прежде, практически слеп. Он рассказал мне, что зрение его не улучшалось, а на представлении он признал себя исцеленным, потому что не хотел «подвести» Бога и разочаровать огромную толпу, с трепетом ожидавшую его ответа.

— Отвратительно, когда ребенка втягивают в обман, — говорит Рэнди Мелтроттер, дядя и опекун мальчика.

Потребовалось два года, множество телефонных звонков и, наконец, мое расследование, чтобы родным Уильяма сообщили, что на его имя открыт фонд в десять тысяч долларов. И вплоть до выхода второй статьи о Уильяме Рэнди не мог выяснить, как получить доступ к этому счету!

Опубликовав статью о Бенни Хинне, я ожидал, что после этого его доходы хоть немного упадут. Надеялся даже, что ему придется заглаживать свои прегрешения. Но не случилось ни того, ни другого. Поклонники Хинна свято

верят, что светские СМИ — орудия дьявола, призванные очернять великих людей и великие дела Божьи. Случись мне поймать Бенни в постели с мертвой женщиной (или с живым мальчиком) — и это никого бы ни в чем не убедило. Его разделывали вдоль и поперек уже множество раз — на CNN, на HBO, в программе «Выходные данные» на NBC — однако карьера пастора Бенни держится на плаву. У моей статьи не было ни единого шанса. И сегодня Бенни Хинн остается самым богатым в мире «целителем верою».

Однако, кроме нескольких светских СМИ и пары малоизвестных христианских организаций, никто не спешит вытащить на свет Божий проделки Хинна и обнародовать тот вред, который он наносит и людям, и Телу Христову. Многие опасаются тесной дружбы «целителя» с руководством телекомпании «Троица»: выступить против Хинна — значит навлечь на себя гнев крупнейшей в мире компании религиозного телевещания. Христианские СМИ, к которым могли бы прислушаться верующие, также опасаются критиковать Хинна. Надо сказать, что христианские СМИ вообще старательно избегают критики любых христианских организаций, даже тех, чья испорченность бросается в глаза. Они боятся оттолкнуть от себя читателей и рекламодателей. Ко мне не раз приходили фрилансеры со своими журналистскими расследованиями, отвергнутыми в христианских изданиях из-за их «дискуссионное™». Слушая их истории, я начал спрашивать себя: почему же в моей религии так мало принципиальных людей?

***

Статью о Бенни Хинне я опубликовал в процессе более масштабного расследования, касавшегося телекомпании «Троица». Время от времени я получал по электронной почте обвинения в адрес руководства TB>1. Упоминалась их роскошная жизнь, сомнительное использование пожертвований, сексуальные прегрешения. Однако доказательств авторы не предлагали и даже на мои вопросы отвечали очень редко. Однажды я сделал о TBN небольшую новостную заметку. Не прошло и суток, как моя электронная почта ломилась от потока писем с обвинениями TBN и его руководителей, Пола и Джен Кроуч, в самых разных грехах. И я решил: не бывает дыма без огня. Надо разобраться.

TBN — настоящий Форт-Нокс среди христианских организаций. Ни один журналист не может похвастаться полным знанием ее внутренней кухни: секретности, окутывающей «Троицу», позавидует и ЦРУ. Телекомпания оценивается более чем в два миллиарда долларов, зарабатывает около двухсот миллионов в год, ведет вещание через десятки спутников во всех

странах мира. Если тебе удалось выступить на TBN (для этого пасторы годами стоят в очереди) — деньги начинают течь к тебе рекой. Но все, что происходит за кадром, — тщательно охраняемая тайна. Основатели компании не дают интервью, а их служащим запрещено разговаривать с журналистами.

Любителям переключать каналы, возможно, знакома Джен Кроуч — густо накрашенная дама с длиннейшими накладными ресницами, в огромном золотистом парике. Она говорит нараспев и любит проливать слезы перед телекамерами, о чем бы ни шла речь — читает ли письмо телезрителя или рассказывает о том, как, когда была маленькой, Бог воскресил ее любимого цыпленка.

Ее муж Пол — человек с серебристой сединой, усами и в бифокальных очках, этакий добрый дедушка. Любит поговорить о своем «немецком хладнокровии»(которое, однако, часто ему изменяет). Подчеркивая свои реплики, грозит пальцем в камеру.

— Не стойте на пути у Бога! — предупредил он однажды противников TBN — Не преграждайте Богу путь к людям! Иначе Бог с вами разберется — если раньше этого не сделаю я!

В последние годы бразды правления компанией взял на себя старший сын Кроучей, Пол Кроуч-младший, плотный седеющий мужчина с усами в стиле 1970-х годов. Он стремится придать TBN более современный облик. При правлении Пи-Джея, как его часто называют, лепнина и позолота в студиях TBN сменились стильной современной обстановкой, а косматые проповедники с Юга уступили место религиозным версиям популярных светских программ — например, клону «Американского идола», в котором выступают самодеятельные исполнители госпела.

Трое Кроучей составляют весь список совета директоров компании, что означает почти полную бесконтрольность. Глядя на «Троицу» со стороны, журналист, словно геолог у подножия скальной формации, угадывает материал для отличной истории: таинственность, отсутствие контроля, концентрация власти в руках одной семьи. Но что таится под поверхностью — узнать нелегко. На протяжении двух лет, работая над другими сюжетами, я то и дело ездил в разные концы страны на встречи с информантами, наблюдал за домами, стучался в двери поздно вечером, прочесывал судебные архивы в поисках документов, даже перебирал мусор — все для того, чтобы составить портрет империи TBN и ее владельцев, Пола и Джен Кроуч.

Мне поступали звонки с угрозами. Мрачный мужской голос интересовался, каким путем я сегодня поеду домой, и советовал внимательнее смотреть по

сторонам. В другой раз мне сообщили: какой-то частный сыщик якобы выяснил, что я изменяю жене с мужчиной — коллегой по работе (разумеется, ничего подобного не было). Некий пастор из Риверсайда, штат Калифорния, открыл веб-сайт, посвященный «разоблачению» меня как орудия Сатаны. Там он публиковал личную информацию обо мне и моей семье, а также разного рода лживые сплетни (написал, например, что редакторы отстранили меня от работы над сюжетом о TBN). Кроме того, он собирал пожертвования на оплату частных детективов, которые должны были раскопать на меня какой-нибудь компромат.

Физической опасности я не ощущал. Однако мои информанты часто боялись за свою жизнь. Собирая материал, я разговаривал с сотнями людей, и многие из них верили, что за ними следят и их телефоны прослушиваются. Несомненно, это просто паранойя — однако паранойя, внушенная культурой TBN, принятой там установкой: «Кто не с нами, тот против нас». Либо вы на стороне TBN, Джен и Пола Кроуч, либо работаете на Сатану.

Эта «психология осажденной крепости» свойственна и зрителям TBN. Я звонил поклонникам TBN с просьбой рассказать, что значит для них эта телекомпания, какое благотворное влияние оказала она на их жизнь. И неизбежно слышал в ответ: «А Джен и Пол знают, что вы хотите со мной поговорить? Они согласны?» У многих мне удалось получить интервью лишь после того, как Пол Кроуч-младший объявил в эфире, что не возражает.

Многие бывшие сотрудники TBN, а также его партнеры, как бывшие, так и нынешние, признавались, что, как христиане, очень хотели бы обнародовать факты использования пожертвований в личных целях и аморального поведения семейства Кроуч... но просто не могут. Это слишком рискованно, говорили они. Нет-нет, они не готовы выступать даже анонимно. Некоторые так пугались, что сообщали о наших беседах работникам TBN. Меня все больше угнетало это почти повальное малодушие среди людей, заявляющих себя благочестивыми христианами. Порой я начинал цитировать им Писание, желая посмотреть, как оправдают они свой страх говорить о пороках, пятнающих дело Божье.

— Как вы думаете, — спрашивал я, — что имел в виду Иисус, когда сказал Своим ученикам: «Кто хочет идти за Мной, тот отвергнись всего, возьми крест свой и следуй за Мной»? Разве Иисус не предупреждал неоднократно, что жизнь христианина требует жертв?

Однако TBN жестко учит своих режиссеров, операторов, проповедников и музыкантов держать язык за зубами. Они получают очень недурную зарплату.

И практически никто из них не хотел рисковать тем, что имеет, — хоть я и напоминал им о том, что, по словам Иисуса, «всякий, кто оставит дом, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или детей, или поля свои ради Меня, — получит больше во сто крат и унаследует жизнь вечную».

Бывали, конечно, и приятные исключения. Некоторых сотрудников волновала судьба пожертвований, — и они «сливали» мне документы, доказывающие, что семья Кроуч тратит деньги жертвователей на собственные нужды. Нашлось и несколько смельчаков, считающих, что их христианский долг — поведать во всеуслышание о том, что происходит за стенами TBN. Первой из них стала тихая застенчивая женщина с легким южным акцентом по имени Келли Уитмор. Несколько лет она проработала личной помощницей Джен Кроуч и насмотрелась достаточно: она рассказывала, что бежала из TBN, как от чумы, не в силах выносить царящего там лицемерия.

Представители TBN утверждают, что 46-летняя Уитмор была недовольна бывшими работодателями и попросту хотела им отомстить; но в это трудно поверить. Уитмор — скромная, вежливая, простодушная женщина, однако с четкими представлениями о том, что хорошо и что плохо. Рассказывала ясно, по существу, с красноречивыми подробностями. Многие из ее рассказов впоследствии подтвердили документы или другие свидетели. Я беседовал с Келли много часов и не обнаружил у нее иных мотивов, кроме желания пролить свет на то, что происходит в TBN. (Она наняла агента и пыталась продать свою историю Голливуду; однако в этом, судя по всему, движущей силой выступала не сама Келли, а ее друзья.) Многое из того, что она рассказывала, попало в мою статью, но еще больше осталось в черновиках, поскольку во многих случаях мне не удавалось уговорить кого-либо подтвердить ее слова под запись — все боялись возмездия. Люди не хотели выступать даже анонимно. Келли и еще несколько человек стали исключением; однако их рассказов — а также сотен документов — оказалось достаточно.

К сентябрю 2004 года, начав публиковать результаты своего расследования, я верил, что мои публикации опозорят TBN на всю Америку и заставят семейство Кроуч реформировать свое предприятие.

Я обнаружил, например, что Пол Кроуч тайно выплатил 425 тысяч долларов, чтобы скрыть гомосексуальную интрижку с одним из своих сотрудников. Зрители TBN постоянно слышали с экранов рассуждения о зле гомосексуализма и о том, как бороться с этой «чумой». В 1990 году пастор Бенни Хинн пророчествовална TBN: «И еще Господь повелевает мне сказать вам: в середине девяностых, не позже чем в девяносто четвертом или

девяносто пятом, Бог уничтожит гомосексуальное сообщество Америки! [Аплодисменты.] Но не так, как многие из вас подумали! Нет, Он уничтожит их огнем! Многие обратятся и спасутся, а многие другие восстанут и будут уничтожены».

Лонни Форд, бывший сотрудник TBN, заявил, что провел с Полом Кроучем выходные на берегу озера Эрроухед, в коттедже, принадлежащем компании, где Кроуч принудил его заняться с ним сексом. Кроуч через адвоката отверг это обвинение. Ничего подобного не было; что же касается денег, он заплатил Форду лишь для того, чтобы избежать скандального процесса и судебных расходов. Представители TBN подчеркивают, что Форд — наркоман и имеет судимость. И тем не менее от его истории не так легко отмахнуться.

В 1992 году Форд устроился на работу в TBN, в телефонный банк компании в округе Оранж. Кроуч проявил к нему интерес. В течение четырех лет, по словам Форда, он время от времени выполнял особые поручения пастора. Так, однажды он должен был отвезти Кроуча в Голливуд, в христианский ночной клуб, и сделать там официальную фотосессию для TBN. По рассказу Форда, все в компании, не исключая и его самого, были очень удивлены таким поручением — ведь он не был фотографом.

— Я даже снимать не умел, честное слово, мне на ходу показывали, как обращаться с камерой! — рассказывает Форд.

Однако Кроуч сказал, что об этом он может не беспокоиться.

Побывав в клубе, Кроуч, по словам Форда, повез его на ужин в отель «Риджент Беверли Уилшир» в Беверли-Хиллз. Вскоре после этого, в октябре 1996 года.

рассказывает Форд, они с Кроучем снова оказались в этом отеле и провели в нем двое суток — в разных номерах. По словам Форда, они вместе занимались в тренажерном зале отеля и вкушали роскошные ужины с обильными возлияниями.

— Я понимал, что он делает, — рассказывает Форд. — Он меня соблазнял.

Форд был открытым геем.

Выписавшись из отеля, продолжает Форд, Кроуч повез его на озеро Эрроухед, в коттедж, принадлежащий компании. Здесь-то, по словам Форда, Кроуч впервые занялся с ним сексом.

— Я согласился, потому что опасался, что иначе он меня просто вышвырнет за дверь, — объясняет Форд. — И потом, я не хотел потерять работу. Понимал: если скажу «нет», у меня будут неприятности.

На следующее утро, по словам Форда, Кроуч, желая подбодрить

любовника, прочел ему отрывок из Библии (Притч 6:16-19):

Вот шесть, что ненавидит Господь, даже семь, что мерзость душе Его: глаза гордые, язык лживый и руки, проливающие кровь невинную, сердце, кующее злые замыслы, ноги, быстро бегущие к злодейству, лжесвидетель, наговаривающий ложь и сеющий раздор между братьями.

Гомосексуальности в этом списке нет, сказал Кроуч, значит, Господь не сердится на то, что они сделали. И все же, рассказывал Форд, Кроуч предупредил его, что болтать об этом не стоит — «люди не поймут».

По словам Форда, Кроуч пообещал, что TBN выплатит его долги — около 17 тысяч долларов — и предоставит ему бесплатное жилье в студии TBN в Тастине. Форд понял, что Кроуч пытается его подкупить. Представители компании подтвердили, что в этот период TBN действительно оплатила некоторые долги Форда. По их словам, это был акт христианской благотворительности: компания, мол, регулярно помогает таким образом своим сотрудникам.

Через пару недель после свидания на озере Эрроухед Форд, находившийся на испытательном сроке за преступление, связанное с наркотиками, был пойман на употреблении кокаина и марихуаны. Осенью 1996 года его арестовали и направили в центр лечения от наркомании в тюремной системе штата. Выйдя на свободу в начале 1998 года, Форд попытался вернуться на TBN, но компания отказалась снова взять его на работу. Тогда Форд пригрозил подать на телекомпанию в суд за нарушение условий трудового договора и сексуальное домогательство, но удовлетворился компенсацией в 425 тысяч долларов.

Хоть я и писал о религии уже шесть лет, однако в некоторых вопросах сохранял наивность. Я не сомневался: услышав, что Пол Кроуч выплатил почти полмиллиона долларов, чтобы обвинение в гомосексуальной связи не стало достоянием публики, поклонники TBN поднимут шум, захотят разобраться в этом деле, возможно, даже потребуют отставки Кроуча. Однако глухое молчание было мне ответом. Пожертвования по-прежнему текли рекой. Вышли следующие мои статьи, где описывалась во всех подробностях роскошная жизнь семейства Кроуч, любовь Пола к выпивке (алкоголь у пятидесятников под запретом), фактически распавшийся брак Пола и Джен, а также их особняки, ранчо, дюжина домов по всей стране и прочие земные сокровища. И это тоже не произвело на фанатов TBN ни малейшего впечатления.

Напротив, мои статьи использовались для повышения доходов. Очевидно

же, что TBN делает Божье дело,раз дьявол (ваш покорный слуга) так старается ей навредить! Единственный способ противостоять этой атаке Сатаны — давать TBN побольше денег, чтобы она и дальше, по заповеди Господней, проповедовала Благую Весть во всех концах Земли. В 2004 году, когда были опубликованы мои статьи, TBN собрала 188 миллионов долларов, не облагаемых налогами, — несколько больше, чем в предыдущем году. Чистая прибыль ее составила 69 миллионов долларов.

Не только простые телезрители пропустили мои разоблачения мимо ушей. Прославленные пасторы — Билли Грэм и Франклин Грэм, Роберт Х. Шуллер, Джоэл Остин, Грег Лаури — продолжали вести на TBN свои программы. Политики, в том числе сенатор Джон Маккейн, по-прежнему использовали телекомпанию для пропаганды своих позиций. И знаменитости второго ряда — Чак Норрис, Кирк Кэмерон, Эм-Си Хаммер, Гэвин Маклеод — по-прежнему мелькали на TBN, чтобы не дать публике о себе забыть.

Иисус в Евангелиях предупреждает нас: если мы не делаем чего-то для «малых сих» — значит, и для Него не делаем (Мф 25:45). Об этом стоит помнить, и когда мы проходим на улице мимо бездомного, и когда равнодушно смотрим, как отчаявшиеся бедняки, обманутые телепасторами на TBN, отдают им последние гроши, тщетно надеясь, что Бог за это воздаст им сторицей. Телепроповедники доходят до того, что советуют людям, обремененным большими долгами по кредитам, перечислять пожертвования по кредитной карточке — знак нерушимой веры, благодаря которому не позднее чем через месяц Господь лично оплатит ваши кредитные долги!

Закончив серию статей о TBN, я начал сомневаться в том, что Бог призвал меня разоблачать испорченность церквей. Что толку ее разоблачать? Слишком многие верующие отвергают горькую правду и упрямо держатся за свои фантазии. Они слепо преданы своим вождям — будь то священники, мормонские «пророки» или целители. Те, кто мог бы положить конец безобразиям Бенни Хинна или TBN — прославленные священнослужители, выступающие на телеканале «Троица», или христианские журналисты, — предпочитают на все закрывать глаза. В результате сомнительная фирма и ее протеже — жуликоватые пасторы — гребут деньги лопатой, пока миллионы телезрителей терпеливо ждут чудесного исцеления или сказочного богатства.

Я не знал, какими словами назвать эту сделку. Одно знал точно: это — не христианство. А если это и есть христианство, то я не хочу иметь с ним ничего общего. Но куда идти и что делать дальше — я не понимал.

14 Темная ночь души

Святые сомнения Потеря Бога Так чем же христиане лучше

> Как лань желает к потокам воды, так желает душа моя к Тебе, Боже! Жаждет душа моя к Богу крепкому, живому: когда приду и явлюсь пред лице Божие! Слезы мои были для меня хлебом день и ночь, когда говорили мне всякий день: «где Бог твой?»
>
> (Пс 41:1 -3)

Книга «Случай Христа: журналистское расследование свидетельств об Иисусе», вышедшая в 1998 году, в христианских кругах мгновенно стала классикой. В ней рассказывается, как ее автор — Ли Стробел, известный и уважаемый судебный репортер из «Чикаго Трибьюн», — шаг за шагом превращается из скептика в убежденного христианина, предприняв журналистское расследование научных и исторических свидетельств истинности христианства.

Вдохновленный работой Стробела, я задумался о том, чтобы использовать собственный талант к журналистским расследованиям для подогрева своей остывающей веры. Мне хотелось убедиться в истинности того, о чем писал апостол Павел коринфянам: что вера во Христа способна преобразить человека.

«А Христос за всех умер, чтобы живущие уже не для себя жили, но для умершего за них и воскресшего, — писал Павел (2 Кор 5:15—20). — Итак, кто во Христе, тот новая тварь; древнее прошло, теперь все новое... Итак, мы посланники от имени Христова, и как бы Сам Бог увещевает через нас».

Если Новый Завет говорит правду, — неужели же я не найду множества свидетельств того, что христиане лучше остального общества, что они живут и ведут себя более нравственно? Я хотел убедиться, что вера во Христа действительно коренным образом меняет людей.

Такой подход был для меня новым. Много лет я исходил из убеждения, что христианство истинно, и все, что я читал или изучал, было призвано поддержать эту веру. Исторические сведения, Библию, истории из жизни, аргументы богословов и апологетов — все это я использовал для подкрепления своей позиции. Но сейчас я хотел отступить на шаг назад и проверить свое убеждение в истинности христианства, изучив поведение христиан, глядя при

этом не на слова их, а на дела.

Возможность неприятных открытий меня не пугала. Свои сомнения я считал собственной слабостью, а не признаком того, что с христианством в самом деле что-то не так. Я ощущал, что расстояние между мной и Богом становится все больше, но знал, что с верующими порой такое случается. Утешение я черпал в книгах о святом Иоанне Креста, испанском мистике XVI века, который чувствовал, что оставлен Богом, и пережил кризис веры, который называл «темной ночью души».

«Душа ощущает себя такой жалкой и нечистой, — писал он, — что кажется, будто бы Сам Бог вооружился против нее». Разлука с Богом едва не свела святого Иоанна с ума — так жаждал он близости с Господом.

Близки мне были и размышления другой моей любимой святой, Терезы из Лизье, «Маленького Цветка Иисусова». Эта девушка, родившаяся в XIX веке, по особому разрешению папы поступила в монастырь кармелиток в возрасте пятнадцати лет. В Лизье, на севере Франции, в небольшом монастыре, не имевшем даже названия, Тереза прожила девять лет, заболела туберкулезом и умерла, неизвестная миру за монастырскими стенами. Она оставила духовные мемуары под названием «История одной души», где описывала свой путь к святости — «малый путь», тропу малых дел любви, терпения и понимания, которые, как она верила, радовали Господа.

«Любовь можно доказать поступками, — писала Тереза, — а как я должна проявлять свою любовь? Я не могу совершить великих деяний. Единственный способ доказать мою любовь — это разбрасывать цветы, и эти цветы будут маленькими пожертвованиями, как и каждый мой взгляд, слово и все мои внешне непримечательные поступки, которые я буду совершать ради любви».

Записки Терезы, написанные не для публикации и вышедшие в свет лишь после ее смерти, сделались одним из величайших религиозных бестселлеров XX столетия. В них святая Тереза подробно и честно описывает духовные кризисы, через которые она проходила, несмотря на свою глубокую веру. «Иисус не слишком-то старается поддерживать беседу», — замечает она как-то раз о своих молитвах. Пишет и о своих сомнениях в будущей жизни: «Если бы вы только знали, в какой мрак я погружаюсь!»

Сомнения, знакомые святому Иоанну и святой Терезе из Лизье, испытал однажды и сам Иисус. На кресте Он поразил свидетелей — и продолжает поражатьхристиан на протяжении веков — восклицанием: «Боже Мой, Боже Мой, почему Ты Меня оставил?»

Знакомы сомнения и святым нашего времени. Мать Тереза — одна из

наиболее почитаемых религиозных деятелей XX века: для миллионов людей она воплощает в себе красоту христианского благочестия, жертвенности, святости и добрых дел. Но и ее терзали мучительные сомнения. Ее письма, опубликованные недавно в сборнике «Приди и будь Светом моим», показывают, что 50 лет своей жизни она страдала от чувства отсутствия Бога. Вдумайтесь — не пять дней, пять недель или даже пять лет, а пять десятилетий! Мучаясь, стыдясь, порой сомневаясь в самом Его существовании, мать Тереза хранила свой духовный кризис в тайне от всех, кроме немногих духовных наставников.

«Пожалуйста, помолитесь за меня особо, чтобы я не испортила Его труд и чтобы Господь наш явил мне Себя — ибо во мне такая тьма, как будто все во мне умерло», — писала она в 1953 году.

Или в другом письме: «Я говорила так, словно сердце мое было полно любовью к Богу — личной и нежной любовью. Если бы вы были [там], то сказали бы: «Какое лицемерие!»

«Иисус любит вас особой любовью, — ободряла она одного из своих наставников в 1979 году. — [Но] что до меня — молчание и пустота так велики, что я смотрю и не вижу, слушаю и не слышу, язык мой шевелится [в молитве], но не говорит... Пожалуйста, помолитесь обо мне — о том, чтобы я позволила Ему протянуть мне руку».

Эти святые боролись за свою ускользающую веру, как и я сейчас. Чтение о них придавало мне сил: ведь откровенный разговор о сомнениях в современной церкви — редкость. В наше время многие христиане, особенно евангелические, предпочитают описывать свои сомнения расхожими фразами: «Я сейчас в пустыне», «Иду через безводные земли», «В последнее время я не хожу с Богом». И в ответ получают такие же расхожие предписания: больше молиться, чаще ходить в церковь, усерднее изучать Библию. И стандартные ответы-поговорки: «Чувствуешь, что веревка кончается, — завяжи на ней узел веры и держись за него»; «Не убегай от Бога, дай Ему тебя догнать»; «Просто повернись лицом к Богу — и увидишь, что Он рядом».

Часто приходилось мне слышать притчу под названием «Следы на песке». В ней Иисус показывает только что умершему человеку, что всю его жизнь был рядом с ним. Это символизируют две цепочки следов на песке. Однако христианин видит, что в один из периодов его жизни — самый тяжелый — вторая цепочка следов исчезает.

— Иисус, почему же ты покинул меня, когда я больше всего в тебе нуждался?

— Я не покидал тебя, сын мой. Я нес тебя на руках.

О глубоких духовных кризисах христиане по большей части не распространяются. Мне казалось, раз я испытываю такие чувства, значит, я дурной христианин. Каким-то образом Сатане удалось разрушить мою духовную жизнь. Быть может, это случилось оттого, что я перестал ходить в церковь. Или оттого, что прекратил изучать Библию. Или, может быть, плохо молился. Возможно, расхожие советы полны правдивого смысла. Так или иначе, я не сомневался, что виноват сам. Бог не уходил от меня — это я от Него отдалился. Я не желал признавать, что вера моя иссякает.

Немногие способны говорить об этом без стеснения, а большинство просто не понимает, что происходит с человеком, у которого пропадает вера. Несколько лет назад я и сам бы не понял. Это как болезненное пристрастие или душевное расстройство — трудно понять и посочувствовать, пока не пройдешь через это сам.

Быть может, думал я, Бог испытывает меня, как ветхозаветного Иова? Книга Иова — единственная библейская история, которая дает нам возможность бросить взгляд на внутреннюю «кухню» Провидения. Господь говорит Сатане, что Иов останется верен Ему, что бы ни случилось. Дьявол возражает: Иов верен Богу только потому, что счастлив и всем доволен, а если все у него отнять, этот верный слуга восстанет против Господа. Бог принимает вызов Сатаны — и начинается игра, в которой бедняга Иов становится пешкой. Один за другим гибнут его сыновья, дочери и слуги, он лишается всех своих богатств, а тело его покрывается струпьями. Но, стоически счищая с себя струпья черепком, Иов ни разу не проклинает Бога.

Гораздо лучше я понимал жену Иова, которая, глядя на все это, говорит мужу: «Ты все еще тверд в непорочности своей? Похули Бога и умри!» По-моему, куда более разумная позиция.

***

Однажды, во время очередной понедельничной пробежки вокруг Бэк-Бэй в Ньюпорте, я признался своему лучшему другу Хью, что вступил в духовную пустыню. Я ждал нелегкого разговора, возможно, разочарования и мягких упреков за то, что позволил себе отпасть от Бога. Но Хью, вечный оптимист, не обратил на мои слова особого внимания.

— Ничего страшного, Билли, такое случается сплошь и рядом, — откликнулся он. — Не волнуйся, все вернется. Потерять Бога невозможно. Он всегда с тобой.

Он посоветовал мне не лениться и почаще заглядывать в церковь, а еще —

съездить в выходные на собрание мужчин-христиан, которое проводит его приход. Хью напомнил, что со времени моего «нового рождения» на вершине горы прошло уже больше десяти лет, а на выездных христианских мероприятиях я уже несколько лет не был. Наверное, настало время подзарядить мой духовный аккумулятор. Я хотел отказаться: выходные в обществе ревностных христиан меня сейчас не привлекали. Но знал: Хью не отстанет, пока не ус-дышит согласие. В некоторых отношениях он бывает удивительно настырен. И я согласился.

На обратном пути мы, как обычно, молились. Хью просил того же, что и обычно: мира во всем мире, благополучия для своей семьи, утешения и исцеления для больных и несчастных. Как всегда, поблагодарил Бога за дружбу со мной — мне всегда было приятно это слышать. А также попросил Бога укрепить во мне веру и явить мне Свою совершенную любовь. Наступила моя очередь; но то, что много лет было для меня естественным, как дыхание, теперь давалось с трудом. Слова лились из моих уст, но я уже не ощущал, как прежде, что разговариваю с Отцом Небесным, любящим меня безусловной любовью. Я просто говорил сам с собой — и чувствовал себя при этом на редкость глупо. Может быть, подумалось мне, это тоже дело рук Сатаны? Или испытание, как у Иова? И я продолжал молиться, но постарался поскорее закончить. Мои разговоры с Богом тоже изменились. Диалог превратился в монолог. Теперь, молясь, я начал чувствовать себя дурачком, который болтает сам с собой.

Собрание мужчин-христиан в горах Сан-Бернардино не приблизило меня к Богу ни на шаг. Разница с первой моей поездкой была разительная. Ни музыка, ни свидетельства, ни проповеди, ни разговоры по душам в небольших группах — ничто меня теперь не увлекало. Я чувствовал себя здесь чужаком, как будто наблюдал ритуалы незнакомого племени, говорящего на непонятном языке. Неожиданно ощутил, как во мне поднимается гнев на братьев во Христе. Почему им легко? Неужели никто из них не чувствует того же, что и я? Зачем, ради всего святого, Бог так осложняет жизнь тем, кто хочет в Него верить? Почему религия — это сплошные вопросы и загадки? Все это угнетало. Когда другие разбивались на группы или активно участвовали в каких-то мероприятиях, я потихоньку уходил к себе в номер и читал или спал. Мне было там очень тяжело. Не мог дождаться, когда наконец уеду с этой проклятой горы.

По дороге домой мы с Хью говорили о том, чем поддержать мою угасающую веру. Быть может, думал я, мне стоит использовать накопившийся

отпуск: отправиться в Европу и пройти тысячемильный «Путь святого Иакова» — El Camino de Santiago. Уже более тысячи лет миллионы паломников совершают путешествие к собору Сантьяго в Испании, чтобы поклониться гробнице святого Иакова. Мне случалось читать воспоминания пилигримов, рассказывавших о том, как духовные переживания в этом путешествии, в особенности встречи с другими христианами, преображали их и укрепляли их веру. Что может быть лучше: оторваться на время от мира, побыть наедине с Богом и с другими христианами и вернуться к вере обновленным?

Была у меня и другая идея: уехать на месяц в монастырь, где мирян обучают духовным упражнениям святого Игнатия. Игнатий Лойола, основатель Общества Иисуса, или иезуитов, за время своего служения разработал методику духовных упражнений, включающих в себя размышления над определенными стихами из Писания и представление себя свидетелем событий жизни Иисуса. Размышляя над Библией, Игнатий воображал себя участником библейских сцен — либо как незримый свидетель, либо в роли одного из персонажей. Я разговаривал с людьми, которые занимались этими упражнениями. Они рассказывали, что жизнь Иисуса как будто бы прошла у них на глазах. Они словно чувствовали запах рыбы, пойманной в море Галилейском, слышали Нагорную проповедь, вкушали хлеб и вино на Тайной Вечери.

Игнатий привлекал меня еще и тем, что обратился в католичество в середине жизни. Он родился в 1491 году в богатой испанской семье. До тридцати лет был горд, честолюбив, пылок, неукротим — словом, очень далек от христианского идеала. Однако в тридцать лет в битве с французами при Памплоне он был тяжело ранен в ногу. Во время выздоровления в замке Лойола у Игнатия было лишь две книги: четырехтомное жизнеописание Христа и жития святых. Эти книги неожиданно принесли ему чувство мира и покоя — в отличие от любимых романов о рыцарских подвигах и любовных приключениях, которые оставляли по себе опустошенность и подавленность. Размышления над этим привели Игнатия к обращению и к разработке систематического метода молитвы. Со временем, в 1539 году, он создал Общество Иисуса. Мне думалось, что проверенный пятью веками метод Игнатия может помочь и мне.

Хью заметил, что обе идеи кажутся ему многообещающими: вопрос лишь в том, где найти на это время и деньги. Я думал так же. Однако, прежде чем укреплять в себе веру, решил все же собрать свидетельства, которые подтвердят, что христиане действительно чем-то отличаются от нехристиан.

Иначе и паломничество, и духовные упражнения окажутся просто потерей времени.

***

Поразительно, с какой обескураживающей легкостью я обнаружил, что христиане в целом живут точно так же, как все прочие, не исключая и атеистов. Что-то им дается чуть лучше, что-то — чуть хуже. Но в целом Тело Христово ничуть не выделяется своей нравственностью. Некоторые данные я получил из светских учреждений — Исследовательского Центра Пью и Социологической Службы Гэллапа; однако самые убийственные сведения собрала «Барна Груп» — исследовательская компания, под руководством евангелического христианина изучающая состояние христианства в Америке. Много лет Джордж Варна сравнивал поведение верующих и неверующих более чем по семидесяти параметрам. Его вывод: вера христиан утратила силу. По его данным, статистические различия между поведением христиан и нехристиан стерлись до полной неразличимости. Согласно

его данным, а также другим исследованиям, христиане разводятся не реже — даже, напротив, несколько чаще атеистов. Белые евангелические христиане проявляют расизм чаще других белых. Евангелические христиане не реже всех прочих (около 7%) принимают антидепрессанты. Нехристиане жертвуют деньги бедным и бездомным чаще (34%), чем «возрожденные в вере» христиане (24%). «Возрожденных в вере» учат, что 10% своих доходов христианин должен отдавать церкви или жертвовать на благотворительность — однако 95% от этой обязанности уклоняются. Процент молодых христиан, зараженных венерическими заболеваниями, совершенно тот же, что и у молодых нехристиан. Рональд Дж. Сайдер, евангелический христианин и профессор Богословской Семинарии Палмера, в своей книге «Соблазн евангелической совести», вышедшей в 2007 году, собрал немало подобной статистики.

«О чем бы ни шла речь — о разводах, стяжательстве, сексуальном промискуитете, расизме, физическом насилии в семье или о пренебрежении библейскими ценностями, — данные опросов демонстрируют повсеместное и открытое неповиновение ясным и четким библейским нравственным требованиям со стороны людей, называющих себя «возрожденными в вере», евангелическими христианами, — пишет Сайдер. — Эта статистика поражает и удручает».

Джордж Варна, исследуя эти данные, не видит причин сомневаться в вере. «Вопрос не в том, реальны ли Иисус и христианство, — говорит он. — Вопрос в

том, готовы ли американцы уделять Иисусу первое место в своей жизни?»

Ну хорошо, думал я. Предположим, Тело Христово действительно сбилось с узкого и прямого пути из-за неистребимой человеческой греховности. В конце концов, в Библии полно персонажей — начиная с Адама и Евы, которые получали от Бога четкие и ясные указания, но поступали ровно наоборот. Каждый из апостолов (разве что кроме Иуды) когда-либо сомневался в том, что Иисус — Мессия. Наиболее запомнилось мне отречение Петра, которого Иисус назвал «камнем» и пообещал основать на нем церковь Свою. Петр провел бок о бок с Иисусом несколько лет, был свидетелем Его чудес, впитывал Его учение. Казалось бы, кто мог быть более готов защищать Иисуса от врагов и провозглашать Его Мессией? Но в ночь перед Своей смертью Иисус говорит Петру: еще «не пропоет петух» перед рассветом, как ученик отречется от Него. Изумленно глядя на Иисуса, Петр отвечает: «Хотя бы мне надлежало и умереть с Тобою, не отрекусь от Тебя!» (Мк 14:31).

Арестовав Иисуса, римские власти начинают разыскивать Его сообщников. Трижды Петра спрашивают, знает ли он Иисуса, — и трижды он отвечает «нет». В этот миг слышится крик петуха: Петр вспоминает предсказание Господа — и «плачет горько». Если даже Петр, свидетель жизни и чудес Иисуса, бросил его в беде — можно ли требовать верности Иисусу от людей, живущих две тысячи лет спустя?

И ведь мне уже было известно, что большинство католиков игнорирует некоторые важные учения своей церкви. Недавний опрос, одним из организаторов которого стал «Нэшнл Католик Рипортер», показал, что большая часть американских католиков считает: для того чтобы быть «добрым католиком», вовсе не обязательно повиноваться церковным учениям об абортах, контрацепции, разводе и повторном браке, да и на Мессу каждое воскресенье ходить не требуется. Согласно исследованию, проведенному в 2002 году «Перспективами сексуального и репродуктивного здоровья», католические женщины делают не меньше абортов, чем остальное женское население страны. А если верить национальному опросу, который провели в том же году «Центры контроля и предотвращения заболеваний», 98% сексуально активных католичек пользуются современными методами контрацепции.

Тщетно я искал свидетельства: ни в протестантизме, ни в католичестве ничто не указывало на то, что христиане в целом серьезно относятся к своей вере или что религия делает их морально и нравственно выше атеистов.

Хорошо, думал я, а как насчет молитвы? Мы, христиане, верим в силу

молитв. Мы молимся в церквях, молимся утром, вечером и перед едой. Проводим молитвенные встречи и молитвенные бдения. У нас есть День Молитвы, когда мы молимся 24 часа подряд. Есть у нас и люди с особой склонностью к этому занятию, именуемые «воинами молитвы», а у них — особые списки людей, нуждающихся в том, чтобы за них помолились: за больного — чтобы биопсия не показала рак, за подростка — чтобы бросил наркотики, за безработного — чтобы нашел работу, за беременную — чтобы родила здорового ребенка, за страдающего неизлечимой болезнью — чтобы он исцелился. Каждый день миллионы миллионов верующих обращаются к Богу в молитве. Должны же быть какие-то научные доказательства того, что молитва действует!

Но и таких свидетельств я не нашел.

Исследования эффективности молитвенных прошений проводятся не так уж часто. Наиболее показательны двойные слепые[5] исследования, при которых участники эксперимента молятся за страдающих различными болезнями, причем сами больные об этом не знают.

Исследование, проведенное Колумбийским университетом в 2001 году, показало, что женщины, проходящие процедуру искусственного оплодотворения, выигрывают от чужих молитв — оплодотворение у них проходит успешно в два раза чаще, чем у тех, за кого не молились. Однако в последующие несколько месяцев скептики обнаружили в методике исследования фатальные провалы, а кроме того, выяснили, что один из исследователей обвиняется в мошенничестве (впоследствии он был осужден). Проведя внутреннее расследование, представители университета официально объявили, что исследование оказалось недостоверным, и убрали его результаты со своего сайта. Разумеется, христиане и по сей день приводят эти данные в доказательство того, что молитва работает. Как говорил Марк Твен: «Пока правда обувается — ложь уже полсвета обежит». Другие двойные слепые исследования не подтвердили эффективности молитвенных прошений.

В 2006 году, через несколько лет после моего расследования, гарвардские ученые опубликовали подробный отчет об исследовании, в котором пытались дать ответ на два вопроса: 1) действенны ли молитвенные прошения и 2)

---

[5] Двойной слепой метод исследования — метод, при котором и испытуемые, и экспериментаторы остаются в неведении о важных деталях эксперимента до его окончания. Чаще всего применяется в медицине: пациентов — участников эксперимента — разделяют на две группы, одна из них подвергается эксперименту, другая остается контрольной, при этом ни сами участники, ни экспериментаторы, следящие за их состоянием, не знают, кто к какой группе принадлежит. Это позволяет исключить как «эффект плацебо», так и субъективность экспериментатора при оценке результатов эксперимента. — Прим. пер.

влияет ли знание пациента о том, что за него молятся, на его выздоровление после операций на сердце. Исследование показало, что на пациентов, которые ничего не знают о молитве за них, она никакого эффекта не оказывает. Что же до пациентов, которые знали, что о них молятся, — у них осложнения случались чаще, чем у другой группы, которая об этом не знала. Атеисты повсюду раструбили новость о том, что молитва не просто не работает — в некоторых случаях она способна ухудшить состояние больного. Те, кто верит в силу молитвы, раскритиковали различные стороны этого исследования. Самое разумное, на мой взгляд, возражение гласило, что почти невозможно — по крайней мере, в наше время — провести достоверное исследование эффективности молитвы. Например, должны ли все участники эксперимента молиться одинаково? Должны ли молящиеся и те, за кого молятся, принадлежать к одной религии? К одной деноминации? Наконец — этим вопросом задавался и Ричард Докинз в «Боге как иллюзии», и христианские богословы — кто сказал, что в этом эксперименте согласен участвовать Бог?

«Оксфордский богослов Ричард Суинберн... опровергал [исследования об эффективности молитвы] на том основании, что Бог отвечает на наши молитвы, только если они возносятся искренне, — пишет Докинз. — Молитва за случайно выбранного человека в ходе эксперимента — определенно неискренняя молитва. Глупо надеяться, что Бог этого не заметит».

Я, однако, обнаружил одно исследование — очень простое и, по-видимому, исчерпывающе отвечающее на поставленный вопрос. В первом научном исследовании такого рода, проведенном в 1872 году, сэр Фрэнсис

Гальтон исходил из очень простой предпосылки: все верующие англичане молятся в церкви о здоровье королевской семьи. Верно ли, что в результате британские монархи живут дольше других представителей английского высшего класса?

Выяснилось, что у монархов продолжительность жизни самая короткая в выборке — они живут даже меньше священников (за которых тоже многие молятся). Короли, королевы и пасторы в среднем умирали чаще, чем юристы, врачи, аристократы, художники и офицеры королевского морского флота.

«Итак, обнаружилось, что высокие особы не пользуются благосклонностью Небес в тех земных вопросах, по которым за них возносятся молитвы — даже напротив; последнее, думается мне, следует приписать их слабому природному сложению и здоровью», — писал Гальтон, двоюродный бра!

Чарльза Дарвина.

О сравнительно недолгой жизни клириков Гальтон писал: «Молитвы о защите священников от погибели, от всяких опасностей дневных и ночных, об исцелении их от болезней, по всей видимости, не имеют успеха».

Обнаружил я и еще один простой аргумент, побивающий все сложные исследования. Его я нашел на сайте под названием: «Почему Бог ненавидит безногих?» Авторы этого сайта задают «в лоб» вопросы, неудобные для тех, кто верит в целительную силу молитв. Вначале они показывают: те, кто верит в Библию, должны ожидать, что их молитвы будут исполняться. Они приводят множество евангельских отрывков, в которых Иисус именно это и обещает:

Все, чего ни попросите в молитве с верою, — получите (Мф 21:22).

Если чего попросите во имя Мое, *Я* то сделаю (Ин 14:14).

Просите, и дано будет вам (Мф 7:7).

И ничего не будет невозможного для вас (Мф 17:20).

Все, чего ни будете просить в молитве, верьте, что получите, — и будет вам (Мк 1 1:24).

На сайте рассказывается о том, как христиане часто используют «чудесные» исцеления от рака и других страшных болезней для доказательства всесилия и благости Бога. Однако, спрашивают авторы дальше, как насчет безруких и безногих? Почему Бог не поможет отрастить новые конечности, например, солдатам-героям, которые стали калеками в битвах за свою страну?

«Сколько бы людей ни молилось, как бы часто они ни молились, как бы ни были искренни их молитвы и сильна их вера, как бы сам пострадавший не заслуживал исцеления — не известно ни одного случая, когда Бог, отвечая на молитвы, дал бы безногому новые ноги, — пишут авторы сайта. — У непредубежденного наблюдателя складывается впечатление, что Бог выделяет безруких и безногих из числа других несчастных и сознательно их игнорирует».

Разумеется, есть и другое объяснение, более простое и изящное — но и более печальное. Самый логичный ответ на вопрос о том, почему Бог не исцеляет безногих, прост: либо Богу они безразличны, либо Его просто не существует. Точно так же объясняется отсутствие чудесных исцелений от болезни Лу-Герига, долговременных параличей, СПИДа, болезни Паркинсона, синдрома Дауна, умственной отсталости и еще целой кучи заболеваний.

Христианские апологеты предлагают различные объяснения того, почему с хорошими людьми случается что-то плохое. На вопрос о том, почему Бог не исцеляет безруких и безногих, они отвечают так (эти ответы тоже перечислены и разобраны на сайте «Почему Бог ненавидит безногих?»): исцеление безруких

и безногих не входит в план Божий; Господь всегда отвечает на молитвы — просто иногда Он отвечает «нет»; Богу необходимо действовать скрытно, а регенерация потерянной конечности слишком явно продемонстрирует Его чудотворные силы; у Бога особый замысел о безруких и безногих, и для исполнения этого замысла они должны оставаться такими, как есть; наконец, Бог отвечает на молитвы безруких и безногих, помогая ученым создавать все более совершенные протезы.

Все эти объяснения напоминают мне ответы моих родителей на мои вопросы о том, реален ли Санта-Клаус. Как ему, такому толстому, удается влезть в трубу? Ну... он умеет ужиматься. Как он успевает в одну ночь раздать подарки всем детям на Земле? Ну... вот такой он быстрый. Как все подарки умещаются у него в мешке? Ну... у него волшебный бездонный мешок. Неужели он в каждом доме пьет молоко и ест пирожные? Как только все это в него влезает? Ну... как-то влезает. Мужественные, но не слишком убедительные объяснения родителей помогли отсрочить столкновение с правдой еще на год, но в конце концов, как и всем детям, мне пришлось признать истину.

То же самое я начал теперь чувствовать в отношении к христианству и к Богу. Мне открылась другая сторона реальности, и свидетельства несуществования Бога встречались мне теперь на каждом шагу. Даже подавленные сомнения вновь начали выходить на поверхность. Я начал понимать, что Бог, возможно, вовсе не тот идеальный отец, в которого я так хотел верить, любви которого так жаждал. На самом деле, может быть, Его вовсе и нет. Зигмунд Фрейд в 1910 году писал об этом так:

Потребность в религии связана с родительским комплексом: всемогущий и праведный Бог, с одной стороны, и мать-Природа - с другой, являются для нас грандиозными сублимациями отца и матери, точнее, воскресшими и восстановленными представлениями маленького ребенка о своих родителях... позже, понимая, как слаб и жалок он в столкновении с великими силами природы, он ощущает то же, что ощущал в детстве, и пытается отрицать свою уязвимость, регрессивно воскрешая в сознании те силы, что охраняли его во младенчестве.

Со всех сторон меня обступали вопросы, на которые не находилось ответа. Я спрашивал себя, почему мы хвалим Бога за все — и за действия, и за бездействие. Маленькая девочка вылечилась от рака? «Хвала Господу, Он ответил на наши молитвы!» Маленькая девочка умерла от рака? «Хвала Господу! Он ответил на наши молитвы, пусть и не так, как мы того ждали и

желали. Мы не знаем Его замысла, но однажды узнаем, все поймем и со всем примиримся. Должно быть, на Небесах она была нужнее, чем на земле. Теперь она с Ним...» И так далее.

Подобные рассуждения всегда звучат во время стихийных бедствий. Когда в 2004 году страшное цунами, обрушившееся на Индонезию, унесло жизни более 225 тысяч человек, в СМИ публиковались интервью с несколькими выжившими, уверявшими, что Бог ответил на их молитвы и спас их. Я читал это, и мне хотелось закричать. Бог ответил на их молитвы — замечательно! Но почему же Он сидел сложа руки и не отвечал на молитвы еще четверти миллиона человека (ведь наверняка многие из них тоже молились!), которых смыло в море? Что за бессмыслица? Почему люди не спрашивают: «Как Бог это допустил? Зачем обрек столько людей на смерть, зачем принес в мир столько ужаса и горя? Что это вообще за Бог такой?!» И если так, зачем он спас каких-то случайных людей? Почему не всех? Или хотя бы всех, кроме нескольких случайных людей (например, атеистов)?

Мне вспоминался «Чудесный крестовый поход» Бенни Хинна и люди в инвалидных колясках, сидящие в задних рядах. Я прекрасно знал, что никто из них не исцелится. И Бенни Хинн это знал. Только сами инвалиды верили, что уйдут домой здоровыми. Разумеется, никто из них не выздоровел. Но почему бы Богу их не исцелить — особенно учитывая, с какой охотой Он исцеляет многих других, пораженных не столь тяжелыми болезнями?

Может ли быть, что Бога, лично неравнодушного ко мне и ко всему остальному человечеству, попросту нет? Я чувствовал, что стремительно приближаюсь к поворотному пункту своей жизни. Мне никогда не было сложно признавать свои ошибки. Несколько раз за двадцать лет брака наши отношения с женой были на грани разрыва — по моей вине. Я считаю себя хорошим отцом, однако не раз допускал ошибки в воспитании детей. Могу вспомнить по именам всех друзей, которым не помог в трудную минуту или за которых не заступился. Моїу, наверное, перечислить все свои крупные профессиональные ошибки — если у вас хватит времени и терпения выслушать этот список. Джеймс Джойс считал, что «ошибки ведут нас к открытиям». Я тоже научился смотреть на них именно так. Ошибки, многочисленные и зачастую болезненные, принесли мне огромную пользу — сделали меня лучше, взрослее, мудрее.

И все же я пока не мог признать, что ошибся, уверовав в истинность христианства. Я надеялся, что произойдет какое-нибудь чудо и восстановит мою веру.

Быть атеистом в Америке — или даже в собственной семье — казалось мне страшной участью. Около 98% американцев утверждают, что верят в Бога. Я вовсе не рвался оказаться в рядах двух оставшихся процентов — особенно зная нравы большинства. И потом, что, если я все-таки неправ? Быть может, это не слишком позитивный стимул, но цепляться за религию заставлял меня призрак ада. Вечность в Тартаре — слишком высокая цена ошибки. А что я, как неверующий, буду говорить детям? Отправить в ад себя самого — еще туда-сюда, но обречь на ту же участь собственных детей...

Христиане любят говорить о «пари Паскаля». Паскаль писал, что вера в Христа — недурная сделка. Если ты прав, то получаешь райское блаженство; если ошибаешься — просто умираешь, как все. Однако, мне кажется, чтобы пари Паскаля сработало, надо верить по-настоящему. Ведь Господь непременно заметит, что ты его обманываешь. А я не хотел больше обманывать — никого, и прежде всего самого себя.

Мне больше нравился другой известный принцип — «бритва Оккама». Говоря попросту, он гласит, что при прочих равных самое простое решение — скорее всего, и самое верное. Мне становилось все сложнее и сложнее совместить представление *о* любящем личном Боге с реальностью мира, в котором я жил. И снова и снова я возвращался к простейшему объяснению: что, если Бога просто нет?

15 На краю земли

Возмездие Трагические голоса Священники на допросах

> Любящие Господа, ненавидьте зло! Он хранит души святых Своих; из руки нечестивых избавляет их.
>
> (Пс 96:10)

Если вас обуревают сомнения в Боге, едва ли вы захотите отправиться на остров Святого Михаила у берегов Аляски, где один-единственный католический миссионер изнасиловал целое поколение эскимосских мальчиков. Можно ли предугадать, что именно там вы встретите человека, который, несмотря на все пережитое, остался верующим? Знакомство с Питером «Пэки» Кобуком заставило меня задуматься о своей слабости, сопоставив свое маловерие с его упрямой верой.

Впервые я узнал об этой истории от Джона Мэнли, ньюпортского адвоката,

представлявшего интересы Райана Ди Марии а затем, начиная с 2001 года — сотен пострадавших от сексуального насилия священников. Вернувшись из путешествия на далекий северный остров, Мэнли пригласил меня вместе поужинать. Оба мы занимались судьбами жертв, переживших сексуальное насилие, и в разговорах об этом часто прибегали к черному юмору — единственному способу смягчить боль и ужас, с которыми нам приходилось иметь дело. Но на этот раз Джон был не расположен шутить. Взгляд его блуждал; он выглядел так, словно только что похоронил близкого человека.

— Что с вами? — спросил я.

— Вы не поверите, что я увидел в этом эскимосском селении! — ответил Джон. — Это не описать словами...

***

Мэнли, успешный юрист, специализирующийся по делам о недвижимости, наткнулся на дело Райана Ди Марии достаточно случайно и взялся за него, хотя многие друзья и коллеги советовали ему и его тогдашней партнерше Кэтрин К. Фриберг от него отказаться.

Было ли то дело рук провидения, судьба или просто совпадение, но Мэнли оказался готов к этой работе лучше многих: он вырос в католической семье, в детстве был алтарником и учился в епархиальной школе. И католические порядки, и католический образ мыслей ему были известны лучше, чем большинству из нас. В дальнейшем, не рассчитывая только на свои знания, он собрал для борьбы с церковной иерархией команду экспертов — бывших католиков.

Первым его соратником стал Патрик Уолл, бывший бенедиктинский монах: услышав интервью Мэнли по радио, он связался с ним и предложил свои услуги. Уолл, в студенческие годы нападающий футбольной команды Университета Святого Иоанна в Колледж-вилле, штат Миннесота, в Католической церкви имел репутацию «священника, который решает проблемы».

Сразу после семинарии он начал выполнять одно за другим поручения, связанные с наведением порядка в приходах, чья жизнь была омрачена сексуальными или финансовыми скандалами. В 1999 году, на седьмой год священства, он сложил с себя сан, устав от того, что для церковной иерархии желание замять скандал неизменно оказывается важнее справедливости и милосердия к пострадавшим. По его собственным словам, ему надоело смотреть, как «римский танк во всей славе своей ломится вперед» и давит невинных.

Сейчас, когда ему уже под сорок, Уолл, по его словам, вернулся к прежней работе — решает проблемы Католической церкви. Только теперь сражается на стороне добра. Уолл стал экспертом Мэнли по церкви, церковным канонам и практикам: он помогает юристам интерпретировать церковные документы, разбираться в управленческой структуре церкви, в ее бюджете и нравах. Ему из первых рук известно, что и как происходит в церкви с жалобами на сексуальное насилие священников. Он знает, где прячут важную информацию. Умеет думать, как епископы. Читает по-гречески, по-древнееврейски, по-латыни и по-итальянски: последние два языка необходимы для перевода документов, поступающих из Ватикана, которых светские адвокаты, как правило, прочесть не могут.

— Теперь мы с церковью в равных условиях, — говорит Уолл, — и можем заниматься этими делами так, как они того заслуживают.

К этому он добавляет, что в своей работе на Мэнли видит своего рода искупление грехов, которые совершил, будучи священником.

— Больше всего гнетет меня то, что [будучи священником] я не осмеливался возвысить голос против политики руководства. Все мы хранили молчание. Но теперь я не молчу — я помогаю церкви, как и прежде, заботиться о самых слабых и уязвимых среди нас. О жертвах.

Также Мэнли нанял своего бывшего клиента Райана Ди Мария, который вскоре после того, как отсудил себе компенсацию в 5 миллионов 200 тысяч долларов, сдал экзамен и получил разрешение на частную юридическую практику. Ди Мария по опыту знает точку зрения жертвы и помогает юристам налаживать контакт с другими жертвами. Кроме того, собственные испытания внушили ему неутолимую жажду справедливости.

— Я очень благодарен своим адвокатам за выигранное дело, — говорит Райан Ди Мария. — Моя судьба была в их руках. Вот почему я сам решил заниматься такими же делами — делать для других то, что сделали для меня.

Жертвы сексуального насилия священников охотнообращаются за помощью к Ди Марии. Как сказал мне один из них: «Он не из тех адвокатов, которых интересуют только деньги. Он борется за правду. И у него есть на это причина. Он понимает нас. Он сам через все это прошел».

Кроме того, Мэнли регулярно консультируется с Ричардом Сайпом. Сайп провел 18 лет в бенедиктинском монастыре, а после этого стал психотерапевтом, специализирующимся на консультировании клириков.

Сайп, автор нескольких книг о священничестве и целибате, считает, что принудительный обет безбрачия, как правило, не соблюдается. Не меньше

половины священников хотя бы раз в жизни занимались сексом, и 80—90% из них мастурбируют, что также является нарушением обетов. 6% католических священников, согласно его исследованиям, развращают малолетних. (Вплоть до секс-скандала в 2002 году церковные власти отвергали эти цифры, называя их абсурдными.) Еще один эксперт Мэнли — Том Дойл, священник, еще в 1985 году предупреждавший епископов США, что, если Католическая церковь немедленно не начнет решать эту проблему, католический секс-скандал потрясет всю страну и будет стоить церкви не менее миллиарда долларов (в реальности, как мы знаем, его стоимость оказалась еще выше).

Итак, Мэнли собрал против Католической церкви настоящую юридическую «команду суперменов».

У церковных властей она вызывала ужас. Не знаю, правда или нет, но один церковный чиновник говорил мне, что в диоцезе Оранж Мэнли прозвали «Бешеным Псом». Откуда взялось это прозвище, легко понять, читая допросы церковников, проведенные Мэнли. Вопросы, которые он задавал, гремели гневом и презрением к епископам и их помощникам, не желавшим защищать детей от священ-ников-педофилов. (Искусный допрос отца Оливера О'Грэди, серийного насильника детей, проведенный Мэнли, лег в основу документального фильма Эми Берг «Избави нас от лукавого», получившего «Оскар».)

Так, расследуя аляскинские дела, Мэнли допрашивал высокопоставленных иезуитов о ритуале «Раскрытия совести» — традиционных беседах иезуитов со своими наставниками, во время которых священник рассказывает о своем духовном пути за прошедший год. Руководство ордена утверждает, что сведения, полученные при «Раскрытии совести», подобно признаниям на исповеди, должны храниться в абсолютной тайне. Но Мэнли и другие (в том числе и некоторые иезуиты) возражают, говоря, что «Раскрытие совести» — не священное таинство, как исповедь, а просто метод работы с кадрами. Эту тему Мэнли исследовал в 2005 году на допросе высокопоставленного североамериканского иезуита Фрэнка Кейса:

МЭНЛИ: Допустим, кто-либо откроет вам, что изнасиловал восьмилетнюю девочку, отрезал ей голову и зарыл в лесу, а вам известно, отец, что родители девочки ищут тело своего ребенка. Сообщите ли вы об этом?

КЕЙС: Я буду обязан соблюдать такой же уровень конфиденциальности, как и на исповеди.

МЭНЛИ: Итак, отец, вы подтверждаете под присягой, что никому об этом не расскажете?

КЕЙС: Не расскажу.

Отец Стивен Сандборг, бывший глава Орегонской провинции[6], на допросе в том же году продемонстрировал аналогичную позицию:

МЭНЛИ: Если бы в то время, когда вы были провинциалом, какой-нибудь священник открыл бы вам, что изнасиловал семи- или восьмилетнюю девочку в день ее первого причастия, затем отрезал ей голову, еще раз изнасиловал мертвое тело и зарыл его в лесу — а вы знали бы, что родители и полиция ищут ребенка, — вы бы сообщили об этом властям?

САНДБОРГ: Видите ли, ничто из того, что сказано или как-либо иначе узнано в ходе «Раскрытия совести», не должно передаваться третьим лицам. МЭНЛИ: То есть вы не сообщили бы в полицию?

САНДБОРГ: Не сообщил бы.

Сандборг, президент Университета Сиэтла, заявил также, что никому не сообщил бы об изнасилованиях студентов собственного университета, если бы узнал об этих преступлениях в ходе Раскрытия совести.

МЭНЛИ: Если бы университетский священник открыл вам, что серийно насилует студентов... вы сообщили бы об этом главе службы безопасности Университета Сиэтла?

САНДБОРГ: Я бы немедленно уволил его из университета и отстранил от всех должностей.

МЭНЛИ: Понятно. Но вы сообщили бы властям — службе безопасности Университета или полиции Сиэтла?

САНДБОРГ: Нет.

При одном из последующих допросов Сандборга, снова коснувшись вопроса о «Раскрытии совести», Мэнли потерял самообладание. «У меня не укладывается в голове, — воскликнул он, — как можно было так извратить устав Игнатия и его духовные упражнения: превратить их в инструмент укрывательства извращенцев!»

Гнев Мэнли ощущается и в тексте допроса отца Уильяма «Лома» Лойенса, бывшего главы аляскинских иезуитов. Лойенс заявил под присягой, что сексуальное насилие над детьми не причиняет эскимосам такого вреда, как детям других народов, поскольку среди коренных жителей Аляски якобы царит «сексуальная распущенность».

МЭНЛИ: Мне хотелось бы узнать ваше мнение — мнение человека, хорошо понимающего местных жителей. Какое влияние могли оказать на этих

---

[6] Провинция — региональное объединение иезуитов; его глава называется провинциалом. — Прим. пер.

мужчин, на этих мальчиков сексуальные преступления, совершенные священником?

ЛОЙЕНС: Видите ли, в культуре атабасков[7] принято достаточно свободное отношение к сексу. Вообще говоря, надо сказать, что американская культура, испытавшая сильнейшее влияние протестантизма, ко всем этим вещам относится намного строже и непримиримее, чем коренные жители Америки, в данном случае атабаски. Приведу пример. Мне много раз случалось разговаривать, на улице или где-то еще, с женщиной, держащей на руках младенца-мальчика, — и я видел, как она, разговаривая со мной, берет в руку его половые органы и играет с ними, к огромному его удовольствию. У них действительно другое отношение к этому. Мальчики постарше учат сексу девочек помоложе, или девочки постарше — мальчиков помоложе, и так далее. Очень большая разница. Можно назвать это «распущенностью», но, как антрополог, я должен сказать, что это просто другая культура.

МЭНЛИ: Отец, я вас спрашиваю о другом. Мне хотелось бы знать ваше личное мнение как священника или как антрополога: какое влияние, положительное или отрицательное, могло оказать на этих мальчиков то, что отец Конверт их растлевал? ЛОЙЕНС: Когда вы говорите, что он их «растлевал», что вы имеете в виду?

МЭНЛИ: Я вам скажу, что я имею в виду! «Приходи ко мне, переночуй у меня. Утром будешь прислуживать на богослужении. А пока что я залезу к тебе в штаны, схвачу тебя за член и за яички, может быть, доведу до семяизвержения, а тебе двенадцать лет, или десять, или восемь, или всего шесть; а потом поведу тебя в ванну и сам буду тебя мыть, и ты почувствуешь, как мой эрегированный член, член священника, упирается тебе в спину, а тебе восемь или десять лет»! Вот что я имею в виду, отец.

ЛОЙЕНС: Ах это! Что ж, по крайней мере, теперь понятно, о чем мы говорим, потому что до сих пор...

МЭНЛИ: Счастлив, что все эти увлекательные подробности теперь известны и вам. Так как же вы думаете, какое влияние это могло оказать?

ЛОЙЕНС: В культуре атабасков лет 30—40 назад — или когда это произошло, не знаю, вы ведь не указываете сроки, — это оказало бы меньшее влияние, чем, например, в Фэрбенксе или в Спокейне.

---

[7] Атабаски — индейские племена Северной Канады и Аляски. Стоит отметить, что атабаски и эскимосы, пострадавшие от действий миссионера Лундовски, о которых рассказывается в этой главе, — разные народы. — Прим. пер.

Рвение Мэнли и его команды экспертов обогатило его фирму, а жертвам насилия священников помогло получить многомиллионные компенсации. Однако для самого Мэнли цена побед оказалась высока.

— Представьте себе: каждый день вы находите людей со вспоротыми животами, — говорит Мэнли. — Работа у вас такая. Вы вправляете обратно вывалившиеся кишки, зашиваете раны и ищете мясника, который это проделывает. Дела о сексуальном насилии священников очень на это похожи: только вместо вспоротых животов и кишок — раненые души и хлещущие через край эмоции. А вы пытаетесь как-то все уладить. Эти люди уже взрослые, но вы имеете дело с искалеченными детьми.

— Моя жизнь трещала по швам, и я все спрашивал себя: а как же сами эти священники и епископы? Как они могут жить, словно ничего не произошло?! Священник вонзает нож в ребенка; епископ отмывает нож от крови и кладет туда, откуда священник легко сможет снова его достать. Чтобы такое творить, надо быть чокнутым ублюдком! А они это делают холодно, расчетливо. И ничего. Все нормально. А мы во время освящения [т. е. Евхаристии] должны этих людей принимать in persona Christi — видеть в них самого Христа?!

За пять лет нового тысячелетия Мэнли набрал — при росте в шесть футов — более 75 фунтов, а давление его подскочило до угрожающих высот. По ночам, не в силах заснуть, он коротал время со «старым другом Джеком Дэниелсом». Уныние и ярость, которые испытывал Мэнли, едва не разрушили его идиллическую семейную жизнь в Корона-дель-Мар на берегу Тихого океана. Его жена — яркая женщина, в колледже игравшая в баскетбол, впоследствии работавшая в Госдепартаменте, свободно говорящая на нескольких языках, все чаще заговаривала о разводе; ухудшились отношения и с четырьмя детьми, особенно со старшими девочками-подростками.

— Я был в таком состоянии, что срывался на них из-за любого пустяка, — рассказывает Мэнли. — А когда мы поехали в отпуск в Италию, я по утрам просто не мог себя заставить встать с постели. Настолько мне было худо.

Однажды, проезжая по шоссе Пасифик-Коуст близ Сан-Клементе, он вдруг представил себе, ярко и в деталях, как приставляет к виску «глок» 45-го калибра и вышибает себе мозги. Мысль о самоубийстве напугала Мэнли; он бросился к психотерапевту. Несколько лет психологического консультирования, по его словам, помогли ему спасти свой брак, восстановить отношения с детьми и избавиться от гнева, пожирающего его изнутри.

Лишь в одном терапевт оказался не в силах ему помочь — не смог спасти его веру.

Впервые Мэнли понял, что теряет веру, в 2001 году, во время допроса Нормана Макфарленда — бывшего епископа Оранжского на покое, ключевого свидетеля в деле Райана Ди Мария. Войдя в зал, епископ достал и положил перед собой четки и молитвенник. Точно такими же четками и молитвенником пользовалась мать Мэнли, но у нее четки были истерты, а молитвенник истрепан и зачитан почти до дыр. У Макфарленда же эти священные предметы выглядели новенькими, словно он никогда ими не пользовался.

— Я понял, — рассказывает Мэнли, — что эти четки и молитвенник — просто реквизит.

Его подозрения подтвердил и дальнейший разговорс епископом, в ходе которого тот сообщил, что «рано созревшая» 15-летняя девочка может стать для священника искушением, которому невозможно противиться.

МЭНЛИ: Верно ли, что вы подходили к проблеме по-разному в зависимости от того, совершил ли священник сексуальное преступление против трехлетнего ребенка или против семнадцатилетнего подростка?

МАКФАРЛЕНД: Да, здесь есть разница.

МЭНЛИ: В чем она заключается?

МАКФАРЛЕНД: Насколько мне известно, специалисты считают, что педофилия [неизлечима].

МЭНЛИ: А как насчет пятнадцатилетней девочки?

МАКФАРЛЕНД: Это тоже очень дурной поступок.

Но, мне кажется, здесь больше вероятность того, что это был единичный случай... Такое искушение легче понять. Как можно совершить такое с младенцем или маленьким ребенком — я и представить не могу. Но так ли велика разница [между] пятнадцатью и семнадцатью годами? Девочка может рано созреть, может выглядеть очень, очень взрослой... да, конечно, это искушение.

К 2003 году, когда стали известны аляскинские преступления, Мэнли уже знал, что утратил веру.

— Когда все это началось, — говорит он, — я думал, речь идет о греховности нескольких священников. Но ни в одном случае, по которому я работал, я не встретил ни одного клирика, который бы поступил правильно.

Ни одного! Не все они дурные люди — но ни одному из них не хватило мужества поступить так, как надо.

— Если ты католик, тебя с детства приучают к мысли, что священник — образ Христов, а ты — грешник.

С малых лет тебе внушают безграничную веру в священников и строгость к

себе. И вдруг ты понимаешь, что для них ты просто дойная корова! Из тебя выжимают деньги, по твоей спине взбираются к карьерным высотам. И все. А все эти разговоры: «Мы приведем твою душу на небеса» и так далее — просто маскировка. Когда до тебя это доходит — это как удар наотмашь, это по-настоящему валит с ног.

Однажды утром, в 2006 году, Мэнли снял с шеи изящный «чудесный медальон» — популярный католический символ, якобы созданный в XVIII веке святой Екатериной Лабур по указанию Девы Марии. «Все, кто носит такой медальон, будут получать великую благодать», — будто бы сказала Святая Дева. Свой «чудесный медальон» Мэнли получил во втором классе, в день своего Первого Причастия. На обороте его выгравированы слова: «Я католик. Пожалуйста, пригласите священника». Он надел этот медальон семилетним мальчиком и никогда не снимал.

— Он был частью меня, — рассказывал Мэнли. — Снять медальон — для меня это был знак, что все кончено, окончательно и навсегда. Я просто больше не мог. Мне было очень грустно; но это стало для меня началом освобождения, эмоционального и духовного.

Журналистам не положено смешивать профессиональные отношения с дружескими. Во время католического секс-скандала я завязал тесные профессиональные контакты с людьми по обе стороны баррикад, однако никогда не переходил грань: не делился с ними собственными мыслями и переживаниями. (С одним человеком в церкви мы стали друзьями; но, когда это произошло, я сообщил об этом редакторам и перестал о нем писать.) О том, что Джон утратил веру, я почти ничего не знал. Лишь несколько лет спустя, уже перестав писать о религии, я узнал, что он прошел путь, очень схожий с моим, — путь тяжелых переживаний, ссор с близкими, разочарований, обращения за помощью к психологам... и, наконец, потери веры.

Однако сейчас, в 2004 году, когда мы с Джоном сидели в ресторане, он был для меня только информантом. Я знал его как бесстрашного и упрямого противника церкви. Однако сейчас, сидя за столом, он с трудом выдавливал из себя рассказ о том, что увидел на Аляске. И, еще не закончив ужин, я понял: об этой истории стоит написать.

Через несколько месяцев вместе с фотографом «Таймс» Деймоном Уинтером я летел на западный берег Аляски, чтобы своими глазами увидеть, что там произошло. Я чувствовал, репортаж получится что надо; но еще более привлекало меня то, что это будет последняяглава, последняя нерассказанная история о католическом секс-скандале — рассказ о том, как

священники-растлители проникли в один из самых отдаленных уголков мира. Вот почему, несмотря на резонные опасения, охватывавшие меня при мысли о морозе, от которого не спасет ветровка с капюшоном, и о самолетах-«кукурузниках», в конце января 2005 года я сел на рейс «Аляска Эйрлайнз», летящий из округа Оранж в Анкоридж. Это было первое мое путешествие на Аляску.

Оказавшись в Анкоридже, первым делом я отправился в магазин RE1 и накупил на полторы тысячи долларов разного арктического снаряжения. Затем встретился с Джоном Мэнли, его помощником Патриком Уоллом и Кеннетом Руза, анкориджским адвокатом, защищающим интересы коренных аляскинцев, пострадавших от насилия католических священников и миссионеров.

Руза — бывший федеральный следователь по преступлениям на сексуальной почве, мягкий человек, влюбленный в природу, ввязался в борьбу с Католической церковью фактически случайно. Оставив госслужбу и занявшись частной практикой, он создал юридическую фирму и искал для нее работу. В руки к нему попал документ, на который у другого адвоката попросту не нашлось времени. Некий коренной аляскинец заявлял, что в детстве его изнасиловал католический священник. Это обвинение заинтересовало Руза — ведь сексуальные преступления были его специальностью. Он занялся этим делом. Обнаружил еще семерых жертв того же священника. Диоцез Фэрбенкс предложил каждому пострадавшему по 10 тысяч долларов. В Лос-Анджелесе обычная компенсация такого рода составляла 1,6 миллиона; таким образом, Католическая церковь изначально оценила сломанную жизнь юпика [8] примерно в одну сотую от жизни лос-анджелесца. Руза не сдавался и в конце концов выбил из церкви многомиллионную компенсацию. В тесном мирке юристов Аляски он приобрел известность как адвокат, специализирующийся по делам о сексуальном насилии священников. Новые жертвы пошли к нему, сперва — тоненьким ручейком, затем — потоком. Число их все росло; тогда Руза связался с Мэнли, о котором прочитал в Интернете, и попросил помощи.

Вместе мы прилетели в Ном — последний город, за которым начинаются эскимосские селения. В крохотном аэропорту Нома пересели на самолетик со страшно тарахтящим пропеллером: на нем нам предстояло через полтора часа достичь острова Святого Михаила. Наш пилот носил старинный кожаный летный шлем; кустистая седая борода его торчала во все стороны. Я принял ативан для успокоения нервов и старался дышать не слишком глубоко. В лучах

---

[8] Юпики — самоназвание эскимосов. — *Прим. пер.*

холодного зимнего солнца, стоящего низко над горизонтом, я смотрел вниз, но видел лишь бескрайние просторы замерзшего Берингова моря, похожего на комковатое белое одеяло. Отправляясь на север, я почитал кое-что по истории Католической церкви на Аляске и понимал, что мы действительно летим на край земли, куда совсем недавно пришла цивилизация.

Первая миссия иезуитов на западе Аляски появилась в 1886 году. Поначалу христиане не нашли в этом суровом краю множества новообращенных. Тысячи лет эскимосы, охотники и собиратели, следовали Йюуйяа-рааку — «пути человеческому». Юпики верили, что их древние предания и верования имеют власть оберегать людей от бурь, голода и болезней. Только в 1900 году, когда эпидемия гриппа уничтожила более 60% коренного населения Аляски, христианство обрело здесь популярность. Перед смертельным вирусом эскимосские шаманы оказались бессильны, и целые деревни начали обращаться в новую веру буквально за один день.

В наши дни римско-католический диоцез Фэрбенкс занимает две трети Аляски; однако в этом суровом краю, размерами превышающем Техас, лишь 41 церковь и 24 священника. Иезуиты, по-прежнему составляющие штат диоцеза, именуют Аляску «труднейшим миссионерским полем в мире!» — это определение, вместе с трогательными снимками эскимосских детишек, красуется на их рекламных плакатах, призывающих помочь ордену материально.

Мы сделали круг над продуваемым всеми ветрами островом и сели на узкой полоске земли, в нескольких милях от поселка Святого Михаила и его 370 обитателей. В потрепанном и проржавевшем «форде-пикапе» без задней передачи ждал нас деревенский старейшина Томми Чимук. Мы погрузились в кузов грузовичка, прижались друг к другу, чтобы спастись от стужи, и Томми повез нас в деревню.

Стуча зубами от холода и оглядывая пустынные окрестности, я все лучше понимал, почему Мэнли назвал эти места идеальными для миссионера-насильника. Поселок Святого Михаила и соседняя деревушка Стеббинс находятся всего на 200 миль южнее полярного круга, на холодном берегу, где тундра обрывается в Берингово море. Добраться сюда можно лишь по воздуху или, когда тают льды в заливе Нортона, по воде. В 60—70-х годах, когда происходили изнасилования, в деревне не было полиции и почти не было телефонов. (Сейчас то и другое есть, но нет водопровода.) Самый

уважаемый человек в деревне — тот, кого присылают иезуиты управлять приходом. Если это педофил — для него здесь просто рай!

Сами иезуиты это отрицают; однако есть свидетельства, что селения Западной Аляски служили «убежищами» для священников, уличенных в педофилии.

— Как Иностранный легион во Франции: либо идешь туда, либо в тюрьму, — поясняет Ричард Сайп, бывший бенедиктинский монах. — Я абсолютно убежден, что именно это и происходило на Аляске.

С начала католического секс-скандала в 2002 году более 110 коренных жителей Аляски из 15 селений заявили, что стали жертвами сексуальных преступлений иезуитов. Эти пострадавшие утверждают также, что многие их собратья по несчастью, в течение десятилетий не получавшие ни юридической, ни психологической помощи, покончили с собой, чтобы положить конец этой муке. Когда они рассказывают об этом, по лицам их текут слезы.

***

Куда бы ни шел Пэки Кобук — набрать бочку мазута, отвести детей в школу, постирать одежду в единственной на всю деревню автоматической прачечной, — путь его лежит мимо церкви Святого Михаила.

— Порой хочется ее спалить, — говорил мне по пути 46-летний Кобук. — Но я стараюсь об этом не думать. Всякий раз, как ее вижу, снова вспоминаю обо всем.

Прошло более тридцати лет, но ни он, ни его товарищи по несчастью не могут забыть покойного Джозефа Лундовски, католического миссионера, прибывшего к ним в поселок в 1968 году. Профессиональных священников на все приходы не хватает, и в отдаленных селениях их роль играют миссионеры-добровольцы. Деревенские старейшины, благочестивые католики, тепло встретили Лундовски — они привыкли уважать людей в рясах. Но дети скоро научились бояться его и ненавидеть.

Теперь они, уже взрослые, утверждают, что за семь лет своей службы «дьякон Джо» растлил почти всех мальчиков в поселке Святого Михаила и в соседней деревне Стеббинс, соединенной с поселком извилистой и грязной 12-мильной дорогой. Жертвы, которым сейчас уже по 40—50 лет, хранили свое бремя в тайне до 2004 года — не разговаривали об этом даже друг с другом. Только когда по спутниковому телевидению до них дошла весть о католическом секс-скандале, потрясшем страну, 28 мужчин из двух селений решились прервать молчание. Общее число жертв Лундовски, по подсчетам, доходит до 70 человек из шести селений. Переписка, относящаяся к первым

годам его миссионерской деятельности на Аляске, показывает: его начальство знало, что у него серьезная проблема, но не сделало ничего, чтобы его остановить.

— Никто бы нам не поверил, — говорил Кобук. — [Лундовски] был слуга Божий. А я был просто ребенок-эскимос.

В первую свою поездку на остров Святого Михаила я провел в поселке пять дней, расспрашивая пострадавших от насилия. Многим из них впервые представилась возможность подробно рассказать о пережитом. Даже своим женам рассказывали об этом очень немногие — остальные опасались, что их сочтут гомосексуалистами. Большинство из них не соглашались разговаривать дома. Эскимосы обычно держатся бесстрастно; но сейчас, рассказывая мне о прошлом, многие содрогались от рыданий, и лица их искажала смертельная мука. Они рыдали и молили, чтобы кто-нибудь освободил их от этой нескончаемой боли. Словами этого не описать, но фотограф «Таймс» Деймон Уинтер, сумевший запечатлеть их страдания на камеру, вышел с этой работой в финал Пулитцеровской премии. Он снял рыдающего Томми Чимука и жену, которая пытается его утешить. Снял Джона Локвуда — сломленного человека в истрепанной рубахе: он сидит на перевернутом ведре, прикрыв глаза рукой, и в пальцах его дрожит сигарета. И еще одного коренного аляскинца, много лет верившего, что в горле у него застряла рыбья кость и может в любую минуту его убить. Из страха перед этой костью, готовой пронзить ему артерию или сердце, он не выходил из дома и не отходил от телефона. Врачи осматривали его много раз, но никакой кости не обнаружили. Я понял, что это такое — подобные симптомы мне случалось видеть и раньше. Психосоматика: невроз, вызванный тем, что Лундовски принуждал его к оральному сексу.

В ответ на жалобы иезуиты применяли обычную католическую тактику — голову в песок. Они не предложили юпикам никакой помощи. Заявили, что Лундовски вообще не работал в этих селениях, хотя это опровергали документы из их собственных архивов. Наконец, в 2007 году орден иезуитов Римско-католической церкви согласился выплатить ста десяти эскимосам компенсацию в размере 50 миллионов долларов.

Во время двух своих путешествий на остров Святого Михаила, как ни странно это прозвучит, я впервые перестал мучиться религиозными сомнениями. То, что произошло на краю земли с беззащитными детьми, выглядело намного более осмысленно, если признать, что Бога нет. Когда мы сталкиваемся со злом, будь оно делом Сатаны или рук человеческих, наша задача — с ним бороться. Но при этом важно его понять. Меня успокаивала и

придавала мне сил мысль, что речь идет всего лишь об одном дурном человеке и одной коррумпированной организации, действующей исключительно в собственных интересах. Что не нужно больше думать о том, какова же во всем этом роль Бога.

Морозным утром я отправился в церковь Святого Михаила на воскресную мессу. И с тайным удовлетворением увидел, что на службе, где когда-то собиралось все селение, теперь стоят лишь несколько стариков да одна семья помоложе. Местные жители знают, что сделала церковь с их детьми, и не хотят больше иметь с ней ничего общего. Трудно молиться Богу, который допустил такое, в церкви, руководители которой закрыли на это глаза, и даже сейчас, сорок лет спустя, в более просвещенный век, отказываются загладить содеянное ими зло.

И все же... Вечное «и все же»! Как объяснить Пэки Кобука? Возвращаясь из первого своего путешествия, я заехал в Исправительный центр «Анвил-Маунтин» в Номе, где Пэки отсиживал три месяца за драку. В тесной комнатке для свиданий я вглядывался в его круглое лицо. Юпики в поселке Святого Михаила живут во многом так же, как и их предки десять тысяч лет назад. Преследуют с гарпунами китов, выслеживают стада оленей, бегущие через тундру, охотятся на моржей, спящих на льдинах Берингова моря. Летом собирают морошку — важнейший ингредиент настоящего «эскимо», необычной, но вкусной смеси замороженного жира, рыбы, сахара и ягод. В поселке повсюду проникают запахи моря, сушеной рыбы, водорослей, выброшенных морем на берег... запахи природы.

А теперь Пэки окружает лишь запах дезинфектанта, которым моют бетонные полы в тюрьме. Алкоголь и вспыльчивый нрав частенько приводят его за решетку. Но зная, что он пережил, кто решится его осуждать?

Невысокий, крепко сбитый человек в синей тюремной робе молчал, положив на стол натруженные мозолистые руки. На шее его блестели четки: голубые бусины, нанизанные на веревку из рыбацкой сети. Все эскимосы, с которыми я разговаривал на прошлой неделе, потеряли веру — все, кроме Пэки.

Несколько лет Лундовски содомизировал его и заставлял заниматься сексом с другими детьми. Это началось, когда Пэки было двенадцать. В «награду» Лундовски дарил ему монеты из своей коллекции и угощение, которое приносили ему сельчане. В краю, где уровень жизни немногим отличается от стран третьего мира, и эти скудные дары становились для семьи Пэки подспорьем.

Восемь лет молчаливой боли и страха... а затем, в одно прекрасное утро, Лундовски вызвал с материка самолет и торопливо покинул остров Святого Михаила. Говорят, спасался от разъяренных родителей, наконец узнавших правду. С тех пор никто в поселке не упоминал о происшедшем — никто, кроме Пэки. За эти годы он обращался за помощью к двум епископам и пяти священникам, не считая старейшин поселка. В ответ все советовали ему молчать и не поднимать шума.

В 1999 году, после смерти священника, служившего тогда в поселке Святого Михаила и в Стеббинсе, его начальник-иезуит попросил Кобука собрать бумаги двух приходов — книги, документы, записные книжки, всегобольше 16 сумок, — и отвезти их на своем квадроцикле с прицепом на помойку.

По словам Кобука, он захватил с собой 15 галлонов керосина: священник сказал, что мусор надо будет сжечь. Пэки рассказал, что священник бросил все книги и документы в огонь, уничтожив следы злодеяний, творившихся в этих приходах на протяжении многих лет. (По уверениям иезуитов, это был обычный вывоз мусора, ничего важного уничтожено не было.)

— Он сжег все дотла, чтобы не осталось никаких следов, — рассказывал Пэки. — Многие бумаги прочел, прежде чем сжечь.

Я указал на четки:

— Почему же вы по-прежнему верите?

— То, что со мной произошло, — не дело Бога, — тихо ответил он, проведя пальцами по четкам. В скупых словах его слышался гортанный отзвук эскимосского языка, на котором Пэки уже не говорит. — Они нарушили заповеди Божьи. Все — и те, что мне не помогли. Они не любили ближнего, как самого себя.

Я не стал говорить Пэки о своих сомнениях. Слушая его, я преисполнился стыда. Моя вера утрачена. А ведь с этим человеком произошло нечто настолько ужасное, что я такого и вообразить не могу! Его, ребенка, много лет насиловал тот, кого он считал представителем Христа на земле. Епископы, священники, старейшины — все запрещали ему говорить о своей беде. Но его вера не дрогнула.

Я попросил его рассказать об этом. Он сказал, что в тюрьме регулярно встает на колени и молится, хотя его сокамерникам это кажется смешным.

— Многие смеются надо мной, спрашивают, когда же явится Дева Мария и выведет меня из тюрьмы, — говорил Пэки. — Что ж, Дева Мария мне в жизни помогала больше всех остальных. Я не перестану. Буду молиться ради своих детей.

В конце весны я снова встретился с Пэки, на этот раз — у него дома, на острове Святого Михаила. Он рассказал, что недавно видел на сером песке пустынного побережья свежие следы гризли. Пэки сказал: он никогда не покончит с собой, этого не позволяет его вера, но в этот миг ему захотелось, чтобы гризли сожрал его и положил конец его мучениям. И Пэки двинулся к кустам, где, скорее всего, прятался медведь. Но на полдороге ощутил перемену в себе и бросился прочь от берега, громко моля Иисуса о спасении.

Вид церкви Святого Михаила надрывает его душу. До недавних пор Пэки не мог даже в нее войти. Вместо этого по воскресеньям он ходил по деревне, читая молитвы и отрывки из католической литургии, которым научил его Лундовски. Пэки молится и за своего насильника, умершего в 1995 году. На краю света бедный эскимос молит Бога о том, чтобы его обидчик попал на небеса.

— Я молюсь за Лундовски, за его душу, — говорит Пэки. — А для себя прошу только одного — исцеления.

16 Прощание с Богом

Борьба проиграна Покой и счастье утраты Новые ценности

> Мы говорим себе, что было бы прекрасно, если бы существовал бог — создатель мира и благое провидение, нравственный мировой порядок и загробная жизнь; но как же все-таки поразительно, что все так именно и обстоит, как нам хотелось бы пожелать.
>
> Зигмунд Фрейд, «Будущее одной иллюзии»

По возвращении с Аляски голове моей все-таки пришлось признать то, что произошло в моем сердце тремя годами ранее, когда я перестал ходить в церковь. Я больше не верил в Бога — во всяком случае, в личностного Бога, с любовью следящего за мной и отвечающего на мои молитвы. Но, прежде чем окончательно отказаться от веры, я сделал последнюю попытку ее вернуть.

Я обратился к Джону Хаффману, пастору нашей пресвитерианской церкви Святого Андрея в Ньюпорт-Бич. Мне он всегда казался каким-то «суперменом духа» — и не из-за широкой известности, принесшей ему места в советах

директоров влиятельных евангелических организаций «Видение мира» и «Христианство наших дней». Нет, дело в том, что на самой вершине своего публичного служения он потерял чудесную 23-летнюю дочь, умершую от рака, и перенес эту трагедию невероятно мужественно и светло. Он не гордился этим: сам он сказал бы своим громовым басом, что это мужество даровано ему Богом. Он прошел через ужас и скорбь, перенес испытание, которое немногим выпадает на долю, и вера его осталась непоколебленной.

Кроме того, Джон нравился мне своей доступностью. Интеллектуал, доктор наук, он в то же время был увлеченным болельщиком, сам занимался спортом на выходных; ко всему на свете — даже к собственной плохой памяти на имена — относился с добрым юмором. С ним было легко.

Я пригласил Джона поужинать и рассказал ему о своем кризисе веры. Спросил, можно ли мне задать ему по электронной почте несколько «неудобных» вопросов о христианстве. Он без колебаний согласился. Вера его была крепка, как скала, и, думаю, такой вызов его только раззадорил.

Вопросы мои были просты, почти что примитивны: но я отчаянно ждал убедительных ответов, которые позволь и бы мне вновь подняться к вере. Почему с хорошими людьми случаются несчастья? Почему мы благодарим Бога за ответы на наши молитвы, но не виним, когда он не отвечает? Почему верим, что Бог совершает чудесные исцеления, хотя он ни разу в истории ни одному человеку не помог отрастить потерянную конечность или срастить спинной мозг?

Вот наша переписка:

Билл:

Ну что ж, Джон. Я долго откладывал письмо, пытаясь найти подходящий вопрос для начала. Но ничего его не придумал, так что начну с того, что первым приходит на ум. Не смущает ли вас, что мы воздаем хвалу Богу независимо от результата наших молитв? Если молитва исполнилась (например, кто-то выздоровел от тяжелой болезни), мы говорим: Бог — любящий Господь, он заботится о нуждах Своих детей. Они просят и дается им.

Но если молитва не исполняется (например, человек умирает), христиане говорят: что ж, значит, такова воля Божья. Или: Бог ответил на наши молитвы, но не так, как мы ожидали. Или: неисповедимы пути Господни, мы просто не можем их знать.

То есть получается так: Бога положено хвалить — или, по крайней мере, продолжать в него верить, — что бы он ни делал. Не кажется ли вам, что это слишком уж удобно?

Джон:

Понимаю, о чем вы. Должен признать, меня самого раздражает бесчувственность, даже нарциссизм тех, кто беспечно отворачивается от жизненных трагедий, снимает с Бога всякую ответственность за них, а сам расточает Ему хвалы за все хорошее, что с ним случается.

Помню, как больно мне было, переживая смерть моей дочери Сюзанны, умершей от рака в двадцать три года, слышать, как другие христиане восхваляют Бога и его доброту: и за мелочи, вроде места для парковки, и за серьезные благодеяния, как выздоровление ребенка от болезни, которая казалась неизлечимой.

И в то же время приходится признать: возможно, я попадаю в категорию людей, схожих с теми, что вы описали. Мне трудно понять тех, кто и не подумает выразить благодарность Богу, когда с ними происходит что-то хорошее, но скор на проклятия Ему, стоит случиться чему-то дурному.

Искренняя благодарность может преобразить нашу жизнь. Способность благодарить Бога за Его благословения и хвалить Его даже в тяжелые времена — на мой взгляд, признак зрелой веры. Не могу описать, как тяжко мне было потерять любимую дочь. Но когда, как часто случается, кто-нибудь спрашивает меня: «Ради всего святого, почему Бог позволил вашей дочери умереть — ведь вы, как пастор, столько для Него сделали?!» — я отвечаю совершенно искренне: «А кто сказал, что я не должен испытывать боль? Всем нам приходится страдать — почему я должен быть исключением?»

Не стоит думать, что это Бог без разбора «валит» людей направо и налево. Бог не творил греха. Не творил болезней. Не творил, например, насилия в семье. Вся эта грязь — плод нашего многовекового непослушания Богу.

Быть может, я сейчас заговорил в точности как те люди, что вас раздражают. Одним словом, мой вывод таков: пусть Бог остается Богом. Признаем, что Он здесь главный. Он знает то, чего не знаю я. И, если расставить все точки над «1», жизнь в благодарности — это жизнь, в которой мы склоняемся перед волей Всемогущего Бога. Спорим с ним о том, что не дает нам покоя, оплакиваем жизненные скорби, но в итоге говорим: «Спасибо Тебе за твои милости и помоги мне пережить болезненные потери, ибо Тебе ведомо то, чего не знаю я. Ты, Боже, бесконечен; я — человек, и мои знания ограничены. Со своей человеческой точки зрения я вижу лишь часть картины. Ты видишь картину целиком. Благодарю Тебя за Твои милости; благодарю и за то, что Ты даешь мне силы переживать жизненные трагедии и даже сознательно брать на себя чужую боль, помогать людям, чьи горести

разрывают мое сердце так же, как и Твое».

Билл:

Итак, кажущаяся случайность действий Провидения на самом деле вовсе не случайна, но смысл ее откроется нам только после смерти? А тем временем жуликоватый делец-атеист процветает, а у благочестивых родителей-христиан умирает ребенок. Почему же любящий Бог не позволяет нам понять, зачем это нужно? В чем смысл этих загадок?

Джон:

Да, думаю, здесь я должен с вами согласиться: кажущаяся случайность действий Провидения на самом деле вовсе не случайна, но смысл ее, возможно, откроется нам лишь после смерти.

Однако не хотелось бы на этом и останавливаться.

Я, как и вы, человек рациональный и предпочитаю «левополушарные» ответы.

И я обнаружил, что на некоторые жизненные вопросы есть простые и очевидные ответы. Например: «Если я поеду по встречке — произойдет ли авария?» Ответ понятен. Кто будет за это отвечать? Я сам. Моя ошибка, глупость, невнимательность, эгоизм вызовут трагедию, возможно, приведут к смерти меня или моих близких. Если я выживу, то мне придется иметь дело с последствиями своих собственных действий.

Однако этот ответ, вполне адекватный для меня, виновника аварии, вряд ли подойдет родным пассажиров встречной машины, которые по моей вине потеряют мужа, жену или детей. Им, быть может, предстоит до конца жизни взывать к Богу, повторяя один-единствен-ный вопрос: «Почему?»

Да, временами и мне кажущаяся случайность действий Провидения или то, что видится нам как Его бездействие, представляется необъяснимым, капризным произволом — с моей ограниченной точки зрения.

Библия обращается к тому же самому вопросу, который подняли сейчас вы, о жуликоватом дельце-атеисте — вечному вопросу: «Почему порочный преуспевает, а праведник остается в нужде?» По этому поводу в Библии говорится: «Дождь льется на праведных и неправедных».

Не думаю, что любящий Бог намеренно сделал этот вопрос для нас неразрешимым. Нет, думаю, дело не в этом. Дело в том, что я — человек и возможности моего понимания неизбежно ограничены, а Бог — существо сверхъестественное, сверхчеловеческое. Бог безграничен. Это факт: Бог создал нас такими, что мы не можем познать все. Я могу стонать и жаловаться, могу требовать, чтобы Бог дал мне возможность все понять. Но при этом я опасно

приближаюсь к самообожествлению — ставлю себя в положение Бога или даже кого-то высшего, чем Бог: я требую, чтобы Бог подчинялся моим правилам, вместо того чтобы самому смиренно и почтительно подчиняться его правилам.

Быть может, как вы и предполагаете, мы все поймем после смерти. А может быть, тогда это будет уже неважно. Библия говорит: «Тогда узнаете подобно тому, как вы теперь познаны». Все наше видение совершенно изменится.

Но для меня важнее то, что прямо сейчас я выбираю доверять Богу. Это и называется верой.

Иов, без всякой своей вины потерявший все, выражал свою веру так: «Если Он и убьет меня — все равно доверюсь Ему!» Это и есть вера — сама суть бытия верующего в Иисуса Христа. И доверяясь Ему, я вправе разговаривать с Ним, спорить с Ним в молитве, оплакивать несправедливость, задавать Ему прямые вопросы о кажущейся случайности добра и зла. Но в итоге я благодарю Его за все Его милости и стремлюсь любить Его и доверять Ему даже в том, чего попросту не могу понять.

Откровенно говоря, быть человеком и, значит, не знать всего. Знать все — значит быть богом. И мне в своем незнании всего лучше молитвенно склониться перед Тем, Кто знает все, и довериться Ему, чем требовать ответов на все вопросы. Бог достаточно благ, даже если я не понимаю всего — не понимаю смерти моей дочери и иных глубоко личных и болезненных для меня скорбей. Вместо того чтобы рвать и метать в разрушительном гневе на Бога, если Он существует, и на несправедливость жизни, я готов довериться Ему в тех вопросах, которые для меня — тайна и могут остаться тайной до конца жизни.

Читая письма Джона, я не жалел о том, что вызвал его на эту переписку. С христианской точки зрения его ответы были безупречны. Он предлагал мне лучшее, что может предложить христианство, — просто я в это больше не верил. Я написал Джону, что благодарен ему за ответ, однако он меня не удовлетворяет: все это звучит не слишком убедительно, когда вспоминаешь о множестве ни в чем не повинных людей, жизнь которых полна боли и горя.

Билл:

Для меня единственная возможность найти в этих трагедиях какой-то смысл (если Бог существует) в том, чтобы сопоставить срок мучительной жизни (жизни жертвы сексуального насилия или тяжелобольного ребенка и т. д.) с вечностью.

Вы думаете так же? Даже самая худшая жизнь на земле — булавочный

укол в сравнении с жизнью вечной?

Джон:

Спасибо вам за то, что не отворачиваетесь от труднейших вопросов. Я чувствую вашу неудовлетворенность. И верю: то, что вы описали, разрывает сердце Бога. Именно поэтому Бог явился нам в Личности Иисуса Христа, чтобы зародить возможность нового начала и в этой, а не только в будущей жизни.

Верно, самая худшая жизнь на земле — лишь булавочный укол в сравнении с вечностью. И меня этот ответ тоже не удовлетворяет. Хотя я верю в буквальный рай, в котором все мы, искупленные из-под власти греха, будем жить такой блаженной жизнью, какую не можем даже представить себе здесь, на земле.

Но моя задача, как служителя благовестия Христова, не раздавать направо и налево обещания «райских яблочек в райских садах». Я не стремлюсь обесценивать обетования Бога о будущей жизни, но хочу подчеркнуть: «вечная жизнь», жизнь с Богом может начаться для нас не только в жизни грядущей, но и уже сейчас.

Об этом говорил Иисус, когда сказал: «Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего единородного, дабы всякий, кто верует в Него, не погиб, но имел жизнь вечную». Он говорит здесь не просто о «жизни без конца». Он описывает жизнь с Богом, доступную для каждого из нас — и в будущей жизни, и в этой, как бы ни ужасны были ее обстоятельства.

Билл, мы с вами оба травматизированы своим профессиональным опытом. Вы, журналист, постоянно сталкиваетесь с отвратительной изнанкой человеческой жизни: с вопиющей несправедливостью, с последствиями греха, с ужасающей пустотой в душе насильника и с отчаянием жертвы. Я, пастор, разделяю с вами этот профессиональный риск: мне тоже постоянно приходится сталкиваться с худшим в жизни людей. Когда я служил в Питтсбурге, ко мне пришел один из моих прихожан, тоже переживавший кризис веры. Он был детским нейрохирургом. Изо дня в день он видел одно и то же: маленькие дети, ни в чем не повинные, в результате несчастных случаев становятся калеками, или заболевания мозга угрожают их жизни. Он был очень близок к эмоциональному и духовному срыву: он не мог понять, почему благой Бог допускает совершаться этим трагедиям. Все мы трое видим жизнь в ее худших проявлениях и порой можем забывать о том, что даже самая несчастная жертва жизненных трагедий все же может переживать счастливые дни, может радоваться и благодарить Бога за ниспосланные ей радости жизни, невеликие, но для нее драгоценные.

Порой мы забываем и о том, что насильник зачастую тоже когда-то был жертвой. Окончательное исцеление невозможно, пока мы не признаем, что все мы — падшие люди в падшем, надломленном мире и каждому из нас необходимо простить других и принять прощение Бога.

Единственный для меня способ разобраться с тяжелыми вопросами из числа тех, что волнуют вас, — не откладывать их на потом, надеясь получить на них ответ в будущей жизни. Нет: мне нужно уже здесь, в этой жизни, знать, что Бог — наш друг, что Он рядом с каждым из нас, даже самым униженным и страдающим.

Ответ получается длиннее, чем я ожидал. В заключение хочу привести слова немецкого богослова Юргена Мольтманна, написавшего классический труд под заглавием «Распятый Бог». В этой книге он размышляет над библейским утверждением, что человек не способен взглянуть в лицо Богу. Традиционно это понимается так: слава Божья испускает такой ослепительный свет, сияет такой красотой и величием, что в Его присутствии мы просто не могли бы существовать. Мольт-ман говорит: давайте предположим, что верно обратное. Быть может, Творец мира настолько тесно связан с нами в тяжелейшей нашей боли, в наших грехах, за которые Он принес искупление на кресте, в невыносимой тяжести человеческого бесчеловечия, что лицо Его искажено мукой, сам вид которой для нас невыносим.

Для меня единственный способ разобраться с тяжелыми вопросами, которые вы задаете, — погрузиться самому в эту мрачную изнанку человеческого бытия и, с Божьей помощью, принести несчастным хоть малую толику Его исцеления. Нет большей радости, чем благодарность того, кому ты смог помочь — хотя бы тем, что просто был с ним рядом.

Знаю, мой ответ не похож на текст из катехизиса: аккуратненький, расписанный по пунктам. Но я не готов погружаться в отчаяние. Еще ни разу мне не приходилось встречать человека, который, если поговорить с ним начистоту, не признал бы, что и в самых трагических обстоятельствах наша жизнь не лишена милостей Божьих.

Как бы ни были хороши ответы Джона, я чувствовал, что зря трачу его время, и прекратил переписку. Он прекрасный пастор, но до меня ему достучаться не удалось. Джон — упрямый оптимист, сталкивался с теми же вызовами уму и сердцу, что и я, но продолжал верить, несмотря ни на что. Он не отступал на позицию безличного трансцендентного Бога — он настаивал на таком Боге, который может вмешаться в любой момент, но часто предпочитает этого не делать. Я восхищался Джоном, но его рассуждения казались мне

пустым сотрясением воздуха. Много лет я пытался, отбросив сомнения, примирить всемогущего и бесконечно любящего Бога с тем, что вижу вокруг себя, — и проиграл эту битву, Я не мог больше игнорировать реальность. Не мог верить христианству — так же, как не мог верить, что два плюс два равняется пяти. Мой мир рушился. И не было машины времени, способной отправить меня обратно, з спокойные и удобные времена, когда верить в Бога бцло для меня естественно, как дышать.

Я начал видеть, что у пережитых мною «чудес» есть рацирнальные объяснения. Мистическое переживание «нового рождения» на семинаре в горах — не прикосновение Иисуса, а совокупный результат усталости, эмоционального напряжения и страстного желания верить. Прежний начальник отдал мне 45 тысяч долларов не потому, что я просил об этом Бога, а потому, что он счел Это справедливым. Успехи в работе, наладившаяся семейная жизнь — все это связано не с водительством

Бога, а просто с тем, что я повзрослел и остепенился. И то, что я в конце концов получил работу религиозного репортера в «Таймс», — результат не божественного вмешательства, а многих лет тяжелой и упорной работы.

Изменилось для меня и кое-что другое. Теперь я видел, что вера в Бога, какие бы ни приводились в ее пользу логические и рациональные доводы, требует «прыжка веры». Либо у тебя есть дар веры, либо нет. Это не вопрос выбора. Я привык думать, что мы просто принимаем решение: верить в Иисуса или нет. Собираем факты и выносим вердикт. Но все оказалось не так просто. Вера рождается где-то в глубине души, под влиянием воспитания, семьи, друзей, пережитого опыта и желаний. Это совсем не похоже на голосование, где берешь бюллетень и ставишь галочку за демократов, республиканцев или за независимого кандидата. Христиане часто обращаются к отпавшим от веры так, словно те отвернулись от Бога намеренно, по собственному желанию. Но я страшно тосковал по своей вере, изо всех сил старался ее вернуть — и тем не менее голова моя не могла приказывать сердцу. Я теперь знал: то, во что я хочу верить, — неправда. Я просто больше не верил в Бога, хоть и цеплялся за свою веру изо всех сил. Веру нельзя вызвать усилием воли. И даже имитируя отсутствующую веру, можно обмануть других, но не самого себя.

Новообретенная честность с самим собой породила одиночество и страх. О глубине моего неверия знали только двое: Хью и Грир, моя жена. Хью полагал, что я неверно понимаю то, что со мной происходит. Он не сомневался, что я по-прежнему христианин, просто переживаю «темную ночь души». Он был уверен: рано или поздно я вернусь в церковь. Ведь я уже спасен, а

спасение отменить невозможно.

— Бог не даст тебе уйти, Билли! — говорил он.

Грир — другое дело: в том, что потеряла веру, она призналась еще раньше меня. Грир — одна из самых дисциплинированных людей на земле. Каждое утро она встает на рассвете, кормит завтраком и собирает в школу наших четверых сыновей и садится за работу: процветающий интернет-сайт под названием GreerOC.com, предлагающий читателям последние новости о моде, ресторанах и досуге в округе Оранж. Во второй половине дня отправляется в Исследовательский Центр Диабета у Детей и Подростков округа Оранж, где Грир стала волонтером с тех пор, как нашему второму сыну Тристану поставили диабет первого типа. А в свободное время Грир бегает на длинные дистанции.

Ту же методичность и упорство она проявляет и в любой другой деятельности, будь то вечернее чтение сложнейших произведений классической литературы или поиск правды о Боге.

Не знаю, ставить ли себе это в заслугу или в вину, но потеря веры для Грир началась с разговоров со мной. Приходя с работы, я рассказывал ей обо всем, что видел и слышал за день, — и она слушала, разделяя со мной мой ужас, гнев и отвращение. Нескончаемый поток моих рассказов пробудил давно дремавшие в ней сомнения и заставил увидеть собственный католический опыт в новом свете. По ее словам, священники на исповеди и во время духовных наставлений многие годы запугивали ее, заставляли чувствовать себя ничтожной и постоянно в чем-то виноватой. И вдруг она узнает, что эти самые священники покрывали преступления своих собратьев-деторастлителей или сами совершали грехи куда более серьезные, чем у нее! Она начала видеть в католических священниках самых обычных людей: только принадлежащих к некоему мужскому клубу, члены которого, как почему-то считается, обладают особой силой — способны превращать хлеб и вино в буквальные Тело и Кровь Христовы — и этим якобы поставлены над всем остальным человечеством. С тех пор вера ее таяла на глазах, и очень скоро Грир перешла к «стадии гнева». Теперь она не понимала, как могут верующие оказывать глубокое почтение священнику, кем бы он ни был, просто потому, что церковь посвятила его в сан! Она злилась на то, что ее отлучили от причастия: в глазах католиков она была прелюбодейкой, поскольку не венчалась в церкви. Горько смеялась над тем, какое внимание уделяют прихожане священническим облачениям и епископским митрам — в сущности, просто маскарадным костюмам, дошедшим до наших дней из Средневековья. Ее возмущало, что католики именуют кардиналов «их преосвященствами», а папу «его святейшеством»:

ношение этих ничем не заслуженных титулов, по ее мнению, граничило с идолопоклонством.

— Подумать только, мне пришлось дожить до сорока двух лет, чтобы все это понять! — говорила Грир. — Но теперь я свободна. Больше никаких сомнений.

Будь я по-прежнему верующим, я бы возразил, что вся ее критика относится к порокам людей и человеческих установлений. Бог здесь ни при чем. Но я сам прошел через эту стадию и знал, что за ней наступает черед более глубоких логических сомнений в религии как таковой.

Сам я, однако, все еще оплакивал свою потерянную веру. И завидовал тем, у кого она есть. Мне казалось, им живется проще: они не мучаются сомнениями, у них всегда при себе путеводитель, указывающий дорогу к вечному блаженству.

А я, лишившись Бога, столкнулся с множеством проблем. Теперь я мог надеяться только на себя: никакая всемогущая сверхъестественная сила не стояла у меня за спиной. Не мог ходить в церковь, где прежде все — музыка, проповеди, люди — утешало меня в горестях и придавало сил. Хуже всего: пришлось осознать, что у меня нет совершенного Отца, готового заключить меня в объятия и любить, что бы я ни натворил. Я оказался одинок в этом мире — во многих отношениях. К воинствующим атеистам, которые порой не уступают фундаменталистам надменностью и нетерпимостью, мне присоединяться не хотелось. Идти в Унитарианскую церковь, что собирает под своей крышей христиан, иудеев, буддистов, агностиков, атеистов и многих других? На мой вкус, все равно что пить безалкогольное пиво. Какой в этом смысл?

Новообретенное неверие доставляло мне неудобства и в быту. Теперь, слыша, что кто-нибудь потерял работу, заболел или пережил смерть родственника, я вдруг начал чувствовать себя неловко. Что ответить? Говорить, как раньше: «Буду думать и молиться о тебе», теперь нельзя. Упрощенное «Буду думать о тебе» звучит как-то бессмысленно. Хоть я теперь и знал, что молитвы не помогают, однако чувствовал себя беспомощным и даже эгоистичным от того, что больше не молился за других. В то время я пытался вместо молитв «посылать позитивные мысли». Теперь знаю: самое лучшее, что можно сделать для человека в беде, — предложить свою помощь, а если помочь невозможно — просто не оставлять его наедине с горем. Человеческое вмешательство чудес не творит, однако, на мой взгляд, действует эффективнее безмолвной молитвы.

Огромной проблемой стала для меня смерть. Я и прежде ее побаивался, а теперь она начала наводить ужас. В вечную жизнь на небесах я больше не верил. Иисус обещал приготовить в доме Отца Своего обитель для меня. Эту «обитель» я всегда представлял себе по-детски — как дом, заполненный всем, что я люблю: здесь мои лучшие друзья, любимые блюда, широкоэкранный телевизор с неисчерпаемым запасом фильмов и

спортивных репортажей, бассейн, спортивные снаряды, а где-то совсем рядом — пляж и море. Умом я понимал, что райское блаженство куда более возвышенно, что мне предстоит жизнь с Господом; но эта картинка стала для меня удобным символом, к которому я часто обращался. Но теперь я больше не верил Библии, и будущая жизнь для меня покрылась непроглядной мглой.

Если же Библия все-таки говорит правду, мне предстояло оказаться в аду, потому что я отверг Бога.

***

Однажды Грир прочла в «Таймс» любопытную заметку о пьесе-монологе под названием «Прощание с Богом». Заинтригованная, она купила два билета, и скоро мы с ней сидели в зале небольшого голливудского театра, ожидая, когда на сцене появится Джулия Суини.

Суини, известная телезрителям по роли Пэт в «Субботнем вечернем шоу», сама написала этот монолог, рассказывающий о ее собственном религиозном опыте. Она заговорила — и я почувствовал, что сердце мое забилось быстрее. Я не сводил с нее глаз. Она рассказывала о своем духовном пути, от католичества к безмятежному атеизму, а у меня мурашки бежали по коже. Детали различались, и все же она рассказывала мою историю. Шутки, доводы рассудка, переживания, догадки — все было так знакомо, словно она обращалась прямо ко мне. Говорила для меня. С неизъяснимым облегчением я понимал: я не один такой.

Есть и другие. Не фанатичные атеисты, не циничные безбожники — те, кто верил всерьез, кто сражался за свою веру, но потерпел поражение.

«Урожденная» католичка, Суини рассказала, что первые сомнения возникли у нее, когда она записалась на приходские курсы изучения Библии и начала читать Священное Писание подряд, начиная с Книги Бытия и заканчивая Откровением:

> Я знала, что в Библии есть странные истории, однако до сих пор считала их каплями в море величия и красоты. Но нет - чем дальше, тем библейские сюжеты становились непонятнее и

> мрачнее. Взять хоть историю про Авраама, которому Бог приказал убить своего сына Исаака. Когда я была маленькой, меня учили этим восхищаться. Сейчас я читала - и у меня перехватывало дыхание. Восхищаться этим?! Что за садистское испытание верности - приказать человеку убить собственного ребенка? И разве не очевидно, что правильный ответ: «Нет, я не убью своего ребенка, я вообще не буду убивать детей!»?

И у меня были те же проблемы. Я всегда считал, что глупо понимать Библию буквально: взять хотя бы историю Ноя и его ковчега. Как все виды животных, сколько их есть на Земле, уместились на одном судне? Чем их кормили, кто за ними убирал? Как Ной сумел прожить 950 лет? Конечно, думал я, Богу все возможно, однако в этой истории не чувствуется непогрешимое слово Божье, а чувствуется дух обычной человеческой сказки. И такими сказками полна вся Библия. Кроме того, Бог в ней изображается одновременно милосердным и безжалостным, мстительным и готовым прощать, гневным и добрым, терпеливым и нетерпеливым, непредсказуемым и неизменным. Можно с ума сойти, пытаясь уследить за сменой его настроений! Рассказывала Суини и о других своих открытиях:

> И даже если оставить в стороне все эти жуткие истории о принесении в жертву собственного потомства - ветхозаветные законы ведь тоже очень трудно понять и принять. Книги Левита и Второзакония полны архаических законов, логику которых нам сейчас и вообразить сложно. Например: если человек займется сексом со скотиной, убейте обоих. Ну, человека - это еще как-то можно понять, а скотину-то за что? За добровольное согласие? Или предполагается, что теперь без секса с человеком она жить не сможет?

И Новый Завет, на взгляд Суини, оказался не лучше Ветхого: Иисус здесь был «страшно раздражительным и намного злее, чем я ожидала». (В этот миг я едва удержался, чтобы не крикнуть с места: «Свидетельствуй, сестра!»)

> Надо сказать, больше всего расстроило меня отношение Иисуса к семье. Звучит удивительно, если вспомнить, сколько людей вокруг говорят, что их семейные ценности основаны на

> Библии. Но я хочу сказать: Иисус ведь, кажется, совсем не любил своих родителей. Мать свою он отталкивает раз за разом. На свадьбе говорит ей: «Женщина, что мне до тебя?» В другой раз, когда он говорил перед толпой, мать тихо стояла в сторонке и ждала, когда он соизволит к ней обратиться, а он сказал ученикам: «Отошлите ее прочь, теперь вы - моя семья...» Иисус не одобряет контактов новообращенных со своими семьями. Сам он, как мы знаем, не женится, не имеет детей и своим последователям открыто советует не заводить семью, а если семья у них уже есть - ее покинуть.

Она подробно рассказала о том, как отчаянно пыталась сохранить веру, хотя ясно видела все ее пробелы. Потерпев неудачу с христианством, начала искать Бога в восточных религиях, религиях природы и любви — прибежище сторонников безличного, трансцендентального божества. Но в конце концов, по ее словам, ей «пришлось поставить правду превыше того, что я хотела считать правдой». Для меня это был самый проникновенный момент в пьесе. Я так хотел, чтобы христианство было истинным, как будто мое желание имело власть превратить фантазию в реальность!

Суини начала рассказ о своей атеистической жизни, и ее слова принесли мне успокоение. Она не избегала темы смерти, напротив, прямо сказала, что, по ее нынешнему убеждению, наше сознание умирает вместе с другими органами. Мне это показалось вполне разумным: пока я не родился, у меня не было сознания — и после того, как умру, его не будет. А что останется? Ничто. Это откровение возымело немедленное и любопытное действие. Прежде я считал, что в моем распоряжении вечность — теперь вечность сжалась до срока одной человеческой жизни, и эта жизнь, это время, отпущенное мне на земле, вдруг приобрело в моих глазах необычайную ценность. Суини говорила об этом так:

> Вдруг я очень остро ощутила, что живу. Именно я - с моими собственными мыслями, с моей собственной историей, вот на этом крохотном отрезке времени. У меня есть этот отрезок времени, чтобы думать, о чем хочу, и делать, что хочу, и удивляться миру, и любить людей, и пить кофе, когда мне захочется кофе. Вот и все.

По дороге домой я ощущал прилив бодрости, как будто совершил открытие, придавшее смысл моей жизни и вернувшее моему уму покой. Пьеса Суини стала ключевым элементом, которого недоставало моему новому мировоззрению. Теперь я мог открыть дверь в новую жизнь — без Бога. И ничего особенно страшного в этом не было: напротив, это было ново и увлекательно. Словно переехать в новый дом.

В колледже я подрабатывал спасателем на пляже Хантингтон-Бич, штат Калифорния. Чудесная летняя работа: охранять воды одного из самых прекрасных и самых опасных в мире пляжей. За четыре лета я вытащил из воды около полутора тысяч утопающих. Чаще всего это были пловцы, застигнутые обратным течением — волнами, которые образуются у берега и несут человека в открытое море. Само по себе обратное течение безопасно. Оно не затягивает под воду, не захватывает слишком большое пространство, а за линией прибоя рассеивается. Но неопытный пловец об этом не знает. Он чувствует только, что его быстро уносит в море. В панике он начинает колотить руками и ногами по воде, отчаянно стремясь вернуться на берег. Теряет силы и, наглотавшись воды, идет ко дну. Плыть против сильного обратного течения невозможно. Но опытный пловец знает, как его перехитрить. Либо он плывет в сторону, перпендикулярно волнам, и скоро выходит из зоны обратного течения, либо просто ждет, когда течение вынесет его за линию прибоя и сойдет на нет.

Ощутив сомнения в вере, я поначалу повел себя как перепуганный пловец: отчаянно пытался пробиться против течения назад к берегу, в безопасную гавань христианства. Но течение истины захватило меня и не желало отпускать. Я решил: хватит с ним бороться — и ощутил облегчение, даже безмятежность. Тогда я сказал себе: что ж, поплывем за линию прибоя и посмотрим, куда это течение меня принесет.

17 Последний сюжет
Безбожник Последние штрихи Все кончено

> Церковь вечно требует, чтобы мы исправились. Лучше бы показам нам пример и исправилась сама!
>
> Марк Твен, «Пешком по Европе»

Итак, я сделался безбожником, пишущим о религии. И передо мной встала новая проблема. Нет, не недостаток объективности — я знал, что смогу, как и

прежде, писать честные и взвешенные материалы, — а профессиональное выгорание. Я слишком устал от горя и зла. Как детектив из отдела убийств. Один мой друг, полицейский, говорит: работа у него тяжелая, потому что постоянно приходится иметь дело либо со страшными людьми, либо с людьми в страшных обстоятельствах. О своей работе я мог сказать то же самое. Я заслужил определенную репутацию, и истории о недостойных членах церкви сыпались на мой почтовый ящик одна за другой. Многие из них остались неопубликованными: как, например, рассказ о популярном молодом пасторе, оказавшемся под следствием по обвинению в том, что он нанял киллера для убийства своего любовника, или об известном всей стране консервативном проповеднике, который изменяет своей жене при каждом удобном случае и регулярно накачивается наркотиками на ночь. В одних случаях пострадавшие не обращались в суд. В других мне не удавалось найти дополнительные источники, которые подтвердили бы эту историю.

Тем не менее я много публиковался и из года в год получал национальные премии. Однако сам ощущал, что мое отношение к работе окрашивается неприятным цинизмом. Старался уделять больше внимания оптимистичным историям о вере, но и это не помогало. Я потерял увлеченность, журналистский азарт, прежде поддерживавший меня в работе даже над самыми мрачными сюжетами. А поскольку больше не верил, что призван Богом писать о религии, не видел смысла дальше этим заниматься. Конец был близок.

Конец наступил летом 2005 года, в зале суда в Портленде, штат Орегон.

Я уже рассказывал о сети взаимопомощи жертв сексуального насилия священников. В США существует несколько похожих организаций — групп взаимной поддержки женщин, родивших от католических священников детей. Как правило, священник не интересуется своим ребенком. Его начальство также не предлагает этим детям почти никакой поддержки: ни моральной, ни финансовой.

Один из моих информантов позвонил мне, рассказал историю, и я отправился в округ Малтномах. Мне предстояло написать о безработной женщине, которая тринадцать лет назад забеременела от семинариста. Теперь она пыталась добиться через суд алиментов для своего больного двенадцатилетнего сына.

Отец Артуро Урибе, сорока семи лет, держался на свидетельском месте спокойно и уверенно. Белая рубашка с расстегнутым воротом, серые брюки, синий блейзер с золотым крестиком на лацкане, уверенная улыбка. Он никогда не видел своего сына, ни разу с ним не разговаривал. Не знал даже, как

правильно произносится его имя. Позиция его была проста: с сильным испанским акцентом Урибе сообщил суду, что не может платить за лечение сына более 323 долларов в месяц, поскольку у него нет ни сбережений, ни доходов.

— Моя одежда — единственное мое достояние, — объяснил он портлендскому судье.

Женщина-адвокат, нанятая религиозным орденом Урибе, холодно и решительно поддержала позицию своего клиента. Он католический священник, он принес обет бедности — следовательно, законы об алиментах не имеют к нему никакого отношения.

Стефани, мать мальчика, не могла нанять адвоката. У нее не было ни работы, ни жилья. Жила она вместе с сыном в подвале, куда пустила их из милости подруга. Жизнь в сыром подвале ухудшала состояние ребенка — тяжелого астматика и аллергика, которому только за последний год было прописано 28 медикаментов. Питались мать и сын в благотворительной столовой: денег не хватало даже на еду.

— Он [Урибе] достиг успеха, он делает карьеру, а мы здесь боремся за выживание! — говорила мне Стефани перед началом суда. — Ситуация однозначная. Я сделала анализ ДНК, он доказывает, что за ребенка несет ответственность он и [его орден]. Что за бессовестные люди!

В суде Стефани защищала себя сама. Не зная юриспруденции, она постоянно путалась в юридических терминах и процедурах. В ходе трехчасового заседания ей помогал судья. Иногда — в формальных вопросах, не имеющих значения для дела, — что-то подсказывала защитница Урибе. Но, как только речь заходила о деле, представительница противника безжалостно затыкала ей рот шквальным огнем возражений и протестов. Смотреть на это было больно и стыдно.

Наконец, едва ли не извиняясь, судья вынес решение в пользу Урибе, пастора крупного прихода в Уить-ере, штат Калифорния. Формально Урибе был в своем праве: у него нет ни имущества, ни доходов. Его монашеский орден очень богат, но орден — не отец мальчика. Закон здесь бессилен.

— Ничего у меня не вышло, — говорила Стефани после суда, утирая слезы. — Ну что ж, по крайней мере, я не сидела сложа руки.

Стефани не в первый раз судится с Католической церковью. Первый иск, тоже по поводу алиментов для своего сына, она подала двенадцать лет назад против Портлендского архидиоцеза. Тогдашний архиепископ Портленда Уильям Джозеф Ливада, ныне ватиканский кардинал и ближайший советник

папы Бенедикта XVI, писал в своем ходатайстве, что «рождение ребенка у истицы и связанные с этим расходы... являются результатом небрежности истицы», а именно того, что она совершила «половой акт без использования средств предохранения». Церковный юрист позже оправдывался передо мной: он — адвокат и для защиты своего клиента обязан использовать все дозволенные законом аргументы. Но ведь его клиентом был Ливада, один из лидеров мирового католичества. И этот человек обвинял Стефани в «небрежности» за то, что она не предохранялась — то есть, по католическим понятиям, не стала совершать смертный грех!

Сначала орден Урибе согласился выплачивать Стефани 215 долларов в месяц, через несколько лет поднял эту сумму на 108 долларов. Однако мальчик болел, расходы на лечение и уход за ним росли, а Урибе и его орден отказывались платить больше. Незадолго до публикации моей статьи Урибе прислал мне официальное письмо, холодное и деловое, в котором чувствуется рука законника, но совсем не видно отца:

> Руководство ордена согласилось принять на себя мои обязательства по поддержке ребенка. Орден выполняет свои обязательства, причем предоставляет или предлагает даже большие суммы, нежели те, что я обязан выплачивать [по закону]... Я намерен и далее молиться за своего сына и его мать.

По словам Стефани, Урибе никогда не общался со своим сыном. Даже когда, после смерти папы Иоанна Павла II, мальчик послал ему альбом с семейными фотографиями и попросил дать интервью для школьной газеты, священник не ответил. Долгими вечерами сын Стефани сидит у телефона, ожидая звонка от отца, которого никогда не дождется.

— Зато Артуро за нас молится!.. — с горечью говорит Стефани. — Бог, в которого верю я, не потерпел бы отца, который отворачивается от родного сына!

На последней судебной битве Стефани присутствовали, не считая меня, лишь двое зрителей — ее сестра и зять. Когда слушания закончились, я остановился у

дверей зала суда, надеясь взять комментарий у священника и его адвоката. Победители, улыбаясь, вышли из зала; я остановил их, представился журналистом «Лос-Анджелес тайме» и начал задавать Урибе вопрос.

— Без комментариев! — испуганно вскричала адвокат. — Он не дает

комментариев!

— Отец, вы не хотите ответить на мой вопрос? — спросил я.

— Без комментариев! — ответила она за него.

И парочка поспешно скрылась в лифте, явно встревоженная тем, что на слушания попал репортер из Лос-Анджелеса. Несколько минут спустя двери лифта снова растворились. Адвокатесса вернулась в зал суда: там она попыталась уговорить судью закрыть материалы дела для публичного доступа, но судья отказал.

Было бы смешно, если бы не было так грустно! Легко понять, почему Католическая церковь предпочла бы не предавать этот случай огласке. Когда вышла моя статья, даже самые благочестивые прихожане были поражены тем, как бездушно обошлась церковь с незаконным сыном священника, нуждающимся в деньгах на еду и лекарства. (После выхода моей статьи пристыженный орден добровольно предложил Стефани адекватное денежное соглашение.) Не меньше поразило их то, что кардинал Ливада поставил свою подпись под юридическим документом, обвинявшим женщину в «небрежности» за то, что она не предохранялась!

Проблема в том, что меня это больше не поражало. За последние годы, работая с темой секс-скандала, я узнал, что священники, епископы и кардиналы способны на гораздо худшее. И еще до начала суда по делу Урибе прекрасно знал, чем он закончится.

Я шел по улицам Портленда в сгущающихся летних сумерках, чувствуя, что дошел до предела. Пытался разозлиться, но не мог выдавить из себя даже это чувство. Ощущал только безмерную усталость, подавленность и пустоту. Я дошел до скамейки, сел, набрал номер жены и сказал ей, что буду искать новую работу.

18 Добро пожаловать в наши ряды
Обратная связь Мне не стыдно

> Человеку, от природы доверчивому, нужно время, чтобы смириться с мыслью, что Бог ему не поможет.
>
> Х. Л. Менкен, «Рассказ о меньшинстве»

Возможности «выйти из чулана» и сообщить, что больше не верю в Бога, я ждал больше года. Ждал, пока утихнет шум, поднятый моими

расследованиями. Хотел, чтобы упрочилось мое новое отношение к вере, улеглись эмоции. Религиозную журналистику — как и веру — я покидал с чувством гнева и не хотел вести себя словно отвергнутый любовник, жаждущий отомстить религии.

Потерю веры нетрудно было держать в секрете: ведь я не говорил о религии ни с кем, кроме ближайших друзей. А друзья, когда я им признавался в том, что со мной произошло, бывали поражены. Неудивительно: мне, чтобы признать, что я потерял веру, и к этому привыкнуть, потребовалось несколько лет, а они узнавали об этом за несколько минут.

Однажды я столкнулся в редакции с Кристофером Гоффардом, журналистом, недавно пришедшим на работу в «Таймс». Я работал с ним несколько лет назад и восхищался как его материалами, так и им самим. Пару лет мы поддерживали связь и

порой разговаривали о религии. Вот и сейчас при встрече он задал мне какой-то проходной вопрос о моей вере.

— Знаешь, — сказал я ему, смущенно улыбаясь, — а я ведь больше не верю в Бога.

— Что-что? — переспросил он, словно не расслышав.

— Крис, я больше не верю в Бога.

— Как же так? Ты же был такой религиозный! Что случилось?

— Потерял веру, пока писал о религии.

Ответ Кристофера сделал бы честь любому журналисту:

— Слушай, а ведь это отличный сюжет! Давай пообедаем вместе, и ты мне все подробно расскажешь!

Несколько дней спустя, за тарелкой куриных такое с рисом и бобами, я попытался рассказать ему свою историю. И с удивлением обнаружил, что сам не вполне понимаю, как и почему пришел к атеизму. Причины моего неверия скрывались в мешанине запутанных чувств и разрозненных историй. Я всегда от души соглашался с Сократовой максимой: «Стоит ли жить, если не исследуешь собственную жизнь?» — поэтому дал себе зарок разобраться со своим отпадением от веры.

К счастью для меня, газета давала мне возможность проследить собственный духовный путь и рассказать о результатах исследования. Как раз недавно «Таймс» открыла новую рубрику: колонки «от первого лица», быстро завоевавшие популярность. Одна журналистка рассказала в этой колонке, как узнала о том, что у нее имеется высокий риск заболеть раком, и как это повлияло на ее решение выйти замуж, быстро обзавестись детьми и решиться

на хирургическую операцию, изменившую ее жизнь. Другой журналист поведал, как попал в больницу с сальмонеллезом, а затем провел собственное расследование, выясняя, откуда взялась сальмонелла, причинившая ему столько неприятностей. Иностранный корреспондент рассказывал о личной и профессиональной дилемме, с которой столкнулся в Сомали, где двое его коллег были убиты и ему самому грозила смертельная опасность. Все эти рассказы читались с огромным интересом. Мне казалось, что моя история с ними не сравнится. Находить увлекательные сюжеты я умел, но увлечет ли читателей сюжет обо мне самом? Впрочем, решил я, об этом стоит подумать.

Я набросал план колонки и отправил ее по электронной почте редактору. В «Таймс» много хороших редакторов, но Роджера Смита я всегда вспоминаю особенно добрым словом. Выглядит он как дорогой адвокат: идеальная прическа, аккуратно подстриженная седая бородка, неизменные костюмы, консервативные и потрясающе элегантные (особенно по меркам редакции). Роджер никогда не теряет хладнокровия, а справедливость в сочетании с добротой обеспечивает ему любовь репортеров, обычно не слишком-то снисходительных к редакторам. Роджер умеет распознавать интересный сюжет с первого взгляда и обладает талантом, позволяющим самый обычный репортаж превратить в шедевр. Работать с Роджером — честь для журналиста. Материалы, прошедшие его редактуру, регулярно выносятся на первую страницу, под заголовок «Первая колонка» — на место, предназначенное для лучшего материала номера.

Реджер написал мне в ответ, что идея ему нравится; однако, чтобы сделать хороший материал, мне придется рассказать о себе, в том числе, быть может, и то, что я предпочел бы скрыть.

Мы, журналисты, как правило, не слишком-то склонны изливать душу. Наша работа — не рассказывать о своей жизни, а быть соглядатаями чужой. Мы заглядываем в чужую жизнь, заносим в блокнот то, что там увидим, а потом рассказываем об этом от третьего лица. Это одна из самых привлекательных сторон журналистики. Каждый день ты получаешь бесплатный билет в новый мир. Я брал интервью у президента США; я стоял на бейсбольном поле Стадиона Ангелов, и мяч, пущенный нападающим «Ангелов Лос-Анджелеса», летел мне в лицо; я ходил по пятам за папарацци, выслеживающим знаменитостей в Беверли-Хиллз... и это лишь немногие из приключений, какие выпадают на долю журналиста.

«Твоя задача — сообщать о новостях, а героями новостей пусть будут другие» — вот первое, чему учат журншиста на заре его карьеры. Лишь

изредка, когда этого никак не избежать, мы неуклюже упоминаем о себе в третьем лице: «Мэр пригласил посетителя к себе в кабинет, вручил ему председательский молоток и сказал. ..|> Журналист подобен «четвертой стене» в театре: его э|адача — оставаться невидимым. Но теперь мне предстояло стать не «стеной», а актером на сцене, не посредником, а героем собственного сюжета.

Для начала нужно было разделаться с сомнениями. Зачем мне это? Ведь очень может быть, что результат меня вовсе не порадует. Верующие заговорят о моем «духовном провале», возможно, назовут меня предателем христианства. Или даже орудием дьявола. Меня будут высмеивать. Скажут, что мне место в аду. Даже Иисус говорил, что единственный непростительный грех — хула на Духа Святого!

Я спросил себя, зачем хочу об этом написать. Разобраться в собственном духовном пути — верно; но плоды этого труда не обязательно выносить на публику. Как журналист, я хотел это сделать, потому что видел, что это интересный сюжет. Но это еще не все. Были и иные мотивы.

Я догадывался, что есть и другие люди, борющиеся со своими сомнениями в Боге и религии; но они чувствуют себя одинокими и предпочитают держаться в тени — как и я еще совсем недавно. Мне вспоминалось, какое облегчение я испытал, услышав монолог Джулии Суини «Прощание с Богом». Быть может, мой рассказ тоже поможет другим?

Было у меня и еще одно, не столь благородное желание: показать всем, как люди, называющие себя христианами, отняли у меня столь дорогую мне веру. Если уж человек, так жаждавший верить, как я, ушел разочарованным — значит, с христианством в нынешней его форме что-то очень не в порядке, и кто-то должен указать на это верующим. Отчасти я чувствовал себя, как тот мальчик, что кричал: «А король-то голый!» — хоть и не строил иллюзий, что мои откровения кому-нибудь откроют глаза. Но, так или иначе, высказаться стоило.

Я распечатал сотни статей, заметок и репортажей, опубликованных мною за восемь лет работы на религиозном поле, и углубился в их изучение. Листал старые черновики. Вглядывался в фотографии, иллюстрирующие мои публикации. Чертил схему своего духовного пути, отмечал на ней ключевые моменты. Встречался со старыми друзьями и знакомыми, расспрашивал об их воспоминаниях. Я собирал материал для надгробного слова своей вере: ощущение сюрреалистическое и невыносимо печальное. Какая-то часть меня все еще не могла поверить в происшедшее: особенно когда я оживлял в памяти

восторги первых своих репортажей, в те дни, когда еще и представить не мог, какие скорби принесет мне эта работа. Порой я с презрением, даже с отвращением смотрел на самого себя — на свою наивность, слепую веру, на упрямую приверженность религии, на годы, потребовавшиеся мне, чтобы признать, что моя вера утрачена. В таком виде я сам себе не нравился и боролся с искушением подправить свой образ, чтобы выйти симпатичнее.

Верьте или нет, но в эти дни я обрел нового спасителя — Говарда Стерна, радиоведущего. Говарда часто критикуют, в числе прочего, за «примитивность и пошлость», однако критики не замечают того, за что Говарда любят миллионы людей — его потрясающую откровенность в эфире. Очень немногие из нас честно рассказывают о себе даже ближайшим друзьям; а Говард изо дня в день излагает слушателям самые темные свои мысли и неприятные секреты. Его программа — настоящий поток сознания, не сдерживаемый никакими правилами и приличиями. Послушайте Говарда — и тут же узнаете, что в детстве отец постоянно его критиковал, чем и породил в нем неуемную жажду успеха; что он ненавидит свою нескладную фигуру, огромный нос и маленький член; что он четыре дня в неделю ходил к психиатру лечиться от нарциссизма — не вылечился, зато стал хорошим отцом; что его возбуждают лесбиянки и нравятся звуки пердежа; что подружка-модель ему надоела и в последнее время по ночам он все чаще играет в компьютерные шахматы, вместо того чтобы ложиться с ней в постель...

Послушайте Говарда пару недель — и вполне возможно, что, сами того не желая, вы сделаетесь чем-то на него похожи. Когда человек честно рассказывает о своей жизни, своих неудачах, страхах и предубеждениях, в такой откровенности есть что-то очень привлекательное. Не случайно нас так трогают и эмоционально заражают чужие откровения, будь то «свидетельства» в церкви или рассказы о себе на собраниях анонимных алкоголиков. Человек, откровенно рассказывающий о себе — даже о самых отвратительных своих поступках, — всегда становится для нас более человечным, более симпатичным и привлекательным. Каждому из нас случалось и попадать в смешные или унизительные переделки, и делать гадости ближним, и мы восхищаемся теми, у кого хватает смелости признаваться и в том, и в другом. Однако откровенничать о себе в церкви, на собрании анонимных алкоголиков или в кабинете психотерапевта — одно дело, а на глазах у широкой публики — совсем другое!

Когда я писал эту статью, Говард Стерн стал для меня образцом. Он неизмеримо честнее среднего католического епископа. Я снова и снова

возвращался к тексту, переписывал каждый абзац по несколько раз, стараясь как можно точнее отразить свои чувства, сделать его более откровенным — более «говардовским». Некоторые эпизоды моей истории пришлось опустить: люди, в них участвовавшие, не хотели, чтобы я переносил частные беседы с ними на бумагу. Но, если не считать этого, я старался ни в чем не кривить душой. Наконец статья в шесть тысяч слов была готова. Роджер Смит провел над ней хирургическую работу — практически безболезненно сократил до более приемлемого размера в 3800 слов. Оставалось лишь дождаться публикации.

***

Нет ничего хуже в работе журналиста, чем этот зияющий провал между этапом редактирования статьи и ее публикацией. Ощущение такое, словно ты подплываешь к водопаду, не обозначенному на карте, и вот-вот пройдешь точку невозврата. В этот момент моя тревожность расцветает пышным цветом: сидя дома (или в ресторане, или в холле кинотеатра), я хватаю распечатку статьи, начинаю снова проверять и перепроверять факты, мучаюсь над каждой фразой, стараясь сделать ее точнее и отразить все нюансы. Если успеваю отловить какие-то ошибки до половины одиннадцатого вечера, звоню в редакцию и умоляю внести последние изменения. После этого редакция отправляется спать, а я еще долго сижу без сна и перечитываю свой труд.

Накануне публикации этой статьи я чувствовал себя так, словно в утлой лодчонке приближаюсь к Ниагаре. Внутри у меня все сжималось. Спросите журналистов, пишущих о религии, они скажут вам, что самые злобные письма приходят им от верующих, считающих, что журналист оскорбил их религиозные чувства. Религиозное рвение делает из мухи слона: самые мелкие ошибки, предрассудки, неуважительные выражения в глазах верующих принимают чудовищные размеры. А я решился выложить напрямик все свои мысли и чувства о религии людям, которые считают свою веру святыней! Голова у меня шла кругом, стоило задуматься о том, как они это воспримут. Статья тут же разлетится по Интернету, начнутся обсуждения... ох, что будет! В одиннадцать часов вечера, когда Грир уже собралась тушить в спальне свет, я пожаловался ей на свои муки.

— Ну, теперь-то что толку об этом беспокоиться? — жизнерадостно откликнулась она. — Ты ведь уже ничего не можешь изменить.

Спасибо, родная! В этом-то и проблема! Я уже ничего не могу изменить и при этом все яснее понимаю, что сделал глупость. Спрашивается, кто меня за язык тянул? Ну что я за идиот?!

Всякий раз, попав в беду, я вспоминаю случай, произошедший со мной в восьмом классе. Мой лучший друг Джон Шлеймер ночевал у меня, и я предложил сыграть в интересную игру. Проверка на храбрость: кто поднесет зажженную спичку ближе к запалу петарды? Я даже вызвался попробовать первым. Чиркнул спичкой, поднес ее вплотную к шнуру М-80... и вдруг услышал: «С-с-с-с-с...» — тошнотворное шипение горящего шнура. Внутри у меня все упало. Мир вокруг замер, словно в замедленной съемке. Я сжал шнур пальцами, надеясь его загасить. Но шнур прогорел прямо у меня в руке. Оставалось несколько секунд. Петарда стояла на подоконнике в спальне, примерно на уровне моих глаз. Было десять вечера. В соседней спальне спали родители. Я схватил М-80, чтобы швырнуть его в дальний угол. Помню при этом свою мысль, очень ясную и отчетливую: «Ну что я за идиот!»

Петарда взорвалась у меня в руке. В шоке, оглушенный грохотом, я разжал руку и пересчитал пальцы. Как ни удивительно, все пальцы были целы. Сжатый кулак смягчил силу взрыва. Ладонь моя превратилась в дымящееся мясо. В следующий миг пришла боль, и я завопил благим матом: «Я идиот! Я идиот! Я идиот!»

Что-то подобное чувствовал я и сейчас, ожидая выхода своей статьи. Попытался лечь в постель — но скоро понял, что заснуть не удастся. В полночь встал и принялся проверять сайт «Лос-Анджелес тайме».

Статья появилась как-то вдруг, уже в довольно поздний час: бум! — вот и она, на видном месте, с моей фотографией. Заголовок, который я увидел впервые, гласил: «РЕЛИГИОЗНАЯ ЖУРНАЛИСТИКА КАК ИСПЫТАНИЕ ВЕРЫ. Репортажи о секс-скандалах, религиозных магнатах и целителях заставили журналиста проверить на прочность свою веру и узнать о себе нечто новое».

Странно, но это зрелище меня успокоило. Самое страшное уже произошло. Моя лодчонка ухнула вниз. Статья вышла, и осталось только подождать и посмотреть, к чему это приведет.

Я снова перечитал ее от начала до конца, хоть, кажется, и знал наизусть. Чтение собственных статей на сайте или на бумаге всегда придает какую-то психологическую дистанцию. Иной раз мне становится тошно: я ясно вижу, что написано слабо или в сюжете зияют дыры. Иногда, наоборот, бываю приятно удивлен. Этой своей статьей я гордился: редкое чувство для человека, как правило, невротически критичного к собственной работе. Не нравилась мне только фотография.

Возбуждение кипело во мне; я понимал, что заснуть сейчас не смогу. Рассеянно открыл электронный почтовый ящик. Была четверть первого; статья

появилась на сайте примерно час назад. Как правило, на каждый мой материал приходило с десяток откликов, делящихся приблизительно пополам между одобрением и критикой. В ответ на ничем не примечательные истории я получал один-два случайных и-мейла. На крупные и интересные статьи — как история об эскимосах — могли откликнуться несколько сотен читателей.

Я открыл папку «Входящие» и не поверил своим глазам: весь экран был заполнен новыми письмами. Открыл предыдущую страницу — то же самое. И еще, и еще раз — то же самое. Около ста писем за час! Меня снова охватил страх: я представил себе, какую ярость разбудил в читателях своими признаниями. Но затем я просмотрел заголовки писем: «Пожалуйста, не бросайте писать о религии!», «Спасибо вам», «!!!», «Вы дали мне надежду», «Поздравляю с духовным продвижением, пусть и дорогой ценой»... Я открыл первое письмо:

> Спасибо Вам за откровенный рассказ о Вашем духовном пути. Статья просто прекрасная; думаю, многие из нас, католиков, пытающихся понять те ужасные решения, которые принимает наша церковь, чтобы защитить себя, будут тронуты вашим рассказом.

Открыл следующее:

> Буду молиться за Вас и Вашу семью! Прямо сейчас, когда пишу это письмо, я молюсь о том, чтобы Бог снова явил Себя в Вашей жизни. Ведь без Бога в нашей жизни мы - ничто.

Из первых ста писем отрицательные отзывы я нашел только в двух. Все остальные были положительными — хоть и по-разному. Атеисты приветствовали нового единомышленника. Христиане уговаривали меня вернуться к вере. Иудеи и мусульмане предлагали попробовать их религию в надежде, что она покажется мне более привлекательной. А большинство авторов просто благодарили за честность, с которой я рассказал о своих религиозных сомнениях, и признавались, что и сами они испытывают схожие недоумения. Один католический священник написал: «Добро пожаловать в наши ряды. Нас таких много».

Такой реакции я совершенно не ожидал! Это и поражало, и успокаивало. Оказывается, очень много людей на всех концах религиозного «спектра»

мучаются сомнениями! Многие признавались, что им тяжело об этом говорить. В почтовый ящик мне хлынули чужие истории, от интеллектуальных до грубо откровенных. В целом я получил более двух тысяч семисот писем.

Несколько раз я пытался лечь в постель, но туг же снова вскакивал и принимался проверять почту. Кто мне только не писал! Пастор признавался, что больше не верит в Бога, но не может рассказать об этом ни единой живой душе. Священник из Ватикана выражал мне поддержку и рассказывал о своих духовных борениях. Профессор богословия из семинарии Фуллера в Пасадене, Калифорния, сообщал, что их ректор включил мою статью в круг обязательного чтения для студентов. Телегерой Кирк Кэмерон приглашал меня поговорить за чашкой кофе, уверенный, что сможет вернуть меня к вере в Бога.

Сотни верующих внесли мое имя в свои молитвенные списки. Мой стол в редакции скоро оказался завален книгами, буклетами, листовками, CO-дисками, изучение которых должно было восстановить мои отношения с Богом. Я получал десятки просьб о встрече от пасторов и просто неравнодушных верующих, уверенных, что они смогут наставить меня на путь истинный.

Люди присылали мне ссылки и заметки, показывающие, что моя статья стала темой для проповедей, радио- и телепрограмм, блогов, подкастов и веб-сайтов, обсуждений в университетах и в семинариях. Я получал приглашения выступить по радио и по телевидению, в колледжах, на встречах верующих и атеистов. Общий тон откликов застал меня врасплох; но, в конце концов, в нем было именно то, чего ожидал от своих последователей Иисус — любовь, понимание и доброта. Они не вернули мне веру в христианство, но укрепили мою веру в человечество.

Моя история вызывала много вопросов, но чаще всего повторялись два. Кем я себя теперь считаю — атеистом, агностиком, кем-то еще? И второй: что и как я говорю о потере веры своим детям?

Как мне теперь себя называть? Вопрос очень нелегкий. Люди (особенно журналисты) любят ярлыки. Удобно, когда можно отнести человека к какой-то категории. Но мое теперешнее отношение к Богу категоризировать было не так-то легко. Честно говоря, я просто не знал, подходит ли мне какое-либо расхожее определение. В паре интервью я назвал себя «атеистом поневоле», но это не отражает реального положения вещей. Термин «агностик» мне не нравился: чувствовалось в нем что-то малодушное, как будто у меня не хватает смелости прямо назвать себя атеистом. Я знал, что больше не верю в Бога, вмешивающегося в земные дела, однако понятия не имел, возникла ли жизнь в

результате космической случайности или же волею божественного творца. Я склонялся к гипотезе творца} мне было непонятно, как жизнь может возникнуть из ничего. Но, если так, кто же создал создателя? И до сих пор для меня это вопрос нерешенный. Пожалуй, самое адекватное определение для меня — что-то вроде «деист-скептик» или «колеблющийся деист». Мой новый Бог, быть может, близок к Богу Томаса Джефферсона и Альберта Эйнштейна — божеству, проявляющему себя в чудесах природы, в сложности ДНК, в откровениях физики. Но этот Бог (а в том, что он существует, я вовсе не уверен) несовместим с Богом Библии.

Ответ на вопрос о том, что я сказал детям, распадается на две части, поскольку дети у меня разного возраста. Когда вышла моя статья, старшим моим мальчишкам было восемнадцать и пятнадцать, а младшим — девять и шесть. Старшие ходили вместе с нами в воскресную школу, посещали молодежный клуб при церкви, но постепенно вместе с нами перестали туда ходить. Произошло это очень постепенно, так что они ни о чем не спрашивали, а нам не пришлось ничего им объяснять. Мне казалось, оно и к лучшему. Я готов был взять на себя ответственность за собственную бессмертную душу (если она у меня все-таки есть), но совершенно не хотел отправлять в ад собственных сыновей, как бы маловероятна ни была такая возможность. Пусть сами решают, во что верить, решил я. В то утро, когда вышла статья, я сел вместе со старшими сыновьями и попросил их ее прочитать. Сказал, что готов ответить на любые их вопросы. Я беспокоился о том, как они это воспримут, и чувствовал вину из-за того, что так долго избегал этого разговора. Но скоро я понял, что недооценил детскую интуицию. Оказывается, мои парни и без слов прекрасно все понимали! Они сказали, что моя статья не стала для них сюрпризом и что сами они независимо от меня пришли к тем же выводам. Может быть, это прозвучит странно, но я ощутил гордость за своих сыновей, которые оказались способны критически взглянуть на религию. Конечно, сейчас они подростки, и их духовный путь только начинается. Если когда-нибудь они станут христианами, это будет их выбор, и я отнесусь к нему с уважением, хотя, конечно, за семейным столом в День благодарения их будут ждать горячие споры!

Младшие мои мальчишки — совсем другое дело. Мэтью девять лет, и о церкви у него сохранились лишь смутные воспоминания. Шестилетний Оливер об этом совсем ничего не помнит. Я стараюсь не раскрывать перед ними свое неверие: это мне кажется неправильным. Они еще маленькие, и с ними мы говорим о Боге примерно так же, как о Санта-Клаусе. Они считают, что Бог

реален, и часто задают о нем вопросы, приходящие на ум всем детям: например, как Бог ухитряется видеть все сразу? Мы отвечаем, как можем. Да, это не соответствует моим новым взглядам, но поделиться с ними своими мыслями о Боге и религии я успею, когда они подрастут. Я не готов сообщать шестилетке, что на свете нет ни Бога, ни рая, ни Санта-Клауса.

Мне кажется, многие так живо откликнулись на мою статью отчасти потому, что я не выступал в духе нового атеистического движения, с истинно евангелическим пылом раскрывающего людям глаза на глупость и порочность религии. Популярные авторы-атеисты — Кристофер Хитченс, Ричард Докинз и Сэм Харрис — отличные полемисты и блестящие писатели (особенно Хитченс). Но я не так уверен в своем неверии, как они. Для них неверие — своего рода религия; а мне такое отношение чуждо. У меня есть друзья — христиане, иудеи, мусульмане, в том числе интеллектуалы, и, глядя на них, я как-то не готов настаивать, что мне одному известна истина. Могу точно сказать лишь одно: это истинно для меня. Хотя иногда, чувствуя себя уверенно в своей новой позиции, я ловлю себя на том, что смотрю свысока на верующих, поклоняющихся тому, кого, как я теперь считаю, не существует. Велика ли разница между сайентологами, с их священными э-метрами, якобы измеряющими человеческие эмоции, мормонами, убежденными, что Эдемский сад находился в штате Миссури, и иудеями и христианами, верящими, что стены Иерихона обрушились от звуков труб?

Религиозные ритуалы, в которых я прежде находил утонченную красоту, например рукоположение священника, теперь кажутся мне почти комичными. К чему все эти благовония, брызги святой воды, пышные одеяния, зачем новопоставленный священник простирается на полу? Но тут же я вспоминаю, что еще совсем недавно смотрел на неверующих с жалостью: бедняги, они не знают Господа! После всего, что со мной произошло, едва ли я вправе кого-нибудь судить.

Разумеется, получал я и критику. Самое основательное возражение состояло в том, что я, став свидетелем человеческой греховности, ошибочно перенес ее на безгрешного Бога. Понимаю этот аргумент, но не принимаю его. Если Господь реален, вполне естественно и разумно ожидать, что люди Божьи будут в среднем нравственно выше остального общества. Но, согласно статистике, это не так. Я верю также, что организации и институты, установленные Богом, в среднем должны действовать на более высоком нравственном уровне, чем светские правительства и корпорации. Но и этому нет никаких доказательств. Сложно верить в Бога, когда не видишь никакой

разницы между Его людьми и атеистами.

В некоторых консервативных углах вызвал подозрения анонс моей статьи на первой странице. Если бы, говорили критики, в моей статье рассказывалось о том, как из атеиста я сделался пламенным христианином, небось ее бы так не рекламировали! Но я думаю, что с такой статьей редакторы обошлись бы точно так же — ведь она была бы не менее интересна. Предрассудков у журналистов хватает, но все они забываются при виде хорошего материала.

Самая суровая критика исходила от ближних. Один мой хороший друг, евангелический христианин, заявил, что публиковать такие материалы безответственно: я нанес ущерб Телу Христову, возможно, подтолкнул кого-то отвернуться от Бога и тем обрек его на вечность в разлуке с Господом. Такие аргументы меня возмущают, поскольку в них видится двойной стандарт. Сами верующие, естественно, требуют себе права на свободное самовыражение и терпимость со стороны тех, кто с ними не согласен. Но тогда так же следует обращаться и с неверующими!

Сосед-католик ядовито заметил, что у меня, должно быть, просто кризис среднего возраста, и поинтересовался, почему бы мне не держать свои сомнения при себе. На это я ответил, что кризис среднего возраста проявляется совсем иначе. Я не купил себе «порше», не завел любовницу — я просто перестал верить в Бога.

Первая жена, с которой я не общался уже много лет, позвонила мне на работу и спросила, как я себя чувствую теперь, обнаружив, что большую часть своей сознательной жизни потратил на веру во что-то несуществующее.

Моя теща, которая каждое воскресенье ходит на мессу, предпочла просто избегать этой темы. А вот еще один родственник со стороны Грир предпринял лобовую атаку на мое неверие. Он позвонил мне на работу и оставил на автоответчике длинное сообщение следующего содержания: да будет мне известно, что я не богат (в отличие от него), а у моего сына Тристана год назад нашли диабет именно потому, что я отвернулся от Бога и позволил войти в свою семью дьяволу. Кстати, в том, что другой мой сын постоянно болеет отитами, тоже дьявол виноват! После этого мы с ним, естественно, не разговаривали; но случись мне с ним встретиться — непременно поинтересуюсь, почему любящий Бог наказывает тяжелой и неизлечимой болезнью (да хотя бы и обычным воспалением уха!) невинного ребенка за грехи его отца! Почему Бог не защитил детей? Если виноват я, пусть дьявол на меня и нападает! Что это за Бог-садист, которому он поклоняется? Лучше, чем я, выразила все это еще одна моя корреспондентка: воцерковленная женщина,

на глазах у которой умерли от страшной болезни один за другим двое ее маленьких детей.

> Ваша колонка... отозвалась в моей душе, потому что я сейчас нахожусь на таком же духовном распутье. Я была воспитана в вере в справедливого Бога, однако вера моя пошатнулась, когда мы с мужем потеряли десятилетнюю дочь, умершую от муковисцидоза - врожденной болезни, от которой не существует лечения.
>
> Мы чувствовали себя преданными. Почему любящий Бог принес такую боль родителям, которые жили согласно Золотому Правилу и следовали Десяти Заповедям? С горем мы понемногу свыкались, однако не могли понять, почему же нашей любви оказалось недостаточно, чтобы спасти дочь, и почему вера не принесла нам утешения.
>
> Но, когда от той же болезни умер второй наш ребенок, мы пришли к выводу, что наивно было верить в Бога, о котором нам рассказывали в воскресной школе, - Боге, который сидит в месте под названием «небеса» и раздает награды за хорошее поведение и наказания за плохое. Достаточно взглянуть на то, что происходит в мире, чтобы понять: это неправда.
>
> Но кому же тогда молиться? Безличному Богу, который допускает, чтобы хорошие люди терпели зло? Этого мы еще не решили. Трудно отказаться от веры, сопровождавшей всю твою жизнь. Люди существа духовные, и нашим душам нужно что-то, чтобы заполнить эту пустоту. Я думала даже о том, чтобы снова начать ходить в церковь, в надежде, что это поможет мне вернуться к вере, но, как вы красноречиво написали, «имитируя веру, можно обмануть других, но не самого себя».

Обычно я очень чувствителен к критике; но в этот раз она меня не задевала. Я рассказал, так честно и подробно, как только мог, о своем духовном пути. Все это правда. Это я знал точно, потому что все это произошло со мной. И никакая критика этого не изменит. Кроме того, я чувствовал, что сделал все, что мог. Иные говорили, что я никогда и не был спасен (и, возможно, это правда); другие — что вера моя была слаба и поверхностна и потому не выдержала искушений (вот это, думаю, неправда: мне кажется, моя

вера была глубже, чем у многих). Некоторые протестанты уверяли, что я сбился с пути, потому что направил свои стопы в Ватикан. А многие католики полагают, что я слишком рано сдался. Но я покинул христианство без стыда и без чувства вины, зная: я сделал все возможное, чтобы сохранить свою веру.

Эпилог

> Если кто-то не верит в то, во что верим мы, мы называем его чудаком и на этом успокаиваемся. А что нам остается? Сжечь-то его уже нельзя!
>
> Марк Твен, «По экватору»

Недавно я выступал с рассказом о своем разобращении перед группой студентов Университета Байола, христианского колледжа в Южной Калифорнии. В конце разговора одна студентка спросила, что же заняло в моей жизни место Бога. Этот вопрос застал меня врасплох: дело в том, что никакой пустоты после исчезновения Бога я не чувствовал. В тот момент я не нашел, что ответить; однако вопрос хороший, заслуживающий развернутого ответа.

Начать проще не с того, что заменило мне веру, а с того, что ушло вместе с ней. Исчезло постоянное тягостное недоумение перед тем, что же происходит в мире. Без переменной под названием «Бог» уравнение жизни стало более понятным. Я больше не бьюсь над неразрешимыми загадками, преследовавшими меня в годы веры. К. С. Льюис писап: «Бог шепчет нам в наших удовольствиях, вслух говорит с нашей совестью, но Он кричит в нашей боли — его Его мегафон, чтобы слышал оглохший мир». Одно из многочисленных апологетических изречений, которые теперь кажутся мне совершенно бессмысленными. Почему об удовольствиях Бог шепчет, а страдания использует как мегафон? Есть в этом что-то нездоровое.

Порой тяжело сознавать, что ты одинок во Вселенной и у тебя нет защитника. Я ощущаю это на себе, иной раз — по самым пустячным поводам. Например, недавно мне случилось подхватить какой-то на редкость мерзкий желудочный грипп. Несколько часов я не выходил из ванной: в перерывах между приступами рвоты лежал, скорчившись, на кафельном полу — не было даже сил вернуться в постель. Дрожа, обливаясь потом, страдая от жестокой боли в желудке, я начал опасаться, что болен серьезно, может быть, даже смертельно. И вдруг поймал себя на том, что молюсь — просто на случай, если

насчет Бога я все-таки ошибся.

— Боже, — молил я, — если Ты все-таки есть, пожалуйста, пусть мне станет лучше! Да, я от Тебя отвернулся, но сейчас мне очень нужна Твоя помощь! Прости меня, Господи, пожалуйста!

Немедленного исцеления не случилось, но после этого случая я очень хорошо понял поговорку: «В окопах атеистов не бывает». Интересно, если я в самом деле смертельно заболею, что произойдет с моей духовной жизнью?

В законах природы, совпадениях и случайностях смысла больше, чем в божественном вмешательстве. Один мой друг пришел к тем же выводам, что и я; однако для него, по его словам, это стало «психологической катастрофой». Он едва не сошел с ума, осознав, что никакой любящий Бог не охраняет его детей. У меня здесь есть преимущество: я писал о религии. Мне пришлось познакомиться со многими благочестивыми христианами, потерявшими детей. И не нашлось никаких свидетельств, статистических или каких-либо иных, что дети, за которыми присматривает Бог, в большей безопасности, чем дети неверующих. По этому поводу мне вспоминается атеистический стикер на автомобильном бампере: «Сегодня умерло от голода двадцать тысяч детей. Почему ты думаешь, что Бог ответит на ТВОИ молитвы?»

По крайней мере теперь, когда я сталкиваюсь с горем и несправедливостью (сегодня, когда я писал эти

строки, умер от опухоли мозга чудесный трехлетний малыш — сын моего преподавателя гитары), я понимаю: это случайность. Никакой Бог не сидит на небесах сложа руки, глядя, как умирает ребенок. Просто в жизни случаются трагедии, и нельзя предсказать, на кого обрушится несчастье, а кого оно минует. Это куда более реалистичный и понятный ответ.

То, что обещает нам Библия — мир и спокойствие, — я обрел в куда большем объеме, став неверующим. При этом моя этика и нравственные ценности не изменились. Я привык считать свои врожденные представления о добре и зле каким-то даром Божьим. Теперь я вижу в них продукт десятков тысячелетий эволюции, закодированный в моем ДНК, призванный обеспечить выживание моей семьи и меня самого. Человек, у которого нет совести и нет способности отличать дурное от доброго, — это не атеист, а социопат.

Будучи верующим, я старался жить по принципам, описанным в Библии (точнее, в «светлых» ее частях). И с тех пор, как потерял веру, ничего не изменилось. В целом я по-прежнему стараюсь следовать тем же идеалам, принципам и ценностям — естественным, как мне думается, для любого человека. По-прежнему я порой уклоняюсь от избранного пути, но теперь не

виню в этом дьявола. Если мне случается поступить дурно — виной тому мой собственный эгоизм или недомыслие, на время взявшее верх над здравым смыслом, опытом и самообладанием. Откровенно говоря, поведение мое с «христианских» времен не сильно изменилось. Во многом я сталкиваюсь с теми же проблемами. По-прежнему часто тревожусь. Слишком долго помню зло. Слишком легко вру, особенно в мелочах. Пью больше, чем следовало бы. Раздражаюсь по пустякам на детей. И так далее, и так далее.

Ушло лишь «плацебо» — представление о том, что вера должна сделать меня лучше, защищать, направлять на путь истинный и в конечном счете привести на небеса. Это «плацебо» перестало действовать давным-давно. И когда я признался себе в том, что для собственного успокоения кормлю себя сахарными пилюлями, меня охватило облегчение. Мои растущие сомнения в христианстве не были знаком слабости, недостатка веры или нападений дьявола. Я просто медленно, сам того не сознавая, двигался в сторону истины.

Итак, что же заняло в моей жизни место Бога? Чувство счастья и благодарности. Я ясно понимаю, как мне повезло, что я живу — живу именно на этом крохотном отрезке времени в истории Вселенной. Постоянно помню о том, что жизнь моя коротка и важно не растратить ее попусту. Теперь, когда за спиной у меня нет вечности, я начал жить настоящим.

Я благодарен за каждый прожитый день и стараюсь не тратить время даром. Я сузил свой круг друзей, чтобы проводить больше времени с теми, кто мне действительно дорог. Стал более искренним с самим собой: теперь меня не так волнует то, что подумают обо мне другие. Отчасти это, быть может, связано с взрослением, но отчасти и с тем, что теперь я лучше понимаю, что важно, а что неважно в моей одной-единственной жизни.

Теперь я почти постоянно слышу тиканье часов, отсчитывающих невосполнимые минуты моего века на земле. И это неплохо: это тиканье задает ритм полной и насыщенной жизни.

Недавно вечером мы с моим сыном-подростком Тристаном смотрели по телевизору «Бойцовский клуб». Одна из тем этого фильма: соприкосновение со смертью делает жизнь богаче и учит человека больше ее ценить. В одной сцене антигерой Тайлер Дерден едва не убивает продавца в магазине — просто так, без причин.

— Какого хрена ты это сделал? — спрашивают его.

И он отвечает:

— Завтрашний день станет для Рэймонда К. Хессела самым счастливым днем в его жизни. Его завтрак будет вкуснее всего, что когда-нибудь пробовали

мы с тобой.

Вот что подарила мне потеря Бога. Смерть — абсолютная и окончательная, без лазейки на небеса — стоит теперь передо мной, а я стремительно к ней приближаюсь. И знаете что? Мой завтрак действительно стал вкуснее. Я глубже чувствую любовь семьи и друзей. Мои желания и мечты приобрели такую силу, такую неотступность, что я больше не могу их откладывать. Не могу больше тащиться по жизни, как сонная кляча, утешая себя: «Ничего, что я не использую весь свой потенциал здесь, на земле, — ведь впереди у меня целая вечность с Богом!»

Я тоскую по своей вере — так же, как тосковал бы по всему, что очень долго любил. Я благодарен вере за то, что она помогла мне повзрослеть. Хоть я и пришел к убеждению, что моя религия основана на мифе, однако добрые плоды ее очевидны — и они не испарились вместе с верой. Но когда верующие пытаются вернуть меня обратно в свои ряды, вот что я хочу им сказать: ребята, вы зря тратите время. Трудно описать, до какой степени я сейчас не верю. Там, где прежде была моя вера, нет даже курящихся углей, из которых можно было бы вновь раздуть пламя — только пустота.

Заимствуя метафору у Будды, можно сказать, что восемь лет я переплывал реку на плоту, сколоченном мною самим, и наконец достиг нового берега. Мой плот сделан не из дхармы, как в буддизме — он состоит из того, что я приобрел в пути: знаний, зрелости, смирения, критического мышления, готовности принимать мир таким, какой он есть, а не таким, каким я хочу его видеть. Не знаю, что принесет мне будущее на этой новой земле. Многие мои бывшие братья и сестры во Христе предсказывают, что я вернусь к христианству, и молятся за это, но такого исхода я для себя не представляю. Не думаю также, что приму какую-либо иную религию. По моим ощущениям, неверие в личностного Бога стало неотъемлемой частью моей души. Столь же немыслимы для меня и другие виды духовности.

Кроме того, мне нравится жизнь на неизведанном берегу — новая, интересная, полная возможностей. Когда я был христианином, такое ни за что не пришло бы мне в голову, но теперь я ощущаю восхитительную свободу. Не в смысле Блудного Сына — свободу гулять и дебоширить; нет, я свободен от необходимости сражаться с загадками христианства. Я перестал выдумывать объяснения для необъяснимых парадоксов веры. Я ощутил облегчение, сбросив с себя тяжкое бремя христианства Иисус сказал: «Придите ко Мне все тру-ждающиеся и обремененные, и Я успокою вас; возьмите иго Мое ни себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам

вашим; ибо иго Мое благо, и бремя Мое легко» (Мф 11:28—30) — но в моем случае он ошибся.

Одно знаю точно: никогда я не стану цепляться за свое неверие так же, как цеплялся за христианство. Слишком долго я закрывал глаза на тяжесть Иисусова ига и бремен и религии, поскольку это могло навлечь беду на мою зеру.

В последней своей большой статье, посвященной религии, я рассказывал о том, как исследования ДНК, показавшие, что предки американских индейцев пришли в Новый Свет с Дальнего, а не с Ближнего Востока, подорвали традиционное понимание Книги Мормона и слов мормонских пророков. Вскоре после выхода этой статьи мормонская организация под названием «Образовательный фонд Санстоун» пригласила меня принять участие в круглом столе на тему: «Книга Мормона в свете исследований ДНК: что это для нас означает?» Прибыв на круглый стол в Школу Религии Клермонтского Университета, я поначалу испугался. Весь зал был заполнен «святыми последних дней», а я оказался единственным немормоном на сцене. Чувствовал я себя так, словно вошел в львиное логово — хоть львы и оказались на удивление ручными.

Несмотря на численное превосходство оппонентов, вечер прошел достаточно приятно. Ученые и историки церкви вели интересную дискуссию. Когда настал черед моего выступления, публика вежливо меня выслушала. Я думал, что услышать жесткую критику мне сегодня не придется. Но вот взял слово последний из выступающих, Клифтон Джолли.

Я не знал Джолли; но в мормонских кругах он известен как поэт, публицист и талантливый оратор. Внешне он походил на кабинетного затворника: узкое лицо, очки, седая бородка — вид вполне безобидный. Но вот он открыл рот и разразился 45-минутной речью, сумбурной, язвительной, гневной... и направленной в основном против меня.

— Стыд и позор «Лос-Анджелес тайме», которая пытается нас запугать! — так начал он свою тираду. — Стыд и позор «Лос-Анджелес тайме», уверяющей, что она открыла нечто такое, что имеет для нас значение, — что [коренные американцы] происходят не от евреев!

Он счел оскорбительным само то, что газета вздумала писать о мормонах и их делах.

— Это не ваша история — это наша история, и мы будем ее рассказывать так, как, черт побери, считаем нужным! — бушевал он. — А если «Лос-Анджелес тайме» наша история не по душе, то пусть идут ко всем чертям!

Затем, чуть снизив тон, сообщил, что коренным американцам не о чем беспокоиться — ведь «и китайцем быть не так уж плохо». И снова возвысил голос, на сей раз против науки:

— Все эти выдающиеся ученые, физики мирового класса, все они — убийцы Бога... И плевать нам на «Лос-Анджелес тайме», воображающую, что нашу историю можно подтвердить или опровергнуть фальшивыми орудиями безбожных жрецов науки!

Закончил он (если я правильно его понял) тем, что мормонская вера реальна независимо от того, правда или ложь написана в священной книге мормонов.

— Даже если мы будем побеждены, даже если докажут, что все наши истории неверны — быть может, это приведет нас к пониманию того, что на самом деле важно, и к обсуждению единственного действительно важного вопроса: вопроса не о том, верны ли наши истории, а о том, верны ли мы им! — сказал Джолли.

Хотелось бы мне знать, что это значит: неважно, верны ли наши истории, важно, верны ли мы им?!

Джолли вопил и тыкал в меня пальцем, но я ощущал странное спокойствие. Обычно нападки вызывают у меня гнев и желание немедленно ответить, но сейчас было иначе. Я ясно видел: этот несоразмерно яростный ответ — плод отчаянного желания защитить веру, полную нелепостей и несообразностей. Факты упрямы, и все, что остается защитникам веры, — создавать дымовую завесу из гневных речей, звучных фраз, сарказма и ядовитых насмешек. Подозреваю, Джолли, как и большинство его мормонских братьев и сестер, считает, что религия сама по себе вещь полезная — члены церкви любят друг друга, помогают друг другу в несчастье, создают крепкие семьи и растят детей — так что нечего каким-то «внешним», журналистам или ученым, копаться в механизме и подвергать сомнению его устройство. Работает? Работает. Вот и не трогайте. А если слишком много народу начнет задумываться о том, как устроена эта машина, если откроется слишком много правды — фундамент, на котором выстроили свою жизнь Джолли и другие мормоны, может обрушиться. По крайней мере, с моей верой случилось именно так.

Уезжая из Клермонтского университета, я думал о том, что большую часть своей взрослой жизни не слишком отличался от Клифтона Джолли. Слепо — пусть и только про себя — защищал свою веру и отказывался признавать реальность вокруг себя. Я просто знал, что Иисус реален (в конце концов, я же

чувствовал, как он вошел в мое сердце!), а раз так, все нападки на Него и на мою веру должны были быть лживыми. Я был твердо уверен: все сомнения, не дающие мне покоя, связаны с моими собственными слабостями, а не с истинностью или ложностью христианства. Кроме того, казалось немыслимым бросить то, что обещало мне утешение, руководство, круг друзей, защиту, чувство осмысленности жизни и, в конечном счете, спасение. Американцы тратят миллиарды долларов на продукцию, обещающую помочь им снизить вес. Представьте себе, насколько соблазнительнее звучат обещания религии!

Недавно я нашел в своих бумагах эссе, которое написал в 2003 году, во время недельного семинара для религиозных журналистов в Институте Пойнтера, журналистском вузе в Сент-Питерсберге, штат Флорида. В конце недели каждого из нас попросили написать о себе нечто очень личное. Задача оказалась на удивление несложной: дюжина репортеров из разных концов страны и даже из Европы за эту неделю сблизилась так, что мы делились друг с другом своими секретами, которые ни за что не открыли бы коллегам по редакции. Свое эссе я озаглавил «Духовное самоубийство». Вот отрывок из него:

> Я стою на карнизе, на страшной высоте. Под босыми ногами - узкая бетонная кромка. Сейчас я даже не опираюсь о стену. Я больше не боюсь. После двух лет мучений прыжок принесет мне покой.
>
> Прыгнув вниз, я не разобьюсь о камни далекой холодной мостовой. Это иной прыжок. Он приведет меня в теплые, ласковые воды неверия.
>
> Я погружусь в воду, словно в некоем обратном крещении, и вода смоет с меня все сомнения в Боге. Я шагну вниз с карниза веры - и ответ [на трудные вопросы, например, о том, почему страдают невинные] станет прост: любящий Бог допускает все это, потому что любящего Бога не существует... От моей духовной жизни остались кожа да кости. Господи, помоги мне!

Читая это теперь, я поражаюсь: ведь после этого еще три года потребовалось мне, чтобы признаться себе, что я утратил веру, и еще двенадцать месяцев, чтобы сообщить об этом родным и близким! Вот свидетельство силы веры и недостатка мужества. Перечитывая это эссе, я ясно вспоминаю, как чувствовал себя в то время. Как будто сижу за покером и знаю:

сейчас надо выдвинуть на середину стола все свои фишки и сказать: «Играю на все». Знаю — и не могу. Так боюсь проигрыша, что не могу пошевельнуться.

Чтобы собраться с духом, мне потребовалось много времени. Но я все-таки решился и сыграл на все.

Разумно ли было это решение? Время покажет. Но я ни о чем не жалею. Иначе я поступить не мог.

Благодарности

Начать легко: я безмерно благодарен своей жене Грир, что вот уже больше двадцати лет делит со мной и горе, и радость, и четверым нашим чудесным сыновьям: Тейлору, Тристану, Мэтью и Оливеру.

Я в долгу перед Хью Хьюиттом, который остался моим лучшим другом даже после того, как наши духовные пути разошлись. Мой младший брат Джим, его жена Колин и старый друг Уилл Суэйм оказали мне бесценную помощь во время создания этой книги: их оперативные отклики были для меня бесценны. Благодарю также своих родителей Роберта и Нэнси Лобдел-лов за то, что никогда не переставали «болеть» за мой успех.

Отдельной благодарности заслуживают некоторые мои коллеги из «Лос-Анджелес тайме», в особенности Роджер Смит, столь талантливо отредактировавший статью, из которой выросла эта книга, а также Кристофер Гоффард, Дана Парсонс, Стив Марбл и Стюарт Пфайфер, предлагавшие мне безоговорочную поддержку и ценные критические замечания.

Тришия Дейви, мой агент, бывшая королева школы «Матер Деи», с самого начала с энтузиазмом поддерживала мою работу и придавала мне уверенности в себе. Брюс Николс, редактор из «Харпер-Коллинз», не скупился на слова ободрения и ценные советы; благодаря его поразительному редакторскому дару я сумел перенести свою историю на бумагу именно так, как этого хотел.

Благодарю Джулию Суини и Дэвида Прайса, щедро позволивших мне использовать в своей книге выдержки из их произведений.

Тем, что сохранил здравый рассудок, я обязан Джудит ван Диксхорн, женщине столь же мудрой, сколь и милосердной, и Говарду Стерну, который не только ежедневно заставляет меня смеяться, но и учит быть честным с самим собой. Кроме того, прочищать мозги мне помогают Дейни и Рода, инструкторы по фитнесу, которые гоняют меня нещадно, и друзья-триатлонисты из «Союза Триатлон-блогеров».

Отдельное спасибо моему первому и единственному учителю журналистики — Джозефу Н. Беллу, первому человеку, сказавшему мне, что я могу стать профессиональным журналистом. И однокурсникам У. Тому Дейви и Грегу Хардести, показавшим мне, как захватывает и увлекает репортерское ремесло, даже если пишешь для студенческой газеты.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru
Оставить отзыв о книге
Все книги автора